

Колдовские

Миры

Она написала любовь

ТЕРЕЗА ТУР

Annotation

Что общего у канцлера Великого Отторна, сильнейшего артефактора королевства, и небогатой молодой женщины, которая и секретарь своему мужу, великому писателю, и тень за его спиной? Смерть, которой не дадут собрать свою жатву? Попытка спастись от одиночества и найти себя в этом мире? Или нежданная любовь, которая приведет с собой желание изменить судьбу: написать новые чувства, новые книги, новую жизнь...

- [Тур Тереза](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Эпилог](#)
-

Тур Тереза ОНА НАПИСАЛА ЛЮБОВЬ

Глава 1

— Многоуважаемая Эльза, вот позвольте поинтересоваться, что вы там забыли?

Никто не откликнулся на эту преувеличенно-любезную реплику.

— Посмотрите, Грон, как ветрены женщины. Даже лучшие из них!

Огромный черный пес подошел поближе и ткнулся квадратной мордой в руку хозяина. Усы и борода забавно топорщились. Кустистые брови высоко поднялись — пес тоже удивлялся поведению Эльзы, явно сочувствуя мужчине.

— Эльза, дорогая, начинается дождь. Вылезайте из кустов! Сейчас же!

Ветки затрещали, словно в зарослях ворочался большой медведь. Раздались тяжелые вздохи. Однако никто так и не появился.

— Ну что же, пойдете, Грон, посмотрим, что там обнаружила наша непослушная дама.

Из-за живой изгороди, что в осенних сумерках казалась непроходимой стеной, снова донесся долгий выразительный вздох. Должно быть, Эльза так показала свое отношение к мужскому эгоцентризму.

Хозяин собак покачал головой и отправился вдоль зарослей, что отмечали границу его владений. Лезть напролом через кусты он не собирался.

Шагал не торопясь, привычно опираясь на трость. На первый взгляд, этого мужчину можно было бы назвать привлекательным. Хорошая тренированная фигура. Ясные серые глаза. Но... Слишком бесстрастное выражение лица. Слишком ядовитая полуулыбка на поджатых губах. Безукоризненно строгая выправка — штангенциркуль загнулся бы от зависти...

— Ну, и что у нас тут?

Эльза была той же породы, что и Грон, только чуть помельче. Треугольные уши высоко поднялись, пимпочка хвоста заходила в извинениях.

— Я оценил степень твоего раскаяния, — усмехнулся хозяин. — Показывай.

Собака отступила. И мужчина, приглядевшись, увидел серый комок с белым пятном лица и светлыми волосами. В вечерних сумерках осеннего вечера, среди нарядных золотых листьев, тело женщины смотрелось как-то особенно неестественно и дико.

— Вот только труп на моих землях не доставало, — недовольно проворчал мужчина.

Девушка — тоненькая, хрупкая, лежала на боку, поджав ноги и обхватив себя руками, в последней, отчаянной попытке согреться.

— Ладно, — вздохнул мужчина. — Не оставлять же ее здесь. Придется вызвать полицию. Отвечать на вопросы...

Он достал из кармана тонкую металлическую пластину, блеснувшую отполированным серебром в лучах заходящего солнца.

Эльза укоризненно посмотрела на хозяина. И снова тяжело вздохнула.

— Что? — удивленно посмотрел на нее хозяин. — Ты хочешь сказать, что она жива?

Мужчина неторопливо убрал пластину в карман, стряхнул с руки перчатку, опустился на колено, оттянул высокий воротник блузки и прижал пальцы к шее девушки. Через долгое-долгое мгновение он почувствовал, как что-то дрогнуло в глубине.

Хозяин поместья и собак поднялся, скривился и задумался.

Неясные, призрачные сумерки, щедро пропитанные недавно прошедшим дождем. Запах осени. Чудесный вечер. Он любил вечерние прогулки с Эльзой и Гроном. Одиночество. Покой, который он, несомненно, заслужил. И вот...

— Пожалуй, это самый оригинальный подход. Так ко мне убийц еще не засылали, — проговорил он наконец.

Грон угрожающе зарычал, Эльза посмотрела на хозяина со странной смесью жалости и иронии. Потом немного подумала, пытаясь все-таки разобраться в своих чувствах, и наконец проявила свое возмущение, громко и выразительно чихнув.

— Ты хочешь сказать, что не чувствуешь угрозы? Ну что ж... У профессионала может и не быть ко мне враждебных чувств, такое уже было.

Собаки, в тот раз только чудом успевшие спасти хозяина, напряглись.

— С другой стороны... Может быть — просто барышня в беде. Сбежала, наверное, от нелюбимого жениха! По возрасту для подобной дури вполне подходит.

Эльза и Грон насмешливо фыркнули, одинаково оценивая человеческую глупость...

Мужчина натянул перчатку. Положил трость на землю.

— Ладно, в любом случае подобная находчивость должна быть награждена... Будем считать, что меня заинтриговали.

Он легко поднял девушку, закинул себе на плечо. Ее шляпка слетела и

покатилась, как перекаати-поле, подхваченная ветром.

— Домой! — скомандовал мужчина. — Эльза, трость захвати!

Эльза метнула на Грона быстрый, обеспокоенный взгляд, что означало: «Возьми трость, будь другом — я сейчас!», и унеслась за шляпкой таинственной незнакомки, попавшей в беду.

* * *

— Что вам угодно от доктора мертвых, господин барон? — поприветствовал его невысокий, начинающий полнеть мужчина, что ждал возле «кристаллического» экипажа — штуки неприлично дорогой и очень популярной в королевстве Отторн. Вместо лошадей в экипаже использовали магическим образом выращенные кристаллы бериллия. Поговаривали, что именно это изобретение помогло выиграть Десятилетнюю войну.

— Что же вас, мой дорогой доктор Фульд, понесло в судебную медицину? Лечили бы живых — ручаюсь, у вас была бы обширная практика.

— Ах, дорогой барон! После всех наших... приключений хочется общаться лишь с умершими. От них, по крайней мере, никаких сюрпризов не ждешь. Не то что от живых.

И доктор машинально потер страшный шрам от ожога по всей левой стороне лица.

— Ваш выбор. К делу.

— Слушаюсь, — подобрался доктор.

Они зашли в дом — свет приветливо зажигался по ходу их движения. Дошли до гостиной. Хозяин сгрузил свою ношу на диван.

— Посмотрите, кого Эльза нашла на границе моих земель.

— Вижу, — спокойно откликнулся странный доктор. — Это госпожа Агата. Агата фон Лингер. Ваша соседка.

— Даже так? — удивился хозяин поместья. Слова доктора опровергали его предположения о том, что найденная девушка — либо наемная убийца, либо сбежавшая от родителей дурочка.

— Она пропала сутки назад. Объявлена в розыск по подозрению в убийстве мужа.

Барон, который редко ошибался в людях — и во многом благодаря этому был еще жив, — недовольно покачал головой. Теперь ему стало интересно, ошибся ли он с возрастом дамы:

— И сколько ей лет? — максимально не заинтересованно поинтересовался он.

— Тридцать, я полагаю. Или около того.

Господин барон постарался проигнорировать ироничный взгляд своих собак. Хватит и того, что ему часто казалось, что они гораздо умнее людей. По крайней мере, умнее его самого.

— Смотрю, вы надели на нее кулон отсрочки смерти? — чуть улыбнулся доктор, явно получая удовольствие от замешательства хозяина дома.

— Чудесное изобретение, доктор! — пришел в себя барон, стараясь, чтобы в голосе звучала ирония. — Позвольте еще раз выразить вам свое восхищение. На четыре-пять часов остановить все поражающие организм факторы — это просто чудо.

— Конечно, — проворчал доктор. — Если уж пострадавшая дожидается встречи с вами, было бы нелепо не дать ей дожить до встречи со мной.

Между тем доктор Фульд достал из маленького саквояжа прозрачную, светящуюся изнутри широкую пластину.

Барон молчал. Доктор, напряженно всматриваясь в пластину, провел ей от затылка женщины до самых пяток. Хмыкнул. Поморщился. Еще раз вернулся к гортани, пищеводу. Крутя пластину и так, и эдак, особое внимание уделил желудку. Привычно потер шрам... Достал из саквояжа еще одну пластину — поменьше, и длинную, тонкую иглу в специальном футляре.

Помассировал девушке прозрачную руку, уколол тонкий пальчик, с трудом выдавил капельку крови, ловко нацепил на глаз увеличительный кристалл, вставленный в черный конус. Сощурился. Насторожился. В этот момент доктор был похож на Грона, который учуял нарушителей охраняемой территории. Барон невольно улыбнулся.

— Вот странно... — выдохнул Фульд наконец.

— Что именно, доктор?

— Ну, переохлаждение — это понятно. Как я понимаю, несчастная то брела, то падала, теряя сознание. Окончательно отключилась часов десять назад. Скорее всего там, где вы ее нашли. В легких уже есть очаг воспаления... Но...

Фульд вытащил увеличительный кристалл из глаза и удивленно посмотрел на барона.

— Госпожу Агату... отравили!

— Может, сама?

— Не думаю. Барышни в таких случаях обычно предпочитают

снотворное.

— В самом деле? — Барон усмехнулся.

— Да. Очень непрактично. Приходится тратиться — доза должна быть запредельно высокой, чтобы добиться летального исхода. Хотя... Для демонстративного суицида, с целью давления на окружающих — идеальный вариант. В основном подобные особы именно этого и добиваются. Жаль только, что после подобных попыток молодые здоровые женщины получают кучу неприятностей. Проблемы с памятью, зрением, сном.

Доктор осуждающе покачал головой.

— А вот если бы ее хотели отравить домашние, то использовали бы крысиный яд. Есть в каждом доме, смертность для людей стопроцентная. Если правильно дозу рассчитать...

— Но, судя по всему, это и не снотворное, и не отравка для крыс?

— Вот это и странно! — Доктор назвал армейский препарат, который использовали диверсионные группы обеих враждующих сторон, чтобы отравить источники воды.

— «Водяная Смерть»?!. Но где она ее достала? — изумился хозяин дома. — Если, конечно, травилась сама. Или где его достали те, кто собирался убить бедняжку?

— То-то и оно...

— Очень любопытно. А живая она почему?

— Холод замедляет действие, — с укоризной посмотрел на барона доктор, словно тот должен был знать не только свойства, но и особенности всех отравляющих веществ.

— Ясно. И что теперь?

— Ничего, — стал убирать свои волшебные приспособления доктор. — Сколько прошло с того момента, как вы надели на нее кулон? Час? Значит, осталось три. Потом — стремительное удушье, и все. Остановка сердца. Можно, конечно, вынести несчастную на холод... Однако этим мы лишь продлим агонию.

Он посмотрел на барона — точь-в-точь Грон, когда тот по молодости рычал на всех близко подходящих людей без разбора. А потом подбегал к хозяину извиняться за несдержанность.

— Я составлю официальное заключение, — продолжил доктор торопливо. — Пусть хоть с бедняжки снимут обвинение. И прослежу, чтобы это преступление было расследовано как следует.

Барон по-прежнему пребывал в глубокой задумчивости. Потом вздохнул, словно очнулся. И решительно сказал:

— Нет.

— Что? — удивился доктор Фульд. — Не надо заключения?

Хозяин дома достал пластину, набрал комбинацию цифр. Спустя несколько гудков его настороженно спросили:

— Господин барон?

— Да, именно.

И собакам, и доктору показалось, что они увидели воочию, как собеседник (который до этого, должно быть, мирно ужинал) подскочил, стряхнув салфетку на пол и вытянулся по стойке смирно.

— Мне нужна от вас любезность, мой дорогой Петер.

— Чем могу служить?

— В вашей конторе есть противоядие от «Водяной Смерти»?

— Эту гадость еще используют? Ее же запретили по последней конвенции об отравляющих веществах. И даже, как ни странно, все страны придерживаются этой резолюции. Отравы действительно страшная!

— Похоже, ее стали использовать в частном порядке. Что, как вы понимаете, меня весьма раздражает.

— Я вас понял, господин барон. Противоядие есть. Но оно... слишком экспериментальное.

— Сойдет и такое. Выбора у нас все равно нет.

— Мы немедленно начнем масштабную проверку запасов, господин барон.

— Сделайте это по-тихому, без помпы. И пришлите своих следователей в марку Орнока. Под видом частных лиц. Пусть разберутся, что у нас происходит. И — не считите за труд — отправьте мне копии отчетов.

— Слушаюсь.

— Оставьте это, Петер. Я теперь частное лицо. И еще — по поводу противоядия. Оно мне необходимо через два часа.

— Кулон отсрочки смерти?

— Именно он. Хорошего вечера.

И барон нажал на кнопку, выключая связь.

Глава 2

— И вы не знаете, что случилось с вашим супругом, госпожа фон Лингер?

— Нет. Я знаю лишь то, что он не пришел домой ночевать. На связи его тоже не было. Я забеспокоилась и обратилась в полицию.

— Свидетели говорят, что в последнее время вы с супругом ссорились.

— Не больше и не меньше, чем любая супружеская пара после семи лет совместной жизни, — спокойно ответила женщина.

— А вчера?

— Вчера... Людвиг с утра уехал в город. Сказал, что у него дела. Я этим была не очень довольна. У нас — книга, сроки.

— Вы работаете вместе?

— Мой муж — знаменитый писатель, лауреат Королевской премии. Я — его помощница.

— То есть? Что вы имеете в виду? Тоже... пишете?

— И это тоже. Секретарь. Иногда — нянька. Часто — тиран. У нас более чем щедрая оплата, но жесткие условия контракта. Мы не можем себе позволить работать по принципу — «пойдет» текст или нет.

— То есть если бы не кровь на сиденье экипажа и вокруг него, то можно было бы предположить, что ваш муж просто все бросил и уехал. Так?

— Я могу только надеяться, что он жив. Что кровь — не его, — еле слышно отвечала женщина.

— Кто еще проживает в поместье?

— Мать моего супруга. Она вдова. Еще — ее старшая дочь. С сыном. Они с мужем разъехались в этом году, и она приходит в себя. Младший брат мужа также гостит у нас.

— Но дом принадлежит вам?

— Да. Мне и моему мужу. Недвижимое имущество у нас общее.

— А ваша семья?

— Поместье моих родителей было на линии высадки десанта имперцев в марке Нея.

— Сочувствую, — проговорил следователь.

Действительно, во время этой высадки оклеровские солдаты уничтожали все на своем пути.

Госпожа Агата неспешно кивнула, принимая соболезнования.

— Послушайте, госпожа фон Лингер, а что с вашими счетами? — продолжал следователь.

— Деньгами занимался муж. У меня есть свой счет, хозяйственный. И тот, на котором лежат деньги, оставленные мне покойными родителями. Я знаю, что мы обеспеченные люди. Вот — поместье купили в прошлом году. Землю с виноградниками...

— Вы достаточно спокойны.

— Если бы я билась в истерике и поминутно теряла сознание — было бы лучше?

— Так она его и убила, — громко и безапелляционно заявила пожилая полная дама, распахивая дверь в комнату.

— Добрый день, фрау фон Лингер, — вежливо поднялся следователь. — Будьте любезны, мне необходимо закончить беседу с вашей невесткой.

— Беседу?! Какую еще беседу? Я требую, чтобы вы арестовали эту мерзавку! Это... это она... О! Мой бедный мальчик! Мой сын! — Женщина опустилась на небольшой диванчик, вскинув голову и прогнувшись в том месте, где должна быть талия. Диванчик жалобно всхлипнул.

Фрау Агата привычно и устало смотрела на свекровь.

— Она присосалась к нему, как пиявка! К моему бедному, доверчивому, талантливому мальчику! — Полные пальчики фрау пощекотали воздух, намекая следователю о том, что даме не плохо бы подать стакан воды.

Следователь потянулся за графином, бросив едва заметный взгляд на госпожу Агату. Та поморщилась, вздохнула и, откинувшись в кресле, положила руку себе на лоб. Дамы явно раздражали друг друга.

— Мда... — выдохнул следователь, протянул женщине стакан с чистой, прохладной водой, а про себя подумал: «Мальчик... Как бы не так!» — С личным делом лейтенанта в отставке фон Лингера он уже ознакомился.

Тридцать лет, военная академия — ускоренный выпуск, правда... Воевал, тяжелая контузия. Год был адъютантом при штабе фронта. Скрывал свое состояние, чтобы не комиссовали. Отправлен в отставку по состоянию здоровья. Женился на выпускнице филологического факультета столичного университета. Стал автором популярнейших в королевстве книг про агента фон Церга. Пару месяцев назад переехал с супругой из столицы сюда, на юг, в марку Орнокс, поближе к морю. И вот теперь — пропал.

— Его убила она! — продолжала бушевать мать фон Лингера, жестом предлагая забрать у нее стакан.

— Вы знаете, вашего сына еще не нашли. Пока идет поисковая операция. И потом, вам не кажется, что ваша невестка слишком хрупкая для того, чтобы нанести рану мужчине, тем более военному?

— Значит, она наняла наемных убийц!

— Как жаль, что подавать на родственников в суд считается дурным тоном, — тихо проговорила госпожа Агата. Ее свекровь чуть не задохнулась от возмущения, но так и не нашлась что сказать. Хозяйка дома поднялась. — Господин следователь, я вызвала нашего поверенного, как только он приедет — появится у вас. Я была бы очень вам признательна, если бы все вопросы мы решали через него.

— Благодарю вас за беседу. Однако должен сказать, что вам, как и всем обитателям дома, запрещено покидать границы поместья. До выяснения обстоятельств исчезновения вашего супруга.

Госпожа Агата склонила голову и вышла.

Спустилась на кухню. Несмотря на то что в доме обитали почти все родственники мужа, угол кухни, тот, что ближе к камину, негласно оставался только ее территорией. Там стоял... Чай-шкаф. Редко где можно встретить такое, разве что в чайной лавке. Хозяин одной из них и помог Агате выписать это диковинное чудо из столицы. Отторнский белый дуб, ручная работа. Артефакты, встроенные в ящички и полочки, позволяющие сохранять оптимальную температуру для сухих трав, специй и настоек. Баночки валльского хрустала. Все это стоило немалых денег, конечно. Но ведь она работала над книгами ничуть не меньше мужа, а значит, заслужила маленькие радости!

Травы были ее страстью. Агата знала рецептуры чайных сборов и способы их заваривания. Не меньше тысячи уж точно! Раз даже победила в конкурсе женского кулинарного журнала «Ароматный пар» на рецепт лучшего сбора от головной боли. Правда мужу признаться в этом не решилась. Он регулярно пил ее отвары, снимающие мигрень и помогающие уснуть, но к этому ее увлечению относился весьма скептически.

— Здравствуйте! — чуть поклонилась она крошечным пузырькам, хранившим за хрустальными гранями покой, бодрость, наслаждение, дельные мысли и сладкие сны. — Помогите, пожалуйста! Сегодня мне как-то особенно тяжело...

Слуги привыкли, что чай она себе заваривает сама, поэтому никогда не беспокоили. Рука сама потянулась к верхней полке — там располагались редкие травы. Маленький заварной чайник риберского камня уже грелся на спиртовке.

— Так... Что тут у нас? Собачьи ушки, слезы ветра, цветы рутинника

и пряный дунник. — Отвар должен был успокоить, расслабить, привести мысли в порядок.

Немного подумав, за основу взяла розовый чай. Банку с цукатами ровики — для поднятия настроения. Взяла чашку, опустилась в кресло у камина, сделала несколько осторожных глотков и задумалась.

«Людвиг, где же ты? Как так получилось? Мы считали, что главное — добиться успеха. Заработать много денег. Девочка-сирота после университета. Комиссованный лейтенантик с бешеными приступами головной боли. Денег вечно не хватало. Ты запретил мне трогать родительское наследство... Сказал: „Мы всего добьемся сами!“ И понеслось! Арендованная под самым чердаком комнатка, где мы были так счастливы. Первая книга. Чистка формы перед тем, как идти в издательство...»

Агата вспомнила, как она, нервничая, выронила щетку, которой в тысячный раз смахивала с золотых эполет несуществующие пылинки, как муж не дал ее поднять, подхватил на руки, закружил, а потом... Сердце сжалось, в носу защипало, но она заставила себя отбросить лишние эмоции, продолжая вспоминать дальнейшее развитие событий, пытаясь найти хоть что-нибудь. Хотя бы маленькую ниточку, за которую можно было бы потянуть, чтобы распутать этот чудовищный, запутанный клубок.

Дальше. Успех. Деньги. Награды... Вдруг объявившиеся родственники мужа.

«Почему же ты не защитил меня от них тогда? От этих постоянных оскорблений, от того, что они все время тянут с нас деньги?..»

Поместье и земли вокруг они, как потом оказалось, взяли в кредит. У сестры Людвига случилась личная драма — ушел муж. Спасти ее могла лишь крупная сумма, и Людвиг отдал все, что они скопили. Вместе скопили!

Агата пила чай, мысленно ругая себя за эгоизм: Людвиг пропал, неизвестно, что с ним, а она думает про родственников и деньги...

В доме оставаться было невозможно. Она чувствовала, как половицы и ступени стонут от чужих людей. Людей, которые ей чужды.

«Интересно, если я выйду из дома и дойду до конца дубовой аллеи, чтобы прижаться лбом к самому огромному дереву, — это будет расценено как побег?»

Подниматься за верхней одеждой не было сил... Яркое-синее небо со слепящим солнцем — будто и не ноябрь вовсе — манило, звало, улыбалось. Обещало спасение. И Агата вдруг поверила. Небу, солнцу, деревьям, уже увядающим, но все еще таким прекрасным, нежным осенним цветам на

клумбах сада.

Уже у самого выхода машинально схватила шляпку — маленький модный цилиндр, который купила перед самым отъездом из столицы. Выскользнула из дома — и пошла... Вперед. Не оглядываясь. Холод мгновенно сковал тело, но вместе с тем подарил удивительную свободу! Она улыбнулась, полной грудью вдохнула осенний воздух, но вместо спасительной прохлады вдруг почувствовала нестерпимый жар. Огонь обжег легкие, ступни и ладони. Боль... Невыносимая боль взорвала тело. Задышавшись, она пыталась плакать, но слезы сразу высыхали, превращались в колючую соль, белыми дорожками стягивая кожу.

Агате мерещились люди. Обеспокоенные. Один из них, знакомый доктор, что раз в неделю обедал у них в доме, говорил:

— Эрик, опомнитесь! Отпустите ее! Это будет милосерднее.

Другой, удивительно похожий на бывшего канцлера, которого она один раз видела на приеме — мужу вручали Королевскую премию, и они были приглашены во дворец, упрямо сжимал губы в тонкую белую полоску и отрицательно качал головой.

Это был странный бред. Еще в нем были две черные собаки. Одна побольше, другая — поменьше. У нее никогда не было собаки. Муж собак не любил, а ей так хотелось! И чтобы непременно низерцвейга... Эту редкую и очень дорогую породу могла себе позволить разве что высшая аристократия королевства. Ходили слухи, что низерцвейги — порождение магии, что они чувствуют, как ты относишься к их владельцу, и способны перегрызть горло за одни лишь дурные мысли о нем. Ей бы такая собака не помешала. И дело вовсе не в деньгах или престиже! Просто ей всегда нравились их длинные, торчком стоящие ушки. А еще низерцвейг, если бы он у нее был, непременно защитил бы свою хозяйку! И горло перегрыз. Кое-кому...

Картинка была размыта, но все же госпожа фон Лингер видела, как собака, та, что помельче, посмотрела на нее с сочувствием. Агата всматривалась в ее янтарные глаза — и становилось легче...

— Как вы? — спросили у нее.

И она поняла, что очнулась.

Глава 3

Дом был старым и каким-то неухоженным. Если бы Агате пришло в голову написать роман о привидениях — они бы обязательно обитали в таком вот доме...

Но привидений не было. В доме жил мужчина с собаками. Барон Эрик фон Гиндельберг. Бывший канцлер их королевства — Великого Отторна.

«Жил-был бывший канцлер... Странно как-то жил...»

Раз в неделю приходил кто-то: убирал и готовил. Наверное, женщины из соседней деревни. В те часы, когда в доме находились посторонние, становилось еще тише. Агата не знала, как такое возможно... Чудно.

Завтрак барон готовил сам. Заливал пшеничные хлопья молоком и щедро посыпал ягодами. Иногда жарил пышный — на зависть любой хозяйке — омлет. Или подавал свежайший творог. Судя по вкусу, закупались они у одного и того же фермера.

Собакам готовил явно кто-то посторонний. Такое ощущение, что призрак Может, она все-таки поторопилась, решив, что в доме нет привидений?

«У бывшего канцлера были две большие черные собаки, и Призрак готовил им еду. Кашу с мясом...»

По крайней мере, Агата «призрака» не то что не видела, она его и не слышала-то ни разу! Призраки, они ведь обожают наполнять дом жуткими, леденящими душу звуками. По крайней мере, она думала о них именно так. А этот призрак был тихий. Но он был, наверное, потому что представить себе бывшего канцлера готовившим еду собакам... не получалось.

За неделю у них с Эриком фон Гиндельбергом выработалось четкое расписание — точность выполнения можно было проверять по минутам.

В шесть утра он вставал — Агата всегда просыпалась, когда полы начинали скрипеть под тяжелыми мужскими шагами и собачьими лапами. Хозяин дома вежливо здоровался с собаками, иронично беседовал с Гроном, нежно с Эльзой. Кстати, Агата заметила, что даме разрешалось капризничать. После еды собак выпроваживали наружу.

В семь пятнадцать барон стучал ей в дверь. Негромко. Аккуратно. Но как-то очень выразительно.

«Да, я отдаю себе отчет в том, что вы в моем доме, в постели, из которой вам запрещено вставать без крайней необходимости, — говорил этот стук. — Я понимаю, насколько это все двусмысленно. Но я должен о

вас позаботиться. И знаете, мне это приятно...»

— Войдите, — отзывалась Агата...

И в звуках ее голоса слышалось:

«Я, наверное, должна протестовать. И требовать, чтобы меня отправили в больницу. Или домой. И вообще, я в ночной сорочке при постороннем мужчине! Просто ужас! Но... Обо мне так давно никто не заботился. Я уже и забыла, что так бывает... Мне так спокойно рядом. И так хорошо пишется... Как никогда...»

— Вы принимали лекарства? — спрашивал он, всегда поворачиваясь к ней спиной, пока она ела.

— Да, — отвечала она этой спине.

— Доктору все еще не нравятся анализы вашей крови.

— Спасибо за ягоды.

— Я заметил, что их вы едите. В отличие от выпечки, которую оставляете нетронутой.

— Я еще и шоколад люблю. С орехами, — призналась она.

— Доктор пока запретил. Подобная пища может спровоцировать кашель.

— Я понимаю.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь... — вдруг сказал он. — Как я понял, великий писатель у вас в семье — это ваш супруг?

— Совершенно верно.

— И книги выходят под его именем. И к вам, официально, это не имеет никакого отношения.

— Людвиг — замечательный выдумщик и рассказчик. Слушать то, как он рассказывает в лицах свою историю, как проживает ее вместе с героями... Это просто удовольствие. Но... он не умеет переносить свои слова и мысли на бумагу. Совсем. Получается слишком шаблонно. Деревянно. Просто никак.

— И? Вы сначала стенографируете?

— И это тоже. Стенографирую, уточняю те места, которые понятны ему как писателю, но не совсем понятны мне, как слушателю. Договариваюсь о структуре книги.

— А потом вы художественно оформляете его байки?

— Истории...

— Простите.

— Ничего. Людвиг искал неболтливого филолога записать его книгу. Того, кто в перспективе мог бы научить его писать. Так мы познакомились.

— И как? Получилось?

— Что именно?

— Научить.

— Нет.

— Что дальше? Ваша первая книга имела успех? То, что ваш муж впоследствии стал знаменит и популярен, мне известно. Интересно, однако, как все начиналось?

— Да. Мы попали в целевую аудиторию. Патриотизм, жизнь за короля, идея служения — все это пришлось по вкусу нашим читателям.

Плечи хозяина дома ощутимо напряглись.

— Нет-нет... — огорчилась Агата. — Вы не подумайте. Мы писали от всего сердца! Как-то даже по-детски искренне. Ну... Мне так кажется. Первая книга. Там было все: ненависть к войне, гордость за наших солдат. И мое сиротство. И то, что Людвиг чувствовал себя увечным и никому не нужным... И...

Агата задохнулась и надсадно закашлялась. Хозяин дома поспешил к ней, подал стакан с питьем. Проследил, чтобы она выпила.

— Простите меня, — опустил он голову, когда приступ прошел. — Я глупец. Совсем забыл про голосовой покой, который вам прописал доктор. Еще раз простите. Отдыхайте. У нас еще будет возможность поговорить, когда вы поправитесь.

Поклонился — и вышел.

Она писала и писала. Хорошо еще, что доктор привез ей все черновики и наброски, что были в доме. Их якобы конфисковали как улики. Агата никогда не умела восстанавливать текст, над которым уже работала. Только путалась и злилась. В конце концов, приходилось переписывать. Но это был уже другой текст, всегда хуже изначального.

Дальше день шел как обычно. Обед, после которого к ней пускали собак... Агате все хотелось спросить, кто варит еду огромным зверюгам. Неужели все-таки сам барон, лично? Вот уж вряд ли. Почему именно этот вопрос не давал ей покоя?

Полдник, ужин... По часам...

А вот вечер этого дня был не таким, как обычно. Потому что с доктором, который ежедневно навещал их, приехал следователь. Тот самый, что допрашивал ее, когда... сколько же времени назад это было? Восемь дней всего прошло. Даже не верится.

Агата вздохнула, глядя на то, как мужчина выбирается из машины, почти нежно прижимая к себе портфель с документами. Захотелось сбежать, спрятаться. Забиться в угол — и никуда не выходить, пока чужие не уйдут.

Аккуратно складывая черновики, больная улыбалась своим мыслям. Получается, что доктора, барона, Эльзу и Грона она записала в «свои».

Вздыхнув, женщина осторожно встала, чтобы попытаться одеться. И хотя голова немного кружилась, сделать это было необходимо. Следовательно, безусловно, явился по ее душу. Не будет же она встречать его в ночной сорочке и халате.

Одежда у нее была. Три дня назад господин барон отлучался почти на двое суток. С Агатой оставались доктор и Эльза. Вернулся хозяин с огромным чемоданом.

— Вот, — сказал он со странным выражением лица. Если бы это было возможно, Агата сказала бы, что барон фон Гиндельберг... смутился.

— Что это? — Агата, улыбаясь, отложила в сторону исписанные листы бумаги. Писательница искренне была рада его возвращению! Чуть больше, может быть, чем ей самой того хотелось...

— В столичном дамском магазине меня заверили, что здесь все, что может вам пригодиться.

— Вы ездили так далеко? В Лаутгард?

— Официально — вы пропали. Следовательно, поблизости покупать женские вещи в дом холостяка, да еще и вашего размера... Это все равно, что давать объявления в газеты — госпожа Агата фон Лингер у меня в доме.

И вот теперь она достала из шкафа платье. Одно из тех, что приобрел ей тогда барон. Простое, но довольно элегантное, в клетку, с небольшим бантом под воротничком.

Размер, как ни странно, действительно подошел. И... Платье ей шло. Она взглянула на себя в зеркало, ловко убрала волосы и, вполне довольная своим внешним видом, тихонько вышла, чтобы спуститься вниз.

Широкая, черная, до блеска отполированная бесшумными призраками лестница была удивительным образом похожа на своего хозяина. Удобная и прочная, идеально вписанная в архитектуру дома. Ни одна ступенька не скрипит. Эта лестница была тоже... «своя».

— Я не думаю, что это хорошая идея. — Барон говорил отрывисто, не скрывая своего недовольства.

— Факт хищения отравляющего вещества доказан, — раздался голос следователя. — Выйти на преступников, которые успешно выкрали из хранилища Министерства обороны «Водяную Смерть», да еще и в таком количестве, — первоочередная задача!

— Разве вам кто-то мешает заниматься расследованием? Нет. А женщина — ни при чем!

— Кроме самого факта кражи нам ничего не удалось узнать. Большой временной промежуток, в который могли украсть отраву. Последняя проверка проводилась шесть месяцев назад. И — по документам — все было на месте.

— То есть вам не удалось узнать, когда было совершено преступление?

— Когда, кто... Каким образом... Неясно.

— Безобразия.

— Господин барон, единственно, что доподлинно известно — отравка была использована против госпожи фон Лингер. В ее доме.

— Я запрещаю говорить об этом с Агатой... фон Лингер! Она чудом осталась в живых. И делать из нее приманку — это слишком опасно!

Агата остановилась. Замерла. Что-то такое... удивительное прозвучало в его голосе...

— И вообще — это дело Министерства обороны, — гневно продолжал господин барон. — Почему им занимается вы — следователь уголовной полиции не такого уж и большого городка?

— Во-первых, моя биография, мой опыт и мои допуски по линии Министерства обороны позволяют мне заниматься этим делом, господин барон, — голос у следователя был нарочито спокойным. — А во-вторых, вводить в глубинку нового персонажа посчитали нецелесообразным. Это может спугнуть наших умельцев.

— Вот здесь вы правы, — признал хозяин дома. — Ход хороший. Но...

— В любом случае я должен буду сообщить эти новости госпоже Агате фон Лингер.

— Давайте позже.

Голос барона прозвучал весьма недовольно, и Агата представила, как скривилось его лицо.

— Ты думаешь, если она узнает об этом позже, ей будет легче? — насмешливо спросил доктор.

Повисло молчание.

Агата сделала еще несколько шагов и решительно постучала.

Глава 4

— Я все же предпочитаю знать правду. Добрый вечер, господа!

Откуда же в нем взялось это странное желание укрыть ее, защитить от невзгод? Удивительно. А он-то считал, что не способен чувствовать нечто подобное... Причем настолько ярко...

Мужчины поднялись, приветствуя гостью.

— Вы зачем встали? — недовольно проворчал барон, усаживая ее в кресло, поближе к огню.

Грон и Эльза вроде бы просто лежали на коврик у камина. Но на самом деле собаки больше походили на солдат, чем на любимцев хозяина дома. Они лежали по струнке, навывтяжку, готовые в любой момент вскочить. Тела напряжены, уши ловят каждый звук, глаза — каждый жест. И все-таки они чуть шевельнули пимпочками хвостиков при виде Агаты. Дескать — прости! Рады бы пообщаться, но в доме посторонние. А у нас приказ.

— Поняла, что господин следователь приехал, чтобы поговорить со мной.

— Как вы себя чувствуете? — спросил доктор.

— Живой, — улыбнулась ему Агата.

— А я вот... — печально сказал следователь, — явился к вам с дурными новостями.

— Людвиг?

— Он жив. Мы нашли вашего супруга.

Агата молчала, ожидая продолжения.

— Он с женщиной. Простите, госпожа фон Лингер.

— Понятно, — вздохнула.

— Все не так плохо. Думаю, он просто нанял секретаршу. Или стенографистку. Потому что они работают...

— Как интересно. То есть он инсценировал свое похищение, подвел меня под подозрение в убийстве. И удалился писать новый роман?

— Получается, что так.

— Неважно. Он жив. Значит, будем считать, что это была хорошая новость. Есть еще?

Следователь посмотрел на нее удивленно, доктор — довольно. А барон окинул их таким гордым взглядом, словно хотел сказать: «Ну что? Видели? Моя гостья не так проста, как кажется!»

Сама же Агата продолжала спокойно сидеть в кресле, сложив руки на коленях. Подобное поведение было, пожалуй, свойством ее характера. Она никогда в экстремальной ситуации не паниковала, не злилась, не впадала в истерику. Сначала надо победить. Поплакать и побиться головой о стену можно и потом.

— Дело в том, что банк собирается объявить вашего мужа банкротом. И, соответственно, продать поместье за долги.

— Странно. Но должны же оставаться активы. У нас есть два дома в столице. Один совсем небольшой, в нем мы жили, другой — доходный, его мы сдаем. Насколько я понимаю, доход неплохой и стабильный. С чего банку так поступать?

— Деньги с доходного дома идут на содержание матери, сестры и брата господина фон Лингера. И пока ваш муж не подпишет соответствующих бумаг, этими деньгами нельзя распорядиться по-другому. А дом, в котором вы жили... Простите, но он заложен. Кроме того, два ваших личных счета... — Следователь замялся.

— Говорите, — приказала Агата.

— Они тоже опустошены.

— Но... мы не прикасались к деньгам, оставшимся от родителей. Даже когда были студентами. И... второй счет — компенсация от правительства... Людвиг же сам говорил, что...

— Сожалею.

Она побледнела, но тем не менее нашла в себе силы и спросила недрогнувшим сильным голосом, немало удивив не только присутствующих, включая Эльзу и Грона, но и себя саму:

— Сколько у меня времени, чтобы все решить?

— Я договорюсь с банком, — быстро сказал барон. — Вам незачем беспокоиться.

— Скажите, что вы хотели мне предложить? — словно и не слыша его слов, обратилась Агата к следователю.

— Вернуться в ваш дом и помочь нам с расследованием. Мы более чем уверены, что кто-то из ваших домашних связан с похитителями «Водяной Смерти», которой вас пытались отравить. Мы пока официально не находим вашего супруга, именно для того, чтобы у нас была возможность проводить расследование.

Агата кивнула. Долго смотрела на огонь. Наконец решилась и спросила:

— Что вы уполномочены предложить мне, если я соглашусь?

— Министерство обороны гарантирует... скажем, пенсию.

Пожизненную. Достаточно щедрую. Это сделает вас независимой от... родственников.

— Но я хочу развод.

— Госпожа фон Лингер.

— Деньги я заработаю. Более того, именно у меня в руках рукопись нового романа, за которое издательство заплатит мне очень щедро. При условии, что я найду хорошего адвоката...

— Но развод — это... немыслимо.

— Почему? Этот человек предал меня.

— Вы же не знаете всех обстоятельств!

— Он трусил. Сбежал. Этого довольно.

— Я сообщу начальству, — поднялся следователь. — Но от денег, на вашем месте, я бы не отказывался.

— Вы правы. Обещаю, что подумаю. Спасибо вам...

— Госпожа фон Лингер никуда не поедет, пока окончательно не поправится. И пока я не буду уверен в том, что риск этой авантюры сведен к минимуму, — заявил бывший канцлер.

Все удивленно посмотрели на него.

— Что? — отреагировал он на эти взгляды. — Отпускать туда женщину одну, без прикрытия... Что-то мне подсказывает, что пенсия ей не понадобится, а министерство сильно экономит. Следовательно, я отправлюсь с ней.

— На каком, простите, основании? — возмутилась Агата.

— Где вы были во время вашего отсутствия? Вы были в Лаутгарде. Где не только лежали в госпитале, но и нашли телохранителя, которого наняли, чтобы обеспечить свою безопасность.

— Почему в столице, а не, скажем, в Орне? — спросил следователь. — Столица марки намного ближе. И гораздо логичнее, что именно туда отвезли госпожу фон Лингер, когда обнаружили без сознания.

— Вы можете гарантировать, что в местном госпитале не станут болтать о том, что госпожи Агаты они никогда не видели?

Следователь опустил голову.

— А в столице я могу это устроить.

— Да. Это гораздо проще, — согласился с бывшим канцлером господин Фульд. — Договоримся с моими знакомыми в Главном военном госпитале.

— А как госпожа Агата оказалась в столице?

— Ну, меня же обвинили, — включилась в обсуждение Агата. — Я впала в отчаяние. И отправилась в столицу. К адвокату.

— Вы же не имели права покидать поместья! — возмутился следователь.

— Совершенно верно, господин Майнц. Когда вы навестите меня в поместье, не забудьте сообщить мне об этом в весьма резкой форме.

— А я прослежу, чтобы госпожа Агата была в безопасности, — напомнил барон.

— Вас опознают. Если не по внешности, то по собакам, — покачал головой доктор.

— Действительно, откуда у охранника, пусть даже и отставного военного, собаки такой породы? — посмотрела на него Агата.

— Думаю, это я решу.

— И зачем вам ввязываться в расследование?

— С вашего позволения, я не стану отвечать на этот вопрос. — Повисла пауза.

Уши Эльзы и Грона недовольно поднялись: «Решения хозяина не обсуждаются! Неужели не понятно? Глупые люди...»

— Мы, пожалуй, пойдем, — поднялись следователь и доктор.

— Доктор Фульд, когда госпоже Агате можно будет отправиться домой?

— Завтра в обед можно пойти подышать свежим воздухом. Я осмотрю ее после этого, к вечеру. И скажу точно.

— И еще. Господин следователь. — Барон посмотрел на служащего полиции. — Сообщите, пожалуйста, что госпожа Агата желает, чтобы поместье, в котором она проживает, перешло в ее личную собственность. Не обремененное долгами и родственниками супруга.

— Я доложу. Развод и поместье.

— Это еще не все. План расследования мне на согласование. Не позднее завтрашнего вечера. Я не позволю кинуть госпожу Агату в это болото, чтобы просто посмотреть, выживет она или нет.

Когда чужие ушли, Агата долго сидела, глядя на огонь в камине. Наконец она тихо спросила:

— Откуда вы узнали, что мне дорого поместье? Что я хочу попросить в награду его, но не осмеливаюсь?

— Вы улыбались, когда говорили о нем.

Он подошел к ней, легко подхватил на руки и понес на второй этаж. Наверное, надо было возмутиться, потребовать, чтобы он вел себя прилично. Но его забота... Спокойная. Теплая. Неожиданная. Удивительная...

— Спокойной ночи.

Он поставил ее возле кровати. Агата скользнула взглядом по его губам. Как обычно, сжатым в тонкую линию, от чего у него был вечно недовольный вид.

— Спасибо вам... — тихо проговорила она.

Глава 5

Интересно, что будет, если она его поцелует?

Он отпустил ее около кровати и посмотрел прямо в глаза...

«Решайся!» — вспыхнул огонь в серых глазах.

Вдруг стало смешно. От счастья. От того, что ее правильная, распланированная, упорядоченная жизнь вот-вот разлетится, как карточный домик. От ощущения полета, что давала власть над этим сильным мужчиной, который ждал ее решения, будто приговора.

Осторожно прикоснулась ладонями к широкой груди. Ткань рубашки мешала. Вытащила ее из брюк — не было сил расстегивать пуговицы.

Тепло его тела на ладонях, бешеные толчки огромного, сильного сердца, и глаза, в которых... Страсть. Страсть и решимость.

Она вдруг испугалась того, что сейчас произойдет, но тут же поняла, что, не теряя ни секунды, без остатка отдаст ему себя. Здесь и сейчас! Потому что...

Стук в дверь на этот раз был каким-то раздраженным.

— Да? — Агата подскочила, исписанные листы рассыпались по кровати, руки тряслись, сердце предательски билось, и кровь хлынула к щекам. Как некстати. И что барону понадобилось у нее ночью? Она... она работает!

— Слушайте, — недовольно посмотрел на нее хозяин дома, стоя на пороге комнаты. — Вы почему не спите?

Агата быстро перевернула блокнот чистой страницей наверх. Еще не хватало, чтобы барон прочитал все, что она нафантазировала после того, как он принес ее в спальню.

— Вы вздыхаете, ворочаетесь. И у вас ручка... невозможно скрипучая!

— Простите.

— Вы хорошо себя чувствуете? Может, успокоительного?

— Нет, спасибо.

— Вечер был тяжелым. И ваши волнения вполне оправданы.

— А... который час?

— Почти четыре.

— Простите. — Агате стало неловко. Ему подниматься через два часа, а она ему спать не дает.

Она внимательно оглядела господина барона. Чисто выбрит, одет по

ранжиру — сюртук и туго завязанный шейный платок прилагаются, туфли вычищены. Это же сколько он собирался, чтобы нанести ей визит в... соседнюю спальню? Ночью!

А она в кровати. Красная, растрепанная, неодетая, с листьями, исписанными... Ох...

— Хотите чаю? — предложил он вдруг. И улыбнулся.

Это было так странно, что Агата растерялась. И кивнула:

— Да. Хочу.

— Я заварю. И принесу.

* * *

Барон уже вскипятит воду, когда она, переодевшись в то самое платье, спустилась на кухню.

— Вы не сердитесь на меня? — тихонько спросила у него Агата.

Он отрицательно покачал головой. Грон и Эльза посмотрели на гостью насмешливо, делая вид, что просто греются у камина. Отдыхают. Как бы не так!

— Все-таки я вами восхищаюсь, — снова улыбнулся он.

Пожалуй, в этот вечер и эту странную ночь она видела от него улыбок больше, чем за все время пребывания в его доме.

— Чувствую себя глупо, — призналась она. — Я должна быть убита горем. Моя жизнь рухнула. Но... У меня почему-то не получается. Я думаю о книге, о том, как буду договариваться с банком. О хорошем адвокате, которого надо найти и потратить на его услуги деньги, которые откуда-то надо взять... Я думаю о...

В последний момент она прикусила язык, поймав на самом его кончике фразу — «Я думаю о вас...»

Он вдруг резко обернулся. Поймал взглядом ее глаза. И... развернувшись обратно к кухонному столу, принялся священнодействовать.

Агата застыла, глядя на то, как барон насыпает расписной лопаткой чай — скрученные в жгутики белесые листья. Удивительно, но такие она видела впервые!

Он залил воду в фарфоровый стаканчик с крышечкой — и тут же вылил, ловко орудуя щипцами.

— Что вы делаете? — удивилась Агата.

— Грубо нарушаю таинство чайной церемонии, принятой в империи Чи-джо-ида. Воду вылил не на духа, мы с вами стоим. Но... Будем считать,

что условия походные. Мы же не чинаро, в конце концов. Будем надеяться, что духи Рек, Гор и Ветра нас пощадят и не покарают.

— Вы были в самой таинственной империи в мире?

— Да. Несколько раз. С посольством. Но я не хотел бы говорить об этом в такой вечер. Если позволите.

— А воду зачем слили? — поспешила она сменить тему, поняв, что невольно задела что-то очень личное.

— Вам романтическую версию? Или версию здравого смысла? — улыбнулся он, наливая следующую порцию воды.

— И ту и другую, — решительно потребовала Агата, жалея, что блокнот остался наверху.

— Романтическая... там что-то про угощение духа. А прозаическая... неизвестно, какими руками собирали, кто фасовал... Протестировать необходимо.

Барон вылил жидкость розовато-желтоватого цвета в плоский кувшинчик с длинной ручкой и широким «носиком».

— Это — чаша справедливости. Чтобы обоим чай достался одинаковой крепости.

Хозяин дома разлил ароматный напиток по чашкам и поставил одну из них перед Агатой.

— Попробуйте, это мой любимый сорт — «Красный халат императора». Мне привозят его из Чжуруна, крошечной провинции Чиджо-ида.

— Они же не торгуют с чужеземцами. Несколько лет уже.

— Совершенно верно, — кивнул барон, кинув в сторону гостьи уважительный взгляд. — Это и не покупной чай. Мне его присылают в дар, вот уже много лет.

— С ума сойти.

— Расскажите, о чем ваша книга? — Барон снова осторожно перевел тему.

— Это те же приключения агента Церга. Тридцать девятая книга за семь лет.

Агата не стала уточнять, что книга про фон Церга была уже дописана. И сейчас она работала над...

— И вам не надоело про него писать?

— Пожалуй, что нет, — привычно ответила женщина. — Он стал другим — как и мы с Людвигом... И... он уже как член семьи.

Агата смущенно уставилась в чашку с чаем — еще не хватало, чтобы хозяин дома принял ее за сумасшедшую.

— Ваши книги о Церге очень любил мой заместитель. Когда выходила новая, он всегда покупал и читал. Сам над собой смеялся. Говорил, что вполне отдает себе отчет в том, что книга — глупость глупостью. А оторваться невозможно!

— Почему глупость?

— Он когда-то был нелегалом. В Оклере. И очень веселился, читая ваши книги.

— А нам всегда казалось, что у нас в тексте все логично. И правдоподобно.

— Сколько погонь и перестрелок у вас, скажем, в последней книге?

— Так... В «Притягательном лике смерти»? Сейчас... Что?

Хозяин дома издал издевательский смешок.

— Да я и сама знаю, что название... своеобразное. Но издатель заявил, что читателей это заинтригует. И не ошибся!

Барон покачал головой.

— Любому человеку понятно, что в смерти нет ничего притягательного, — начала оправдываться писательница, — но пощекотать нервы, почитать про поединок со смертью другого... Про презрение к ней, про то, что есть люди, которых даже смерть к себе не берет. Может, как раз потому, что они ее не боятся.

— А может потому, что даже ей они не нужны?

— Книга же остросюжетная, — сочла за благо снова поменять тему разговора Агата. — Агентству безопасности не удастся предотвратить похищение новейшей военной разработки — кристалла, с помощью которого можно читать мысли. И фон Цергу дают приказ — вернуть кристалл любой ценой.

— На артефактах подобного рода стоит защита. Если подается сигнал тревоги — они самоуничтожаются. Вместе со всеми, кто находится неподалеку.

— В нашей книге враги — преступная группировка, возникшая после того, как наше королевство и Оклер заключили мир, нашла способ обойти эту защиту.

— И через пару десятков погонь и перестрелок кристалл вернули в агентство.

— Ну... В общем, да.

— На самом деле, операция подобного рода считается проваленной, если прозвучал хоть один выстрел. Тихо прийти. Тихо уйти. Чтобы никто и знать не знал, что происходит.

— Ну, знаете ли... Про это книгу не напишешь.

И Агата вдруг отставила чашку с чаем. Сложила руки на груди. А потом резко поднялась:

— Я, пожалуй, пойду.

— Простите, — барон взял ее за руку. — Я не хотел вас обидеть.

— Нет, что вы. Это... Это я веду себя невежливо. Простите. Просто в таком свете все наши истории выглядят... Бессмысленными.

— Вы не правы. Людям никогда не покажут отчетов о реальных делах. И это правильно. Где государственная тайна — там слишком много грязи и крови. Даже если эти решения во благо. Даже если без этого не выжить государству... А ваши книги... Они показывают, что мы работаем. И что мы, в общем-то, неплохие люди. В отличие от врагов государства. Это очень важно. Правда! Поверьте мне, я отнюдь не лукавлю. А то, что это сказка... Да. Зато правильная.

— Правильная сказка, — улыбнулась Агата. — Интересный подход.

Глава 6

Это ж как надо было прислушиваться, чтобы раздражаться от того, что ручка скрипит по бумаге?!

Эрик фон Гиндельберг только головой покачал.

Он ворвался к ней в спальню в четыре утра, чтобы выяснить: что же приключилось с ним в эту промозглую осень? Почему он стал заботиться об Агате фон Лингер? Так... легко. Словно это была... его женщина.

Глупость какая!

Может, не все так страшно? Ему просто скучно в отставке. И потом. Он привык чувствовать себя нужным. За столько лет на службе.

Они говорили о книгах. Надо же, ее задело его насмешливое отношение к развлекательной литературе.

Тридцать девять книг!

Если бы у них в королевстве экономика с таким же упорством перестраивалась с военного образца на мирный, с каким фон Лингеры писали об этом их агенте, правительство бы уже выплатило государственный долг.

Барон лежал в своей комнате, заложив руки за голову. Вспоминал, как его заместитель, что был по молодости нелегалом и как раз специалистом по тайным операциям, действительно любил эту серию детективов. Похождения фон Церга. Все приговаривал:

— Если бы в реальной жизни было так... увлекательно!

А ведь бывший разведчик единственный, кто успел среагировать на наемного убийцу, которого не почуяли даже собаки! То наглое покушение имело все шансы на успех.

На руке у убийцы был одноразовый артефакт, стреляющий отравленной иглой. А празднование Весенней победы — мероприятие массовое. Традиционно и король, и канцлер много общались с народом. Выстрел был произведен с пяти метров.

Заместитель успел среагировать и закрыть канцлера собой... Наверное, сработала интуиция. Жизненный опыт, помноженный на постоянное ожидание засады. Убийства. Предательства.

Барон так и не лег спать. После того как его гостя поднялась к себе, отправился в подвал. В лабораторию.

Отец его — маршал королевства, кавалер боевых орденов и семиюродный брат короля — считал сына своей личной неудачей. Старый

барон всегда был чем-то недоволен. И не потому, что отношения с женой не заладились. А потому, что сын был увлечен чем-то, помимо армии, сражений, физической подготовки и планирования обороны.

Его единственный наследник мечтал стать артефактором. Более того, у Эрика получалось. Только вот незадача: работать с кристаллами могли лишь те, в чьих жилах текла кровь выходцев с Нового Света. А точнее, с одного небольшого острова. Острова Висельников.

Около трехсот лет назад поселенцы, прибывшие туда, обнаружили пещеры с камнями, наделенными свойствами, которые тогда казались поистине волшебными. Через некоторое время люди научились строить корабли, что могли, используя силу кристаллов, ходить по морю без паруса; догадались, как с помощью самоцветов связываться друг с другом на расстоянии, усовершенствовали экипажи и, наконец, — сделали мобили! Повлияли камни и на самих переселенцев, дети, рожденные на острове, обрели магические способности, и только они, а после их потомки могли создавать артефакты.

Постепенно артефакторов становилось больше. И в Отторне тоже. В их жилах обязательно текла кровь островитян. Но единственный сын барона фон Гиндельберга? Немыслимо...

Эрик помнил, какой был скандал, когда отец, прибыв в очередное увольнение, узнал, что у сына есть учитель и лаборатория.

Наверное, барон дошел бы до того, что обвинил жену в неверности, а Эрика — в том, что он не его сын, но... Драгоценности рода Гиндельбергов, пожалованные его величеством лично, созданные лучшими придворными артефакторами королевства, признали в юноше своего, стоило ему уронить на них каплю крови.

Юный Гиндельберг помнил этот унижительный ритуал. Глаза матери. Волну силы, что тянулась от нее к кристаллам. Он знал, что это значит. Но с того самого момента запретил себе даже думать об этом.

И все закончилось. Профессора изгнали. Сына выдрали. Лабораторию уничтожили.

Это было хорошим уроком для будущего канцлера. Никому нельзя показывать свои увлечения. Никогда нельзя выдавать своих чувств, а тайники должны быть такими, чтобы — с одной стороны — они всегда были на виду, а с другой — чтобы никто о них не знал. И не просто не знал, а даже не догадывался.

Потом — армия. Два года рядовым. Война, кровь, грязь. Солдатская медаль за личное мужество. За битву в долине реки Нея, где еще лет сто ничего расти не будет...

Приказом короля перевод в гвардию. Личную сотню наследника Карла.

* * *

Погожим летним днем была проведена самая удачная операция спецслужб оклеровцев за всю десятилетнюю войну — десант в Лаутгард.

Чтобы сделать порталы, способные провести полк смертников, надо было напитать артефакты кровью человеческих жертв. Это было форменное безумие. Но враги на это пошли...

— Измена! — раздался крик из тронного зала, где его величество принимал послов. — Король убит! Королева убита! К оружию!

Сын короля, у которого как раз был урок истории, в первый момент вздрогнул, однако мгновение спустя схватился за шпагу. Короткую — по руке одиннадцатилетнему мальчишке.

При наследнике было лишь полтора десятка гвардейцев из личной сотни, да и тех считали при дворе солдатами для игры избалованного принца, которому король-отец ни в чем не мог отказать.

Они уже были в классной комнате.

— Ваше высочество! — коротко поклонились.

— К оружию! — голос юного Карла дрогнул.

— Пробиваемся в наши казармы? — спросил у командира отделения, барона Эрика фон Гиндельберга, один из гвардейцев.

— Кого-нибудь из умирающих сюда, — приказал несостоявшийся артефактор. — Выстроим портал.

— Но... открытие портала всегда завязано на человеческой жизни, — тихо проговорил наследник. — И... это запрещено!

— Вы можете потом меня наказать, — холодно ответил барон. — Что надо взять из дворца, чтобы впоследствии не было проблем с вашим опознанием?

— Малую корону принца.

— Живее! Четверо прикрывают меня, остальные — его высочество!

Парадокс, но именно его юношеская мечта стать артефактором помогла вывести из дворца наследника — крон-принца Карла. Эрик фон Гиндельберг с профессором как раз занимались созданием артефакта, который бы позволил выстроить портал вне зависимости от подавления. Так что первое испытание их изобретения можно было считать успешным. Они перенесли в дом разжалованного отцом наставника, который и стал их штаб-квартирой на время кампании.

Так, десять лет назад, он стал канцлером и регентом при несовершеннолетнем наследнике — тот попросту больше никому не доверял.

Высший пост королевства...

Барон спускался в подвал. Сотня ступеней. Есть время подумать. Это был своего рода ритуал. Так канцлер настраивался на работу. Считал ступени и вспоминал...

Оклеровцы наступали по всем фронтам, решив одним стремительным ударом победить в войне. Часть столицы была захвачена десантом. Аристократы серьезно задумались: принести присягу малой короне или же посчитать, что юный наследник погиб вместе со всей семьей?

Тогда барон фон Гиндельберг решился на небывалое — вышел с Карлом к людям. И юный крон-принц, с трудом сдерживая дрожь в коленках, звонким детским голосом провозгласил:

— Отечество в опасности!

Так не делал никто. Никто не обращался к рабочим, крестьянам и служащим. Никто не призывал их в ополчение — подняться как один и защитить свои дома. Никто до наследника Карла и его верного пса-регента Эрика.

Принц был бледен. Но голос его был тверд. Силы и мужества в осиротевшем ребенке было столько, что это сработало.

А потом? Потом все закончилось. Ощущение нужности своей семье — а он считал короля своим младшим братом. Отставка. Ожидание подосланных убийц. Ведь оставлять в живых так много знающего вельможу просто глупо!

Так незаметно, в ожидании неминуемой смерти, подобралась тоска. Дни шли, а убийц все не было. Он приобрел поместье, переехал в него с собаками.

Бывший канцлер не боялся смерти, нет. Скорее ждал ее, надеясь, что та избавит от болезненных воспоминаний. От необходимости снова и снова анализировать поступки прошлых лет, вздрагивая среди серых теней собственной совести.

Барон фон Гиндельберг покачал головой, прогоняя неуместную слабость. И — как и прежде — быстро взял себя в руки.

Раз уж он ввязался в это дело — помощь барышне, попавшей в беду, — надо подготовиться.

Девяносто восемь, девяносто девять, сто...

Системе безопасности его личной лаборатории могла бы позавидовать

королевская сокровищница. Да и сокровищ за бронированной дверью было немало.

Много лет он собирал диковинки, покупал драгоценные камни, заготовки, оправы. В редкие минуты отдыха обустроивал рабочее место, но вместе с тем старался не привязываться. Не вкладывать душу. Это было слишком плохой приметой — к несчастью всегда сбывавшейся. Как только кто-то из силовиков — неважно — военный ли, безопасник, разведчик... — начинали мечтать об уютном доме, о яблонях, цветущих по весне... Смерть немедленно предъявляла права на такого человека. Словно обижалась...

Барон хмыкнул. Опытным взглядом пробежался по имеющимся запасам. И так, что тут у нас?

Заготовки по изменению внешности, документы на несколько личностей разных сословий. Мало ли как жизнь сложится...

Он прижал ладонь к сейфу. Про себя посчитал до трех и неторопливо проговорил:

— Верен и в смерти.

Девиз их рода. Хороший девиз.

Перебрал несколько комплектов документов — с одного из них смотрело лицо его величества Карла.

Разложил на столе прямоугольные пластины, подобные тем, что носили солдаты на шее, — с номером части, именем и датой рождения. У него самого на шее была точно такая же. Посмотрел на документы. Простоватое лицо с прямым ясным взглядом ему очень нравилось. Безукоризненная маска для выполнения какого-нибудь тайного поручения. С одной стороны — смотришь — и сразу думаешь: «Какой славный парень!» А с другой — второй раз взглянуть уже не тянет.

Потянул ящик стола, достал специальный, чуть изогнутый нож артефактора. Пластины изменения внешности надо было напитать силой. А что может быть сильнее, чем кровь?

Привычно полоснул ладонь. Почувствовал, как жадно артефакты забирают силу.

Зашипел, шепча заклинание, сдерживающее поглощение силы. Почувствовал недовольство того, что жило в черном омуте кристалла. Это нечто всем своим существом жаждало высшую награду — человеческую жизнь. Главное — не поддаться. Многие артефакторы, не контролируя себя, во время работы совершали самоубийства.

Потянулся. Сделал несколько глубоких вдохов. Достал из другого сейфа — там была всего лишь цифровая комбинация — склянку с заживляющей мазью. Намазал порез, с любопытством посмотрел, как

затягивается рана. Бессчетное же количество раз наблюдал. А все равно завораживает!

В принципе, он был готов выступать. И даме поможет, и сам развлечется. А то засел медведем в берлоге.

Вдруг перед глазами встало лицо Агаты. Белое. С заострившимся носом... Он представил себе, что ее достанут. Жизнь будет уходить из молодой, полной сил женщины по капле, оставляя после себя тошнотворную беспомощность. Горечь несбывшихся надежд...

«Нет!» — решил барон. Этого не будет. Он не позволит.

Канцлер решительно повернулся к сейфу. Пожалуй, он знал, какой камень подойдет под артефакт защиты. Изумруд. Насыщенно-травяного цвета. Редчайшей квадратной огранки. Кристалл, дающий хозяину защиту от злых воздействий, охраняющий от неприятностей и несчастий. Как раз то, что сейчас требовалось его гостю. И оправа под стать — заговоренная на долгую жизнь платина. Что добавить?

Артефактор даже вздрогнул, когда решился. Быстро, чтобы не передумать, достал завернутую в черный бархат «Слезу моря». Специальной зачарованной лопаткой — резала все, как масло, — отделил крошечный кусочек.

Зажег тигель, чтобы расплавить субстанцию, рожденную небом...

И вдруг вспомнил. С такой ясностью, что закололо сердце.

...Звезды всегда падают в конце лета. Когда реже, когда чаще. Небо оплакивает погибшую любовь...

Просто подставь лицо ветру. Почувствуй, как он меняется. Ты услышишь голодный рев бури, что губит вышедший в море корабль. Смотри внимательно в черный бархат небес, и увидишь, как яркая точка вспыхнет над горизонтом! Ты ослепнешь на долю секунды, и в это самое мгновение звезда стремительно упадет вниз, ледяным всполохом резанув небеса. И море — всегда оно — примет слезу в свои объятия. Утешит. Возьмет. Сохранит...

К казни все было готово.

На совесть сбитая, добротная перекладина. Две скупающие петли, покачивающиеся на морском бризе. Всполохи факелов. Жители приморского поселка, лица которых кажутся жуткими пылающими масками.

Четко выстроившаяся линия солдат.

И... двое приговоренных. Парень — молодой офицер морского флота проклятых оклеровцев. И местная девчонка. Дворянка, с идиотскими

понятиями о чести и милосердии... Романтизм, будь он неладен.

Нашла на берегу вражеского офицера. Пожалела. Укрыла.

Канцлер Эрик фон Гиндельберг, решивший переночевать в этом живописном месте — на самом деле с ног валились все в его команде, — стоял спиной к толпе и приговоренным. Он смотрел на море, угадывая его очертания в чуть подсвеченной звездами темноте. Занесла же нелегкая в эту проклятую дыру!

Внезапная буря разбросала стоявшие в проливе, прикрывавшие побережье корабли. Досталось и кораблям противника, посему было объявлено двухнедельное перемирие вместе с совместной спасательной операцией.

Именно этим фактом объяснялось присутствие канцлера на побережье в районе линии Нея. Восемь лет назад здесь была высадка десанта врага. Они действовали по принципу выжженной земли. Выжженной вместе с жителями. И ненавидели их здесь — особенно вражеских моряков — люто.

Вмешаться? Или дать событиям идти своим чередом?

— Тварь! — раздались вопли. — Предательница!

Пожалуй, офицера он мог забрать достаточно безболезненно — в конце концов, перемирие было заключено...

Эрик фон Гиндельберг услышал скрип шагов по скрипучим ступеням помоста. Выдох девчонки:

— Мапочка...

С неба покатилась звезда... Расчертила небосклон и упала в море...

— Я тебя люблю! — крик парня.

Канцлер развернулся и негромко приказал:

— Довольно. Я забираю их с собой.

* * *

— Как ты думаешь, успеют они до бури? — спросил доктор Фульд, нервно потирая шрам и провожая взглядом точку, в которую превратилась уносившая влюбленных шлюпка. Волновался за юных глупцов, что ли?

— Молодой человек сказал, что должны. Он — моряк, и я склонен доверять ему в этом вопросе, — меланхолично откликнулся канцлер. — К тому же я распорядился отдать его вещи. Там неплохие артефакты.

— А будут ли они счастливы?

— Они живы. Молоды. Он поклялся отвести девушку в храм, как только они ступят на твердую землю. И я — опять же — склонен верить,

что он так и сделает.

Они с доктором уже уходили, когда барона привлек странный шипящий звук. Словно море шепнуло:

— Обернись.

Эрик фон Гиндельберг развернулся...

Волна вынесла серебристо-голубой шар прямо к его ногам. «Слеза моря» — награда за спасенную любовь.

* * *

Сто ступенек вверх он преодолееч чуть позже. Надо отдохнуть. Артефактор знал, за что заплатил. Изумрудная подвеска-оберег была безупречна. Шедевр!

Глава 7

После чаепития с хозяином Агата уснула. Ей снились печальные звезды, нервно прочерчивающие небеса, виселица, жуткие лица в свете дрожащих факелов. Страх. Смерть. И... любовь.

— Довольно. Я забираю их с собой, — услышала она знакомый голос перед тем, как ее выбросило в реальность.

Мягкая постель. Белые чистые простыни. За окном светло, хоть и пасмурно. Агата потянулась, зевнула и быстро вскочила, чтобы одеться. Она выбрала теплую юбку и жакет. Удивилась, как все-таки точно были подобраны для нее вещи. Улыбнулась, расчесывая волосы. Захотелось увидеть строгое, как будто вечно чем-то недовольное лицо. Серые глаза.

Хозяин поместья пропал. Она даже подумала о том, чтобы объявить тревогу. Но Эльза, словно прочитав ее мысли, отрицательно покачала головой.

Агата сначала решила, что это совпадение — ну, мало ли как мотнула головой собака. Но на всякий случай проговорила вслух:

— Мне стоит пройти в спальню к господину барону, взять его пластину связи и вызвать доктора Фульда?

Собаки переглянулись. Тяжело вздохнули, словно разочаровавшись в умственных способностях женщины, находившейся у них в гостях. Подошли поближе, уселись. И отрицательно замотали головами.

— Вот это да!

Она, конечно, много раз слышала удивительные рассказы о низерцвейгах. Но наблюдать такое собственными глазами... Просто чудо!

— Может, пойдем гулять? — нерешительно спросила она у собак. — И покормить бы вас надо.

Хвосты одобритительно заходили ходуном.

— Я... сейчас.

Грон посмотрел на Эльзу с таким видом, словно говорил: «Видишь, и эти странные существа при должной дрессировке становятся более-менее разумными».

Агата рассмеялась.

На крыльце их встретил ледяной ветер. Он налетел, словно соскучившись, и позвал за собой. Вперед, за стаей медных листьев!

Женщина вдохнула свежий осенний воздух, чуть пошатнувшись от навалившегося враз неба. Как... красиво! Они забрались на вершину холма.

Надо же... Ведь она столько времени жила совсем рядом. Можно было бы пройти в обход поместья барона и все это увидеть!

Облака красноватых листьев, голубую дымку вдалеке, живописные длинные белые одноэтажные домики, разбросанные в низине... Интересно, что это там? Больница? Похоже на то...

Ветер трепал выбившуюся из-под цилиндра прядь. Где-то высоко стая черных птиц чертила галочку в небе. Небо. Будто чистый лист. Писать... Ей вдруг нестерпимо захотелось писать! Живо, красочно, ярко! Поняла, что все, созданное с мужем до этого, было... не то. Переплетения сюжетных линий, характеры, интриги, убийства, неожиданные повороты — все это было. Но она никогда не пыталась описать, к примеру, эмоции человека, вставшего с постели и вдохнувшего свежий воздух. А ведь герои часто лежали в госпитале после ранений. Она сообщала читателям о времени года: середина зимы, конец лета, начало осени... Герои шли по улицам, паркам, площадям. Скрывались в горах. Но ни разу она не обращала внимания читателя на небо над головой. Запах. Цвет. Лай...

Внизу басовито надрывался Грон. Писательница очнулась. Нахмурилась. И поспешила вслед за собаками, которые явно звали за собой.

Так далеко от дома она еще не уходила. Сам особняк был в низине, окруженный холмами, что будто бы его отгородили от остального мира.

«А холм-то высокий!» — Агата спускалась осторожно, стараясь не поскользнуться. Собаки терпеливо ждали.

Белые домики, что так живописно смотрелись с вершины холма, оказались ближе, чем она предполагала.

— Эльза! Грон! — раздался чей-то голос. — Что-то вы сегодня задержались!

— Голодные... Хорошие вы мои!

Голоса были звонкие, молодые.

Агата подошла поближе и обнаружила собак, сосредоточенно и очень аккуратно завтракающих. Никакого звона мисок, разлетающейся во все стороны каши. Все было... изысканно.

— Смотри-смотри! Как всегда... Аристократы! Бароны! Лицо канцлера! — рассмеялись два молодых парня, но, увидев Агату, притихли.

— Доброе утро, госпожа, — поклонились они, виновато улыбаясь.

— Я... пришла с собаками, — смутилась в свою очередь женщина. Ее присутствие в доме неженатого мужчины выглядит совершенно однозначно. И как она об этом не подумала? Зачем подошла?

— А мы... — Парень, тот, что пониже, стал совсем пунцовым. —

Собак кормим. Барон...

Грон отвлекся от завтрака и посмотрел на молодых людей насмешливо. Очень. Вздыхнул. И вернулся к своей миске.

— Сейчас мода на крупных собак, — важно кивнул второй. — Не обязательно на низерцвейгов. Но не каждый умеет с ними правильно обращаться. Если выучиться и получить лицензию — можно будет неплохо устроиться. — Молодой человек откинул темные спутанные волосы и улыбнулся гостю.

Они оба улыбались. Честно. Открыто. Искренне.

— Замечательно! — обрадовалась Агата.

Она поняла, что парни — бывшие солдаты. Это было видно и по возрасту, и по выправке. Видимо, попали на фронт совсем молодыми. И теперь пытались найти себя в новой для них мирной жизни...

Значит, господин барон...

— Ульрих! Майер! Вот вы где!

Молодые люди машинально вытянулись по стойке смирно. К ним подходил чем-то недовольный доктор Фульд.

— Вы! Почему не явились на обход?

— Мы господина барона ждали. — Парни изо всех сил делали виноватый вид, но все было напрасно.

Агата сразу поняла, что доктора эти двое совершенно не боятся. Скорее... любят. И она улыбнулась. Неизвестно чему. Просто так...

— Все равно!.. — сердился доктор, но тут увидел Агату. Вопросительно на нее уставился. Потом приказал:

— Так, ребяташки. Марш в палату. Покажете протезы — пусть их протестируют.

Глядя в спину удаляющимся молодым людям, Агата растерянно повторила:

— Протезы?

— А! Не заметили? — Доктор весело блеснул глазами, знакомым жестом растирая шрам на лице.

— Нет...

— Когда мы нашли Ульриха, мальчик беспробудно пил. Милостыни, кстати говоря, ему на это хватало! Молодому человеку пришлось отнять обе ступни. А Майер... Военные сняли беднягу с моста — собирался кинуться под состав. На работу никуда не брали, а обузой родителям он быть не хотел. Хорошо еще, что среди тех спасателей нашелся один — он знал, что мы собираем сильно покалеченных солдат по всей стране. Ставим на очередь. Протезы экспериментальные, конечно... Но это хоть какой-то

шанс! Попытаться догнать смерть, что на войне прошла мимо, дабы все же обратить на себя внимание... Противоестественно. Неправильно! Так... не должно быть, Агата. Не должно быть...

— А если не в рамках экспериментального проекта? Это очень дорого?

— Очень. Ткани выращиваются из собственных клеток в специальных кристаллических ячейках. В мышечные волокна, сухожилия и нервные окончания также вживляют микрочастицы редких кристаллов.

— Я поражена...

— Идея была господина барона. Он — замечательный артефактор. И... хороший человек.

— И он все это организовал?

— Да. И, что немаловажно, профинансировал.

— А еще вы хотите дать бывшим солдатам профессию?

Доктор смущенно кивнул:

— Мало сделать протез. Надо встроить тех, кто воевал, в мирную жизнь. А это очень непросто. Кто-то находит себя, общаясь с собаками. Кто-то — с техникой. Часть талантливых ребят, что пострадали во время военных кампаний, в должности фельдшеров и санитаров остались на нашем же проекте. Помогают в обследовании пациентов. Некоторые идут в агрономы, учителя. Мы пробиваем места в учебных заведениях. Договариваемся о стипендиях. Но...

Тут доктор Фульд словно бы очнулся:

— Госпожа Агата... Сколько времени вы уже на улице?

— Вы же сами сказали, что мне можно и нужно дышать свежим воздухом!

— Я вызову дежурный мобиль — вас отвезут.

— Не стоит. Я сама!

— Ничего подобного!

Когда они ехали, Агата все же решилась и проговорила:

— Господин барон пропал...

— Эльза и Грон спокойны. Значит, он в подвале. В смысле, — доктор Фульд заметил, как напряглась женщина, — в своей лаборатории.

Он довез ее до дома, открыл дверцу мобиля.

— Скажите... Почему барон называет вас доктором мертвых? — спросила Агата.

— Мое основное место работы — городской морг города Орн. А все остальное — хобби. И...

Она подумала, что Фульд сейчас скажет ей что-то очень важное. Например, объяснит, что с ним произошло. Но «доктор мертвых» лишь

буркнул, прощаясь:

— Вечером не гуляйте. На сегодня достаточно.

И уехал.

После прогулки Агата так устала, что заснула в кресле у камина. Проснулась уже вечером. Тишина. Промозглые сумерки за окном. Хозяин так и не появился.

Она походила по дому. Накрыла ужин на две персоны, прикрыв хлеб салфеткой. И вернулась в гостиную. Писать.

Страница. Другая. Текст шел легко, но она все равно прислушивалась, ожидая услышать решительные шаги хозяина дома.

Вернулись собаки. Эльза подбежала к ней. Агата провела по шерсти — ладонь стала мокрой.

— Дождь...

Грон притащил в зубах полотенце, требовательно и звонко гавкнул.

— А по-человечески нельзя было сказать, что вас надо вытереть, — проворчала Агата.

Потом долго хохотала, поняв, что именно произнесла. Обнималась с Эльзой, которая, уткнувшись мордой в ее колени, улыбалась, признавая — что да — смешно получилось.

Грон же снисходительно посматривал на веселящихся женщин. Перед сном Агата тщательно закрыла двери. Долго не могла заснуть, прислушиваясь, как бесприютно воет ветер... Эльза зашла к ней, вздохнула. Прыгнула на кровать, привалилась к ногам. Засопела.

— Эльза, — тихонько позвала Агата, — Эльза, ты слышишь? У меня будет книга. Только моя! Слышишь?

В шесть утра гостья была уже на ногах. Дождь лил как из ведра. Распахнула дверь — выпустила низерцвейгов.

Снова ожидание в кресле у камина... Бывает задремлешь, а потом резко подскакиваешь от пугающего ощущения чьего-то пристального взгляда.

— Доброе утро! — Как же она обрадовалась, увидев хозяина дома! Только был он какой-то посеревший. И — такое ощущение — еле стоял на ногах. — Вы так внезапно исчезли. Я беспокоилась.

— Я увлекся, — хрипло ответил барон. — Вы голодны? Надо покормить собак.

— Не беспокойтесь, — остановила его Агата, когда барон, с трудом переставляя ноги, пошел в сторону кухни. — Все сыты. Собак я выпустила гулять. Я теперь даже знаю, где их кормят. А для людей у вас такой запас — можно долго не готовить. Может, вам стоит отдохнуть?

Странно, но в его глазах мелькнуло удивление. Интересно, чего он ждал от нее? Что она закатит скандал потому, что ее не развлекали сутки? Эрик фон Гиндельберг чуть прикрыл глаза и покачулся.

— Наверное, я пойду, — попытался он поклониться. Вспомнил о хороших манерах...

— Идите, — приказала Агата. — Я принесу вам еду наверх.

— Не хочу обременять вас, — упрямо проговорил он.

— Будем считать это ответной любезностью.

Агата собирала еду на поднос — и улыбалась. Интересный человек... Хоть сейчас книгу с него пиши. Что-то холодное, непобедимое. И... правильное.

Ей хотелось отблагодарить его за заботу. За то, что он ввязывается в расследование этой запутанной истории. За то, что в его доме она закончила книгу, которая не давалась им с мужем. И за то, что придумала новую историю — свою. Только свою.

Агата взяла завтрак и отправилась в спальню. Откуда ни возьмись, появился Грон — проводником пошел впереди.

Хозяин дома и собак обнаружился сладко спящим. Сюртук аккуратно висел на спинке стула, одежда сложена. Ни единой складочки. Ни единой пылинки...

Агата осторожно поставила поднос с едой на прикроватный столик. Негромко окликнула:

— Господин барон! Эрик?

Этим она заработала недовольный взгляд собаки. Грон словно пытался ей сказать — спит человек, устал. Чего тебе?

Агата укрыла спящего покрывалом, барон отогнул его с одной стороны. На все остальное у него, наверное, просто не хватило сил, и зачем-то погладила мужчину по колючей щеке.

— Агата, — выдохнул он, не просыпаясь.

Она вздрогнула. Сердце счастливо забилося — и чего это оно? Улыбнулась — и вышла.

Вечером они встретились в столовой. Чинно сидели друг напротив друга.

Эльза довольно поглядывала то на хозяина, то на его гостью. И открыто улыбалась. Грон же, будучи мужчиной серьезным, прятал улыбку в густой бороде. Но тоже был очень и очень довольным.

После ужина люди перешли в гостиную.

— Вы пишете новую книгу? — слегка откашлявшись, нарушил тишину барон.

— Да, господин фон Гиндельберг.

— О чем?

— О девушке, которая была разведчицей во время войны, — воодушевленно ответила Агата. — Такого ни у кого нет! Она была на задании, уже в мирное время, и спасла мужчину. Случайно. Потом вынуждена была инсценировать свою гибель. Он очень переживал, винил себя. А потом они встретились у него на работе — в университете, где он преподавал. Ее отправили туда из-за череды убийств. Студенты аристократических родов гибли. И они вместе раскрыли... Что-то не так?

— Агата... — осторожно проговорил канцлер. — Женщина в разведке... Это скорее грустно, нежели романтично.

— Почему?

— Потому что — кто бы и по каким причинам ни попал на службу... Аристократка, жаждущая приключений, сирота, которой деться больше некуда, романтически настроенная девушка, готовая служить своей родине либо мстящая за кого-то врагам... Все равно они добывать информацию будут одним и тем же способом.

— Что? — покраснела писательница.

— Именно. Через постель. Любовницей. Танцовщицей. Женой. Но женщина может подобраться к мужчине близко — слишком близко... только так. А потом предать его. По долгу службы.

— Получается, что у мужчин есть выбор. А у женщин — нет.

Барон кивнул.

— И это не может не отразиться на женщине.

— Не говоря уже о том, что ваша разведчица — если она уверена, что ее раскрыли, — должна будет замести следы.

— То есть убить мужчину, который узнал, кто она, — проговорила Агата, глядя барону в глаза.

Барон развел руками, как бы извиняясь, но лицо его при этом оставалось более чем серьезным.

— Хорошо. Предположим, что она вышла в отставку. И то дело, на котором они встретились, было для нее последним. Итак, она в отставке. И ее отправили преподавать!

— Приватные танцы? — сорвалось у него.

Агата только укоризненно посмотрела на барона. И стала озираться в поисках записной книжки.

— Я принесу вам ручку и бумагу, — правильно понял ее хозяин дома.

— Она может быть, скажем... дипломированным психологом? — спросила ему в спину Агата.

— Вполне.

— И может поступить в аспирантуру. После всех своих подвигов.

— Ее могут попросить посмотреть, что происходит в университете изнутри.

— Точно! — радостно выхватила Агата блокнот из рук собеседника.

— Только... — Он снова нахмурился.

— Что?

— Мужчина... Главный герой... Он будет иметь отношение к разведке? Или к военным?

— У нас в стране все имеют то или иное отношение к военным.

— Тогда у них вряд ли что получится.

— Из-за ее прошлого?

Барон кивнул.

— То есть мужчина, выполняющий свой долг, — это почетно. А женщина — сразу падшая? — сухо и зло сказала писательница.

— Именно. Если мы говорим о реальности. А не о сказках.

— И он никогда не перешагнет через то, что эта женщина принадлежала другим мужчинам?

— Скорее всего — нет.

— Понятно.

Агата поднялась. Исписанные листы упали с ее колен.

— Спокойной ночи, — сухо сказала она. И ушла.

Эльза одарила барона выразительным взглядом. Сомневаться в том, что она критикует умственные способности хозяина, не приходилось. Хотя нет. Не только. Этот взгляд определенно обвинял несчастного еще и в бестактности. Черствости. Отсутствии хороших манер...

Последнее особенно задело.

— А что я? — возмутился барон, безуспешно ища поддержки в насмешливом взгляде Грона. — Просто сказал правду!

Эльза, гордо цокая когтями по полу, отправилась вслед за Агатой.

— Женщины! — возмущенно проговорил хозяин дома. — Вот скажи мне, старина, как можно так переживать за выдуманного персонажа! Еще и обижаться.

Помолчав, артефактор добавил:

— Я не отдал ей кулон.

Глава 8

Агата так злилась, что даже лечь не могла. Ходила по спальне. Туда-сюда, туда-сюда. Гостья была готова просто растерзать хозяина дома, если он явится — при полном параде, разве что ордена не нацепив, — и сообщит, что шум из ее спальни мешает их баронству спать!

Эльза, забравшись к ней на постель, посматривала насмешливо, словно хотела спросить: «Так и будешь туда-сюда бегать?»

Потом все же стало неловко. Так себя вести. В чужом доме. Агата выключила свет, легла в кровать и крепко заснула, стоило лишь закрыть глаза. Ей ничего не снилось, просто было тепло. Особенно ногам. Даже чуточку жарко. И кто-то сопел — негромко и размеренно. Уютно. Сладко. Эльза...

* * *

— Апчхиррррр-пф-пф-рррр! — Эльза чихнула, почувствовав, как солнечный зайчик щекочет нос.

Жизнерадостный утренний лучик с трудом протиснулся сквозь плотные, добротные, немного старомодные гардины. В этом доме все было таким — сделанным на совесть, с легким привкусом старины.

Агата проснулась рано. Еще до того, как на лестнице послышались шаги хозяина дома. Посмотрела на чихающую Эльзу. Улыбнулась. Быстро оделась и, кутаясь в шаль для храбрости, вышла из спальни. Обнаружив господина барона на кухне, женщина слегка зажмурилась и быстро проговорила ему в спину:

— Извините. Я не знаю, что на меня нашло.

Он развернулся, держа поднос с завтраком. Улыбнулся. И важно, словно зачитывая проект какого-нибудь закона, провозгласил:

— Я придумал, кем будет ваша героиня. — Поставил поднос на стол.

— Кем же?

— Я долго думал, как сделать так, чтобы... чтобы можно было говорить об уважительном отношении к ней.

— И? — Писательница еще плотнее закуталась в шаль, стараясь не выдать своего волнения.

Эрик фон Гиндельберг аккуратно выкладывал ягоды. И только после

того, как вокруг белоснежной горки творога образовался идеальный круг, ответил:

— Она могла быть связной. Работать со своим мужем-разведчиком. Их раскрыли. И он...

— Он ее не выдал? — Глаза Агаты горели, пальцы теребили бахрому шали. — И поэтому она осталась в живых?

Бывший канцлер только печально покачал головой. Ему отчего-то не хотелось огорчать молодую женщину, которая верила в сказки и отказывалась верить в пытки.

— Его просто не захватили живым, — вздохнул он. — Не дался. Только так. Иначе...

— Это же... реальная история? Да? — неожиданно спросила писательница.

— Да. Только случилась она с точностью до наоборот. Мой заместитель ушел из Оклера. А его жена погибла. Франц вышел купить молока к завтраку — с вечера забыли. Они с женой еще смеялись и спорили... Кому идти.

— За молоком...

Агата резко отвернулась, отошла к окну. Шаль сползла с плеч, но она ее не поправила. Собаки, которым со своего места были видны блеснувшие в глазах гостьи слезы, посмотрели на хозяина недовольно.

— Простите, — тихо сказал он. — Мне не следовало...

— Ничего-ничего, это... это вы меня простите, сейчас. Буквально минуту...

Сделать глубокий вдох, изо всех сил стараясь максимально расслабиться на выдохе. Так учил ее муж. Помогает. Муж... Ком снова подкатил к горлу, в носу защипало. Так не пойдет, надо держать себя в руках, иначе барон решит, что она истеричная, несдержанная особа...

«Наверное, это правильно, что над судьбой Франца и Матильды кто-то прольет слезу... Жаль, что я не могу...» — бились мысли в голове канцлера.

— Скажите, а... Я могу использовать эту информацию в своей книге? — спросила Агата.

— Думаю, да. Никакого особого секрета в этом нет, и потом, если бы это было не так, зачем мне вам рассказывать?

Эрик фон Гиндельберг постоял еще минуту, борясь с собой. Ему хотелось подойти ближе. Обнять эту трогательную, хрупкую женщину, прижать к себе, сделать так, чтобы огорчений в ее жизни было как можно меньше.

Вместо этого он вздохнул, шагнул вперед, Агата почему-то в этот же самый момент резко развернулась — и они почти столкнулись. Но мужчина плавным, отточенным движением вовремя ушел в сторону.

Повисла неловкая пауза, однако барон быстро справился с собой, улыбнулся, слегка кашлянул и весело проговорил:

— А теперь — никаких расстройств. И — завтрак!

«Ну и зря!» — прочитал он в глазах Грона. Эльза фыркнула. И отвернулась.

— Так, — приказал он низерцвейгам. — Идите-ка, погуляйте лучше. И непременно навестите госпиталь! Вас ждут.

Барон решительно выпроводил собак, взял поднос и направился в столовую.

— А вы? — спросила Агата.

— Я к вам присоединюсь.

Давно ему не было так легко, уютно и тепло. Пожалуй, что и никогда.

Сначала, до войны — вечно всем недовольный отец отравлял жизнь не только ему, но и матери. Не говоря уже о себе самом.

Эрик никогда не понимал, почему мама — красивая, умная женщина — никогда не пыталась что-то изменить. Они с отцом не любили друг друга, это было... слишком очевидно. Ее покорность судьбе чем-то питалась, подобно тому, как питает кристаллы кровь артефактора. Баронесса фон Гиндельберг была несчастна. Но иногда... Иногда он чувствовал, что ее счастье просто спряталось. Притаилось где-то глубоко внутри и всегда выглядывало, пусть и осторожно, в те редкие моменты, когда они оставались вдвоем.

Потом армия. Как ни странно, там Эрику было все же лучше, чем дома.

Война. Когда и дома-то не было. Была целая страна, которую надо было защищать. А дом...

Его, канцлера, называли всемогущим. Даже не так. Его называли «самым»: самым влиятельным, самым богатым...

Свой дом появился лишь после того, как король отправил канцлера в отставку. Нельзя же всерьез считать «своими» покои во дворце. Или огромный отцовский особняк в столице, который все эти годы открывали раз в сезон — канцлеру было положено принимать гостей на зимние праздники.

А этот дом был удивительно похож на него самого. Хмурый. Нелюдимый. Вздыхающий скрипом отполированных половиц. Его дом прятал серые тени в тайных полутемных уголках и доверял царапающим

старый лак собачьим когтям больше, чем громким голосам редких посетителей.

Конечно, можно было сделать ремонт. Дом перебрали бы по бревнышку. Или вовсе снесли — отстроили на его месте новенький особняк.

Эрик фон Гиндельберг не хотел этого.

Он сроднился со старыми стенами, каким-то непостижимым образом научился дышать с ними в одном ритме.

— Я все съела, — доложила Агата, с преувеличенной серьезностью сложив руки на коленях.

Господин барон рассмеялся.

— А вот вы — нет, — заметила женщина.

Она с тревогой подумала, что хозяин дома осунулся за последние сутки. Ни кровинки в лице, ясные серые глаза потускнели, лишь выправка оставалась прежней. Безукоризненной.

— Доедайте! — потребовала Агата.

— Хорошо-хорошо. — В голосе Эрика фон Гиндельберга было наигранное недовольство, но Агата не обратила на это внимания.

Она смотрела канцлеру в глаза, которые улыбались. Искренне и как-то удивительно по-доброму.

— Вам стоило бы выпить гранатового сока, — задумчиво проговорила она. — Знаете, меня в детстве мама поила. Я была бледненькая, и ее это очень огорчало.

— Гранаты? — отвлекся мужчина от методичного накалывания ягодки на вилку. — Надо заказать. Фульд что-то говорил про то, что мне их есть необходимо. Особенно после работы с артефактами и потери крови.

— Потери крови?

— За все надо платить, моя дорогая госпожа Агата, — усмехнулся барон. — Артефактор платит кровью. Своей или чужой. На выбор.

Агата задумалась. Вдруг ей стало очень холодно. Даже под теплой шалью.

— Я готовился к нашей вылазке, — объявил господин барон после того, как они перебрались в гостиную и хозяин дома усадил ее в кресло около затопленного уже камина. — Вам не дует?

— Нет, все хорошо.

Женщина утонула в мягком кресле. Пылающий камин согревал и успокаивал, но, к сожалению, не избавлял от любопытства.

Барон, заметив, как подрагивает от нетерпения кончик ее носа, решил не томить — показать личины и кулон.

— Одну минуту.

Он уже выходил из гостиной, когда услышал:

— Если артефактор теряет столько сил. И... крови. Должны же быть какие-то процедуры? Укрепляющие. Поддерживающие. Надо узнать у доктора Фульда и выполнять неукоснительно!

— Зачем? — равнодушно спросил он, не оборачиваясь.

Когда барон вернулся, его гостья сидела с отсутствующим видом, закручивая кисти шали вокруг пальца в спиральку.

Он невольно залюбовался. Отсветы горящего камина на светлых, слегка золотистых волосах, так красиво контрастирующих с темной шалью. Веснушки. Их совсем немного, но они такие... трогательные. И конечно же, руки. Узкие ладони, длинные пальцы. Маленькое чернильное пятнышко на запястье. Она так увлеклась своим занятием, что пришлось обратить на себя внимание.

— Посмотрите на меня, — попросил Эрик фон Гиндельберг.

Агата подняла глаза и в ту же секунду вскочила, с трудом удержавшись от крика.

— Ну как? Хорошо получилось?

— Это... Это же не вы!

— Действительно, не я. То есть не совсем. Это — личина.

Гостья нахмурилась. Встала, оставив шаль на кресле. Обошла его вокруг.

— Слишком... бравый и образцовый. Какой-то... излишне правильный, что ли? Не живой...

— То есть вы хотите сказать, что в своем обычном виде я вам нравлюсь больше?

— Конечно, — не задумываясь, ответила Агата. И тут же смутилась.

А канцлер рассмеялся.

Она оценила беззаботный взгляд. Румяные щеки. И с нескрываемым отвращением поморщилась.

— Привыкайте, — приказал канцлер. — Сейчас собаки вернутся — посмотрите и на них.

— А как к вам обращаться?

— Эрик. Имя я менять не стал. Вы — моя работодательница. Думаю, по имени будет в самый раз.

— И сколько вам лет в этой личине?

— Так же, как и на самом деле, — сорок. Данные, к которым привык, всегда лучше оставлять без изменений.

— Сорок? — изумилась Агата.

Сквозь личину на миг проступило настоящее лицо барона Эрика фон Гиндельберга. Обиженное.

— Простите. — Она покраснела. — Я...

— Нет-нет... Вы правы. Я не выгляжу молодо. Сказывается служба. Знаете, как у нас говорят? Год за два. Но об этом после.

Он подошел и положил ей на колени кулон. Камень висел на простом, кожаном, очень длинном шнурке.

— Наденьте, — приказал розовощекий Эрик.

— Что это?

— Защита. От всего, на что у меня хватило фантазии. И прежде всего — от ядов. Кстати, будет жечь — знайте — рядом отравы. Ведите себя осторожно. Ничего не ешьте, ничего не пейте, ни к чему не прикасайтесь! Вам понятно?

— Да. А... камень. Он — настоящий?

— Вы про изумруд?

Агата нерешительно кивнула. Господин барон посмотрел на нее с недовольным изумлением.

— Вы же не допускаете, что я мог использовать какую-нибудь подделку? На искусственно выращенные камни чары такого уровня просто-напросто не лягут. Это же не массовое производство кристаллов для экипажей!

— Но это очень дорого!

— Естественно! Подвеске цены нет, и вовсе не из-за камня, поэтому будет правильным, если вы ее спрячете и не будете никому демонстрировать.

— Господин барон!

— Эрик, — недовольно поморщился он. — Привыкайте. Иначе нас раскроют еще до того, как мы начнем.

— Эрик, — повторила она, словно пробуя на вкус. — Я...

— Госпожа Агата. Выслушайте меня, пожалуйста, внимательно. Важна лишь жизнь. А камни. Металлы... Деньги... Все это вторично.

— Но мне нечем с вами расплатиться, — прошептала она.

— Я, кажется, не давал вам повода...

— Простите. Пожалуйста, простите меня. Просто...

— Выезжаем в ночь, — холодно приказал он. — Едем через столицу. Заодно навестим вашего поверенного — у меня к нему ряд вопросов.

— А можно... — начала Агата, но осеклась, глядя в застывшее маской чужое лицо. Поднялась, держа кулон за шнурок, будто крысу за хвост.

— Вы — невозможная упряmica, — прорычал господин барон. —

Наденьте сейчас же! И куда вы там хотели зайти еще? По столичным магазинам пройтись?

— Нет. К издателю. Хочу предложить готовую рукопись нашего последнего детектива.

Глава 9

Раскаленной иглой вонзалось в затылок: «Обернись! Обернись! Обернись!» Жар расходился по всему телу, а когда доходил до кончиков пальцев, бил нестерпимым холодом.

Ладони вросли в кристаллы управления.

«Расслабился, дурак! В отставку вышел! Отдых. Роман. Еще и девушку в это втянул, идиот! Забыл, что нормальная человеческая жизнь не для тебя?»

Дорога петляла взбесившимся серпантином. Преследователи чуть отстали. Резкий поворот — и машина вырвалась на относительно прямой участок. Жаль, пришлось сбросить скорость. Маневр стоил им нескольких минут. Но иначе никак — слишком опасно. Будь он один — рискнул бы. Но он не один...

Потерял контроль, позволил себе небывалую роскошь — чувства. Отношения. Теперь он уязвим. До этого же как-то держался?! Дурак...

Он осмелился бросить взгляд на свою нечаянную спутницу и едва не потерял управление. Поистине, сегодняшняя ночь — ночь сюрпризов.

Девушка не плакала. Она была спокойна и собрана. А в руках... В руках у нее был огнестрел.

Вещица явно непростая — он уловил силу кристаллов. Но самым удивительным было вовсе не это, а то, что оружие было маленьким, если не сказать изящным, как раз девушке по руке. Одного взгляда достаточно, чтобы понять — работа военного артефактора. Очень высокого класса. Мастера своего дела. Кто-то сделал специально для нее? Мужчина почувствовал укол ревности, рука слишком сильно нажала на кристалл. Машину слегка занесло.

— Не отвлекайтесь, — хмуро порекомендовала она.

— И где было оружие? — Вопреки тому, что ситуация была очень и очень серьезной, он не выдержал и улыбнулся.

— В сумочке, — в голосе смущение и досада. — Простите, что втянула вас в это.

— Вы на задании?

— Нет. Я — в отставке. А вы?

— Отпуск.

— И кто тогда за нами гонится?

— Не знаю. Я никого не узнал за эти два дня.

— Я тоже.

— Откуда это у вас? — Он кивнул на огнестрел.

— А, это... Расскажу потом.

Машина неслась вперед, кристаллы выхватывали искры серебряного дождя в ночи, рядом сидела очень симпатичная молодая женщина, крепко сжимая в руках оружие. Романтика...

Девушка сосредоточенно смотрела в одну точку и вдруг резко повернулась:

— А вам не приходило в голову, что дорога — одна. И если это не просто безмозглые грабители, то...

— Где-то впереди — засада?

— Именно.

* * *

— С вами все хорошо?

Агата вздрогнула. Очнулась.

— Не забыть бы, — пробормотала она, избегая смотреть в незнакомое лицо мужчины.

Эльза и Грон сидели на заднем сиденье мобиля. Черная с синим отливом шерсть, торчком стоящие ушки, смешная борода Грона, вечно подрагивающий от любопытства хвостик Эльзы — все это исчезло. Низерцвейги стараниями артефактора превратились в валльских пастушьих собак Золотистая волнистая шерсть, длинные хвосты. Ушки так же стояли торчком, но были более округлой формы. А глаза... Глаза остались прежними — четыре драгоценных кристалла, которые Агата за последнее время успела полюбить.

Удивительно, но она по-прежнему читала настроение своих новых друзей, слышала у себя в голове их мысли. Личина собак совершенно ей не мешала. Чего не скажешь об их хозяине. Новый образ барона раздражал.

— Вы придумывали вашу историю?

— Я? Да... — смутилась Агата.

Она вдруг заметила, что глаза у Эрика тоже остались прежними: серыми, внимательными. И стало легче. Она улыбнулась и ответила:

— Мои герои уходят от погони. Они даже не знают, за кем из них охотятся.

— Понятно.

— Скажите... Как можно остановить мобиль преследователей? Чтобы

допросить?

— Пусть стреляют по передним кракам, — предложил Эрик, — самые крупные кристаллы управления в большинстве моделей встраиваются именно туда.

— Ночью? В мобиль, что несется на страшной скорости? Вы же знаете — кристаллы можно приглушить и мобиль в ночи почти не будет виден. Именно так поступают во время преследования преступников.

— «Страшная» скорость... — передразнил, потом задумался. — Гвозди по дороге рассыплут?

— Скажите, вот у вас есть в машине гвозди? — возмутилась писательница.

— У меня — нет. Но я и не спецагент под прикрытием.

Они уже въезжали в Лаутгард, когда Эрик вдруг проговорил:

— У кого-то из них может быть кристалл, испускающий свет. Если его установить грамотно — он ослепит водителя.

— Чтобы спровоцировать аварию! Замечательно!

Агата так искренне обрадовалась, что барону стало легче. Артефактора огорчала явная неприязнь женщины к выбранному им образу. По правде говоря, он считал эту личину приятной. Намного приятней себя реального.

Они остановились.

— Сначала к адвокату, — предложил он. — Потом пообедаем. Или наоборот?

— К адвокату, — кивнула Агата.

Город! Агата почувствовала, что все это время скучала по столичной жизни. Суета, новые фасоны шляпок, запах духов, кофе и свежих булочек. Утренний дождь смыл пыль с витрин, и маленькие магазинчики стали как будто еще наряднее.

— Пфффчир! Рrrrrrrrrrrr...

Агата обернулась. Эльза разглядывала свое отражение в луже, и оно ей явно не нравилось.

— Эльза... Эльзочка, это тяжело, я знаю, но потерпи. Ты все равно красавица! — Пальцы утонули в золотистой шерсти. Какая... мягкая!

— Эльза, что за капризы! Не забывай, пожалуйста, что ты на задании! — возмутился барон.

Эльза даже не взглянула в сторону хозяина. Разве мужчины смыслят что-нибудь в подобных делах? Агата улыбнулась, поискала глазами Грона.

Пес также рассматривал свой новый внешний вид в стекле витрины. Но он делал это скорее философски. Без лишних неконструктивных

эмоций, к которым склонны женщины.

К полудню они дошли до адвокатской конторы.

— Госпожа фон Лингер! — преувеличенно радостно поприветствовал их невысокий, полноватый мужчина средних лет. Был он розовощек, гладко выбрит, однако его почти искренней улыбке явно не хватало уверенности. — Чем обязан?

— Я бы хотела уточнить некоторые детали по управлению семейными активами. — Агата опустила на краешек стула. Сжала ручку сумочки.

— Ах, дорогая моя госпожа Агата! Зачем вам забивать свою прелестную головку такими несущественными мелочами. Вот ваш супруг, вернувшись...

— Минуточку! — остановила его женщина. — То есть вы не только в курсе того, что мой муж пропал, но также не сомневаетесь, что он жив и здоров. Людвиг собирается возвращаться?

Мужчина опустил глаза. Было видно, что разговор ему хоть и неприятен, но к только что выдвинутым в свой адрес обвинениям он не относится серьезно.

— Я понимаю ваше беспокойство...

— Вы в курсе того, куда исчезли наши семейные сбережения?

— Я бы очень хотел вам помочь, моя дорогая госпожа фон Лингер, но... Простите, меня связывает этика. — Поверенный поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — насмешливо проговорил Эрик, на которого до этого момента адвокат обращал внимания не больше, чем на еще один стул, — но в договоре о предоставлении услуг вашей адвокатской конторой написано, что вы представляете семейство фон Линтеров. И на бумаге — три подписи. Имущество у четы общее...

— Вы адвокат?

— Нет. Я охранник.

— Налицо конфликт интересов. — Адвокат налил воды, предложил гостю, получил отказ и выпил сам. — Необходимо дождаться господина Людвига и продолжить беседу втроем. Уверен, он все объяснит своей супруге.

— Вот что, — поднялась Агата. — Я обращусь в коллегии адвокатов с жалобой.

— Что?

— В ней я укажу, что поверенный нашей семьи прекрасно знал о местонахождении моего мужа, в убийстве которого пытались обвинить меня. Кроме того, он, по всей вероятности, покрывает тех, кто покушался

на меня.

— Как покушался? Госпожа фон Лингер, что вы говорите такое?

— Меня пытались отравить. И велика вероятность, что это произошло из-за исчезнувших со счетов денег. Вам ведь известно, что сумма там была весьма внушительная.

— Еще можно привлечь прессу, — посоветовал из своего угла Эрик.

Поверенный без сил опустился в кресло.

— Господин Шольц, пожалуйста. Мне надо знать, во что нас всех втравил Людвиг, — как могла мягко проговорила Агата. — Если бы речь шла о благосостоянии — мы могли бы ждать... Но на кону — моя жизнь.

— Что вы хотите? — Шольц вытер шею платком.

— Ровно то, на что я имею право. Деньги со счетов.

— Хотите чаю? — вдруг спросил поверенный четы фон Лингер.

Агата и Эрик молча переглянулись. Когда же все уселись пить чай, Шольц заговорил менее официально:

— Людвиг слишком мягкий. Он всегда хотел, чтобы его любили в семье.

— Я это уже поняла, — невесело усмехнулась Агата. — Моей любви ему было мало...

Отчего-то эта фраза больно резанула господина барона.

— Увы, — поверенный опустил голову, — Людвиг всегда относился к тому, что его не принимает семья... слишком болезненно. И всегда хотел доказать им что-то. Сестре, брату...

— И особенно матери, — кивнула Агата.

— Да, особенно фрау Берте, что он достоин ее любви...

— Когда у нас не было больших денег и популярности на весь Отторн, все было намного проще. Тогда мы просто не интересовали семью Лингеров.

Эльза подошла и положила голову ей на колени. Агата погладила собаку.

— Деньги, — напомнил Эрик.

— Да, конечно, — не стал на этот раз спорить поверенный. — Все дело в том, что Людвиг отдал большую часть сбережений своей сестре, чтобы устроить развод. Муж не давал разрешения. И ему было страшно неловко перед вами от того, что огромная сумма идет на содержание его родственников. Поместье в кредит... Конечно, можно было бы пересидеть без резких телодвижений и постепенно все выплатить. Ну, конечно, пришлось бы урезать содержание... хотя бы матери и племяннику. Но он не мог пойти на это.

— Мы помним, он жаждал, чтобы его любили в семье, — насмешливо откликнулся Эрик.

— Но тут его младший брат предложил ему вложиться в разработку магических кристаллов в Новом Свете.

— Что? — тут, похоже, удивился даже Эрик.

— Но ни мой муж, ни Ульрих... они же ровным счетом ничего не смыслят в добыче кристаллов. И... если месторождение в Новом Свете — значит, надо было ехать туда. Как-то все контролировать!

— Вы сейчас говорите слово в слово то, что сказал я, госпожа Агата. Но Людвиг увлекся этой идеей. Он придумал себе историю про то, что все будет прекрасно. Что он выйдет победителем. И...

— Вложил деньги. И не только свои, но и госпожи фон Лингер. Наследство, компенсацию за поместье от правительства. — Внезапно за личиной приятного парня показался барон фон Гиндельберг.

Поверенный вздрогнул, но согласно кивнул:

— Ульрих был очень убедителен. А Людвиг слишком хотел поверить младшему брату. Он не смог сказать «нет».

— Конечно же, это была афера, — усмехнулся Эрик.

— Гигантская. Позже выяснилось, что под видом природных камней в Старый Свет шли искусственно выращенные кристаллы.

— Есть ли возможность вернуть хотя бы часть денег?

— Я работаю над этим.

— Но как можно было доверить деньги — да еще и такие огромные, — Агата оглядела мужчин в недоумении, — Ульриху? Он же совсем мальчишка!

— Ему просто выгодно, чтобы его таковым считали, — поморщился Шольц. — Талантливый мальчик, который вечно ищет себя!

— А вы так не считаете? — быстро спросил Эрик.

— Ему уже двадцать пять. Он не так уж и намного моложе Людвига или, скажем, меня. Несколько раз начинал учиться. Но... бросал. Устраивался на работу — тот же Людвиг хлопотал — и нигде не продержался более трех месяцев. Ульрих не без таланта. Но как быстро загорается, так быстро и остывает. А еще категорически не умеет работать изо дня в день. Ему становится скучно.

— То есть вы хотите сказать, что младший брат господина Людвига был в курсе аферы? И просто воспользовался добрым отношением семьи Лингеров, чтобы раздобыть денег?

— У меня нет доказательств. Но исключать подобное я бы не стал.

— А участие в покушении на госпожу Агату?

— Ульрих? Нет... Не думаю.
— А сам господин фон Лингер?
— Да что вы такое говорите! — вскочила Агата. — Я...
Она пошатнулась, случайно задела чашку, та упала и разбилась.
— Госпожа фон Лингер! — Мужчины одновременно бросились к ней, но Агата вытянула руку перед собой и твердо сказала:
— Со мной все в порядке! Я... просто... Мне хочется на свежий воздух, если не возражаете. И не беспокойтесь, Эльза пойдет со мной.
— Я должен вас сопровождать.
— Эрик, пожалуйста. Я хочу побыть одна...

* * *

Агата выбежала на улицу, сделала несколько глубоких вдохов и, погруженная в свои мысли, зашагала прочь.

Азарт закрученных сюжетов... Финал запутанной истории, где все надо просчитать, чтобы не было «дыр», «затянутых» моментов. Постараться сделать так, чтобы интрига осталась не раскрытой до самого конца. Аккуратно разбросать смысловые «крючки» на протяжении всего текста. Возможность найти разгадку должна быть, иначе будет неинтересно. Но чтобы догадаться было практически невозможно!

Склоненные над листами головы, чуть ли не подпирающие друг друга. Скоро утро, сил нет даже на то, чтобы встать и заварить бодрящий чай. А в истории что-то не так. Что-то не нравится...

Они с Людвигом уже и посмеялись, и поругались, когда он швырнул листы, что встревоженными голубями разлетелись по комнате. Агата ворчала, бережно собирая результат их бессонной ночи. Муж высказывался, что все это — чушь полная. И надо переделывать...

Хорошее было время. Отчего-то они верили, что так будет всегда. Ну, может, чуть попроще, когда денег будет побольше. Она тратила все, что удавалось скопить, на травы. Бодрящий сбор — он помогает работать ночью. Сбор от головной боли, успокаивающий сбор. Все — для него. Чтобы он работал.

Так... привыкла заботиться о нем. Это же естественно. Как дышать. Никогда не задумывалась о том, сколько делала сама. Записывала то, что он рассказывал. Не перебивала, иначе у Людвига могло испортиться настроение, и тогда — все. Ждать нового вдохновения. А у них сроки.

Работа над текстом, портреты персонажей, характеры. Все записать.

Перепечатать. Проверить. Перепроверить. Чтобы не было опечаток, повторов. Она редактировала книги сама, поэтому их новинки выходили всегда вовремя. Расходились тиражи мгновенно. И снова — чай, стенография, подготовка черновой рукописи, перепечатать, перепроверить...

Вдруг так ярко представилось, что она несет мужу чай. Ставит на стол. Он раздражен, потому что болит голова. Поджатые губы. Недовольное: «Оставь, не сейчас!» Мало заварить сбор. Надо еще заставить его выпить. Уговорить. Успокоить...

Он хоть раз сказал ей спасибо? Нет. Ни разу. Может, она и не заслуживала? Была слишком назойлива? Высокомерна? Он уже не любил? Чувства исчезли?

Даже если и так. Все равно. Людвиг не мог участвовать в покушении на нее. Нет.

Агата вдруг осознала это. И вздохнула спокойно. Пусть Людвиг затеял глупый розыгрыш и, как подросток, попытался просто сбежать от проблем. Пусть с ним рядом была другая женщина — наверное, с трепетом и восторгом воспринимающая все, что он изрекал. Агата в последнее время видела, что мужу этого не хватает, что он нуждается в искреннем восхищении именно со стороны домашних. Она чувствовала себя виноватой, потому что сама дать ему этого не могла: слишком критичный ум, слишком не мягкий характер.

Госпожа фон Лингер так задумалась, что не заметила, как они с Эльзой дошли до чайной лавки. Ну надо же! Казалось, что она просто бредет по городу в растрепанных чувствах, а на самом деле пришла туда, куда планировала. Четкость в действиях, мыслях, делах. Даже сейчас. Может быть, Людвиг сбежал от нее именно поэтому? Видимо, ей трудно понять по-настоящему творческого человека. А ведь она хочет самостоятельно написать книгу. Вдруг у нее ничего не выйдет? Нет таланта? Если книга будет скучной, то...

Приветливо тренькнул колокольчик.

— Госпожа фон Лингер! Как же я рада вас видеть! — выглянула хозяйка. — Давненько вас не было видно.

— Здравствуйте, Эви. Мы теперь переехали в поместье и достаточно редко бываем в столице.

— Вы позволите угостить вас чаем? Недавно привезли новый купаж, и мне бы хотелось услышать ваше мнение.

— С удовольствием.

Смуглая молодая девушка исчезла за занавеской из разноцветных

стеклянных бусин. Агата бывала там. Бывший хозяин, дедушка Эви, господин Питт, когда еще был жив, приглашал ее в святая святых своей лавки — кладовую за занавеской из бусин. Они пили чай с печеньем, которое она специально пекла для их нечастых посиделок. Разговоры о чае. Книжки, которые он ей давал, советы.

Мистер Питт умер два с половиной года назад. Скромные похороны, кладбище на окраине. Людвиг еще очень сердился — зачем она туда поехала. Подумаешь, умер хозяин чайной лавки! Но он был ей другом. Его сборы помогали. Людвигу же и помогали. Как же она раньше не замечала? Ее муж... не всегда вел себя достойно. А вот барон...

— Пчиф! Рrrrrrrrrrrrrrrrr... — Эльза громко чихнула, смущенно прикрыв лапой нос.

Агата улыбнулась, присела, погладила мягкую, золотистую шерсть. В лавке пахло пряностями, травами. Для низерцвейга, обладающего тончайшим нюхом, наверное, тяжело тут находиться.

— Может, подождешь на улице? — предложила она собаке, и Эльза удалилась, одарив благодарным взглядом.

Звякнул колокольчик. Солнечный луч ворвался в приоткрытую дверь. Быстро, зная, что скоро исчезнет, пронесся по многочисленным пузырькам, расставленным по полкам.

Вернулась Эви с подносом. Девушка была чем-то похожа на своего деда. Те же ямочки на щеках. Приветливая, искренняя улыбка. Мистер Питт души не чаял в своей внучке. Учил всему, говорил, что лавку оставит ей. И не ошибся. Его дело живет, лавка, суда по всему, процветает.

— Вот, госпожа фон Лингер! Новый поставщик с островов. Уверяет, что чай, выращенный в горшочках из кристаллов лично артефактором, способен поднимать настроение!

— Но ведь кристаллы... это очень дорого?

— О, нет. Конечно, они не настоящие, но в землю подсыпают пыль от отработанных настоящих пород, этого достаточно. И потом подобные купажи действительно не дешевы! Попробуйте!

— Как интересно... Мне как раз не помешает, наверное...

С каждым новым глотком ароматного чая уходили горечь и отчаяние. Это был... запах надежды! На сердце становилось спокойнее: скоро она раскроет все тайны и сможет справиться со всеми сюрпризами, что приготовила ей судьба.

— Чай чудесный! Думаю, вас не обманули, Эви. Купаж не плохой — собачьи ушки, лунный волос и земляника. Основа — зеленый чай. Именно его вырастили артефакторы, если я правильно понимаю?

— О, госпожа Агата! И как это вам удастся? Вы все ингредиенты назвали, а сделали всего пару глотков! Вам надо написать книгу о чае!

— Я подумаю. — Госпожа фон Лингер улыбнулась. — Скажите, Эви, не случилось ли вам помогать артефакторам приходить в себя после экспериментов?

— Конечно! Как раз Генрих и обращался ко мне! Артефактор, что придумал выращивать чай... А настроение у вас поднялось, госпожа Агата?

— Да! И это удивительно!

— Вот видите! Я скажу Генриху. То-то он обрадуется!

— Передайте, пожалуйста, мои комплименты. Так как на счет артефакторов?

— Артефакторы теряют много крови во время работы. Вот Генрих, он...

— Генрих — ваш жених?

— От вас ничего не скроешь, госпожа фон Лингер. — Девушка покраснела, ее смуглая от природы кожа не спасла положения. — А как вы догадались?

— Это все волшебный чай вашего Генриха. Так как насчет сбора для артефакторов, Эви?

— Простите меня... Все болтаю, болтаю! Сейчас принесу!

Агата внимательно читала состав сбора, прикидывая, сколько это может стоить. Редкий состав, но очень грамотный — медвежья кровь, коралловый мох, плоды яшника, листья северной плакуны. Вот только на вкус это должно быть...

— Скажите, а он не горький?

— Не то слово, госпожа фон Лингер! Но вы возьмите сахарный вереск — с ним намного приятней. Генрих говорит, что, зажмурившись, пить можно.

— Думаю, можно добавить апельсиновых корок и кору шоколадного дерева... А ему помогает?

— Да, госпожа Агата. Намного лучше ему стало!

— Эви... Заверните мне, пожалуйста, этот сбор, сахарный вереск, апельсиновые корки и несколько палочек шоколадницы. Только... Запишите на мой счет. У меня сейчас нет, но...

— Конечно, госпожа Агата, конечно! А чай, что вы пили, я вам тоже заверну. Это вам подарок от нас с Генрихом. Вам ведь понравился?

— Очень. Спасибо! У нас в поместье сосед. Артефактор. Чудесный, редкой души человек. Только очень бледный. У него много работы...

Сзади раздалось деликатное покашливание. Агата обернулась и потеряла дар речи — барон стоял прямо у нее за спиной. Как же он вошел? Она не слышала дверной колокольчик, и... как давно он тут? Женщина покраснела, а Эви продолжала щебетать, как ни в чем не бывало:

— Не волнуйтесь. Поправится сосед ваш. Вон мой Генрих — румянец, что гранатовый сок... Ой, что же это я? Госпожа Агата, совсем забыла вам сказать! Кроме трав... Надо обязательно пить гранатовый сок Я сейчас вам дам адрес. В этот магазин его доставляют с южных границ империи Волин. Не переживайте, госпожа Агата — не подделка, не вода крашеная! Я Генриху только там и покупаю. Вот, возьмите.

— Спасибо, Эви...

— Добрый день, господин. Что желаете? Это ваши собаки? Валльские пастушьи такие милые! Жаль у меня нет косточки... А вы зайдите к мистеру Эбби, вверх по улице — у него только свежее мясо, не сомневайтесь! И косточка всегда найдется! Давно в наших краях?

Агата бросила умоляющий взгляд на барона, и он приветливо заговорил с хозяйкой лавки, стараясь ее не выдать. Эльза же подыграть отказалась. Собака, широко улыбаясь, демонстративно вышла вместе с Агатой на улицу.

— Предательница, — добродушно буркнула женщина, погладив вытянутую острую мордочку валльской пастушьей, — и что тебе не нравится в твоей новой внешности? Красавица!

* * *

— Жозефина, детка, я тебя умоляю! — Хозяин издательского дома приложил пухлые пальцы к вискам, страдальчески качая головой.

Крошечная палевая собачка на столе лаяла, визжала и скулила одновременно. На лысом подрагивающем тельце красовалась клетчатая манишка, в тон шейному платку самого мужчины.

И как только Агата забыла про любимицу господина фон Бикка — Жозефину-Розалинду?! Стоило собачонке учуять Эльзу и Грона, которые по требованию секретаря остались в приемной, как она подняла гвалт. Вести в подобной атмосфере переговоры возможным не представлялось.

Бывшему канцлеру, который занял место в углу и слился с обстановкой, все это порядком надоело.

— Вы позволите? — спросил он у хозяина кабинета.

Тот кивнул, признавая полную беспомощность.

Эрик подошел к столу, посмотрел в глаза беснующемуся зверьку. И приказал:

— Сядьте и замолчите!

К удивлению и облегчению Агаты и господина фон Бикка, Жозефина-Розалинда послушалась и замерла.

— Надеюсь, мое сокровище не погрузится в депрессию от подобного бесцеремонного обращения? — Хозяин издательского дома вынул из кармана платок и промокнул вспотевший лоб. — С вашей стороны, госпожа Агата, было очень некорректно являться ко мне в сопровождении других собак.

Мужчина бережно отнес Жозефину-Розалинду в кресло, поправил бархатную подушечку, манишку и вернулся к посетителям.

— Прошу прощения, господин фон Бикк, но обстоятельства сложились таким образом, что меня охраняют.

— Да. Я что-то слышал о том, что Людвиг исчез. Госпожа Агата, вы не могли бы поговорить с кем-нибудь, а? Пусть ваш супруг задержится еще месяца на три! Уговорите его! У нас просто замечательно расходуется дополнительный тираж! Конечно, если бы он погиб, тогда мы бы приурочили новость об этом к выходу новой книги! Продажи будут... А если фон Лингер после этого еще и воскреснет, вот тогда...

Агата сжала зубы, чтобы ничего не ответить... Вообще ничего. Потому что все, что она хотела произнести, не должна говорить дама из приличной семьи, к тому же финансово она сейчас была унижительно зависима от этого мерзкого человека с его премерзкой собачонкой. Как его только Людвиг терпит?

Супруга господина фон Лингера глубоко вздохнула, сжав ручку сумочки с такой силой, что та чуть было не оторвалась.

— Надеюсь, вы принесли рукопись? Она дописана? Давайте ее сюда!

Агата достала рукопись и протянула господину фон Бикку. Тот перелистал несколько страниц, заглянул в финал, усмехнулся и уставился на женщину, словно удивляясь, что она еще тут, в его кабинете.

— Я извещу вас о сроках выпуска книги, — проговорил он недовольно. Убрал рукопись в стол. Взял на руки собачку, которая, казалось, потеряла голос, и отвернулся от визитеров.

— Прошу прощения, господин фон Бикк, — поднялась Агата. — Но мне известно о ваших договоренностях с Людвигом. Равно как и о сумме, которая должна была поступить на наш счет за эту книгу.

— Госпожа фон Лингер, мои договоренности с вашим мужем в силе. Но, простите, при чем тут вы?

Дверь тихонько скрипнула, и огромные золотистые собаки бесшумно вошли в кабинет. Жозефина не издала ни звука. Эльза и Грон подошли к хозяину издательского дома, легли с двух сторон и с интересом уставились на господина фон Бикка.

— Но я же могу пойти вам навстречу, моя дорогая госпожа фон Лингер, и выписать вам аванс, — побледнел хозяин кабинета.

— Я была бы вам очень признательна, — склонила голову Агата.

— Скажем...

И он написал на листочке сумму — ровно в четыре раза меньше, чем было договорено.

— Сожалею. — Ногти вонзились в ладони, раздирая кружевные перчатки. — Но это — не та сумма, на которую я рассчитывала.

— Думаю, остальную сумму я выдам Людвигу. Или его поверенному, если с нашим любимым автором что-то случилось.

— Увеличьте сумму вдвое, — раздался тихий, но уверенный голос барона. — Остальные деньги — по выходу книги. Пришлете чек с нарочным в поместье госпожи Агаты.

— Как скажете, — вдруг совершенно миролюбиво ответил господин фон Бикк. — Госпожа фон Лингер, с вами приятно иметь дело.

Агата переводила взгляд с одного мужчины на другого. Честно говоря, она ожидала, что после ее возражений хозяин издательского дома просто прикажет им покинуть кабинет. И не станет ни слушать, ни разговаривать. Казалось бы, проблема решена, но...

Агата чувствовала себя униженной. Столько работы над последней рукописью, к которой ее муж имел уже очень поверхностное отношение. Все предыдущие книги они писали вместе, а ее как будто нет! Есть только господин фон Лингер.

— Хочу заметить, — прервал ее мысли голос господина фон Бикка. — Мы крайне заинтересованы в сороковой книге про агента фон Церга. И нам все равно, кто именно принесет эту книгу: вы или ваш супруг. Мы готовы будем заплатить...

И он написал на следующем листочке сумму, которая понравилась даже господину барону.

— Скажите, — решила Агата. — А если история будет остросюжетная, со шпионскими страстями. Но... от имени другого персонажа?

— Дорогая моя, не надо ничего выдумывать! Ни вам, ни вашему мужу! Зачем? Вы нашли свою золотую жилу, я готов платить деньги — ну что вам еще надо? Люди любят агента фон Церга? Вот и пишите про агента фон

Церга!

— То есть вы хотите сказать, что если я принесу вам новую рукопись, то...

— Если вы принесете мне новую рукопись об агенте фон Церге от имени вашего мужа — я ее приму. И заплачу. Мне ведь, знаете, все равно — вы это пишете или ваш муж! Но если вы принесете мне какую-нибудь отсебятину — я не буду тратить на это свое время. Время — деньги, моя дорогая госпожа Агата!

— А если «отсебятину», как вы выражаетесь, принесет вам мой муж?

— Честно скажу, новая рукопись об агенте фон Церге меня обрадует гораздо больше... Но — я посмотрю. Все-таки это фон Лингер! Что бы он там ни придумал — книга разойдется. Но если успеха не будет, второй раз я рисковать не стану. Что на вас нашло, моя дорогая? Нет, если вы пишете — пишите! Только не вздумайте менять имя! Людям нужен фон Лингер!

— Но ведь когда-то они его не знали. Верно?

— Верно! И вам страшно повезло, что когда-то я пошел вам навстречу!

— Повезло не только нам, господин фон Бикк... Но и вам!

— Согласен. Но я все сказал. Выкиньте всю эту чушь из вашей прелестной головки, госпожа фон Лингер, мой вам совет! Вы еще женским именем назовитесь, вот будет потеха! — И господин фон Бикк засмеялся, вытирая маленькие глазки накрахмаленным платочком.

Эрик и Агата ехали молча.

Низерцвейги лежали на заднем сиденье с плохо скрываемым возмущением в глазах. Какая чудовищная несправедливость! Даже Грон, чьи взгляды на женский пол были, в общем-то, традиционны, на этот раз был целиком и полностью согласен с Эльзой. Безобразие!

* * *

Господин фон Бикк решил прогуляться до дома пешком — полезно для здоровья. Он любил пройтись по хорошей погоде в конце рабочего дня. Обсудить с Жозефиной-Розалиндой последние события:

— Ну сама посуди, Жоззи! Новая рукопись от женского лица! Кому это нужно? Никто не будет читать женщину, это исключено! И не смотри на меня так, я же не тебя имею в виду!

— С кем это вы спорите, господин фон Бикк? Навстречу, придерживая шляпку, шла пожилая дама с валльской пастушьей собакой.

— Госпожа фон Люминг! Марго! Добрый вечер, добрый вечер... Да

вот, философствуем с Жозефиной-Розалиндой. Чудесный вечер, не находите!

Жозефина-Розалинда и Марго раскланялись. Они жили на одной улице и весьма терпимо относились друг к другу. Можно сказать, приятельствовали.

— Ваша правда, господин фон Бикк, — улыбнулась старушка.

— Удивительно, Жозефина-Розалинда никогда не лает на вашу Маргарет. Сегодня у меня были посетители с двумя валльскими пастушьими, правда намного крупнее. Так Жоззи такой скандал подняла!

— Быть такого не может, господин фон Бикк! Литтл-херриганы не любят низерцвейгов, а к валльской пастушьей относятся вполне миролюбиво. Мой племянник занимается собаками, уж я-то знаю! Да и валльская пастушья крупнее быть просто не может! Наверное, это были не породистые собаки, без родословной!

— Может быть, госпожа фон Люмминг, может быть...

Мужчина задумался. Попрощался. С большим трудом присел, взял собачку на руки и направился к дому.

— Значит, Жозефина-Розалинда, ты не любишь низерцвейгов? Я тоже их не люблю, мое сокровище. Зато мы с тобой любим печеночный пудинг! А? Ты не против печеночного пудинга, Жоззи?

Глава 10

— Аккуратнее! Аккуратнее грузи!

Эрик мрачно поглядывал на суетящихся возле мобиля лавочника и его подручных. Должно быть, Агата скупилла все кувшины с гранатовым соком, что были в магазинчике. Перевел взгляд на женщину, что замерла на переднем сиденье. Если бы не собаки, не проявляющие никакого беспокойства, он бы поклялся, что она не дышит. Как в тот злополучный вечер...

От подобных мыслей холод пробежал по позвоночнику, личина начала таять. Барон поймал на себе остолбенелый взгляд мальчишки, что грузил вместе с лавочником сок, и мгновенно взял себя в руки. Еще не хватало, чтоб все это богатство кровавой лужей разлилось посреди дороги.

Бывший канцлер испытывал двойственные чувства. То, что женщина так реагирует на любое упоминание о своем муже, определенно выводило его из себя. То, что все эти кувшины с гранатовым соком — забота о состоянии его здоровья, наполняло теплом и необъяснимой радостью.

Но если бы это было все... Что-то подсказывало артефактору, что полезный и, кстати, недешевый продукт покупается для того, чтобы он, а не кто-нибудь другой его пил. Возникает вопрос: как быть с тем фактом, что он с детства ненавидит этот... гранатовый сок? Может, удастся незаметно вылить Грону в миску?

Взгляд упал на переливающуюся в закатных лучах золотистую шерсть валльской пастушьей. Грон выразительно помотал головой, что означало: «Даже не думай!»

Настроение упало окончательно. Агата думает о муже, друг не собирается его спасать, а тут еще и дождь — первые редкие капли заставили собак встать.

— Погода испортилась, — резко бросил Эрик, подходя к мобиле. — Дождь. Я как-то не подумал о том, насколько быстро темнеет в ноябре.

— И вы устали... — безжизненно отозвалась Агата.

— А вы — нет? — еще больше рассердился он.

— И я. Тоже. Устала...

— К тому же нам надо поесть. Ночевать останемся в столице.

Агата кивнула.

Ему вдруг нестерпимо захотелось вытащить ее под ледяные капли дождя, встряхнуть, закричать: «Он не стоит твоих переживаний!»

Слышишь? Не стоит!»

Грон предупреждающе рыкнул. Кто-то кашлянул за его спиной:

— Мы закончили, господин!

Мальчишка, помощник лавочника, смущенно мямл картуз. Эрик молча протянул ему несколько монеток.

— Не извольте беспокоиться! — поклонился мальчишка. — Мы все упаковали так, что ни один кувшин не разобьется!

Мальчишка и лавочник улыбались, кланялись, желали счастливого пути и крепкого здоровья. Еще бы! Они ж полугодовой запас этой кислятины разом продали. Ее, наверное, и не берет никто. Только те, кто очень-очень хочет поправить свое пошатнувшееся здоровье.

— Вы... чем-то расстроены? — спросила Агата.

— Ну что вы, нисколько. Возьмите вот это и приколите к воротнику. — Барон извлек из бокового кармана булавку с небольшим зеленоватым камнем.

— Что это?

— Личина. Слабенькая, но, чтобы зайти в гостиницу неузнанной и покинуть ее спокойно, вполне хватит.

— У меня...

— У вас нет денег, Агата. Я это знаю. Беру все расходы на себя и не желаю слышать ваших возражений. Это понятно?

— Да...

Агата замолчала. Довольно долго они ехали молча, и только когда мобиль выехал на центральную улицу, ведущую к Триумфальной площади, тихо проговорила:

— Как вы думаете, он так разговаривал со мной, потому что я — женщина?

Барон фон Гиндельберг не сразу понял, что она имеет в виду. Откуда же ему знать, как и почему с ней разговаривал муж? Потом, поворачивая налево, к гостинице, пропуская встречные мобили, сообразил:

— Вы... о хозяине издательства?

Сзади послышалось недовольное рычание. Эльза даже слышать не хотела ни об издателе, ни о его бестолковом литтл-херригане.

— Конечно. О ком же еще?

— Это он вас вогнал в такую тоску?

Агата смущенно кивнула.

— Поставьте себя на его место. У него есть деньги. И он намерен их приумножить. Люди для него — что мужчины, что женщины... Только инструменты. Те, кто пишет послушно про то, что хорошо продается —

приносят неплохой доход. Значит, их нужно любить. Вежливое обращение с ними — с пользой проведенное время. Другие же... Сами понимаете — зачем тратить время и ораторское искусство на тех, кто не принесет денег?

— Но я не планирую устраивать бунт! — возразила Агата. — Я ведь пишу как раз остросюжетный роман. Я, в конце концов, люблю писать остросюжетные романы! И погони там есть, и расследования. Интрига. Шпионы. Любовная линия! И... откуда он может знать — найдет моя книга отклик у читателей или нет?! Господин фон Бикк ее даже не читал!

— Может, стоит найти другого издателя? — Согласное рычание сзади. — Без собачки?

— Думаете, не у всех издателей такое же мнение, как у мистера Бикка? Знаете... Даже я понимаю, что это совершенно бесполезно...

— Хотите, с ним поговорят. Убедят, что...

Агата посмотрела на Эрика с укоризной, отрицательно покачала головой. А потом увидела, куда именно они подъехали:

— Это же... «Регент Франц Лаутгард»!

Эрик кивнул, не понимая, что вызвало такую бурную реакцию, но радуясь, что его спутница очнулась от своего мрачного забытья.

Огромное здание, сверкая до блеска начищенными окнами по всему фасаду, летело в небо. Уже стемнело, и в свете ярких фонарей обычная, несмотря на то, что очень дорогая и респектабельная, гостиница казалась сказочным дворцом.

— Это же... очень дорого!

— Здесь неплохая кухня. Что касается денег, мы, кажется, все выяснили. Прощу!

Эрик фон Гиндельберг решительно вышел из мобиля. Открыл дверцу Агаты, с поклоном протянул ей руку. Собаки, улыбаясь, вышли следом. Наконец-то хоть кто-то подумал об ужине!

Агата смущенно оглядывала богатый, вычурный, сверкающий хрусталем и позолотой холл гостиницы, пока ее спутник договаривался о номере.

— Вы не сочтете за дерзость, если мы попросим вас оплатить номер заранее? — раздался от стойки тихий, но выразительный голос служащего. — И... собаки...

Агата сначала испугалась, но потом поймала на себе взгляд Эльзы: «Не переживай. Обычная процедура. Сейчас заплатят, и нас не только пустят, но и покормят. И, кстати, я сплю с тобой!»

— Надеюсь, у вас больше нет вопросов? — Барон молча протянул подписанный чек.

Огромная гостиная. Две отдельные спальни. Уютные мягкие кресла. Агата подошла к окну, отодвинула штору...

Вид из окна был прекрасен! Яркие огни, блестящая от дождя мостовая, дорогие автомобили, нарядно одетые дамы. Жизнь, движение! Она любила город. Но почему-то именно сейчас вспомнила старый, одинокий дом в тихом поместье, где она писала свою книгу, где барон был... со своим лицом...

— Вам все нравится? — с поклоном спросил у них портье.

— Все замечательно, — откликнулась Агата. — Принесите, пожалуйста, спиртовку и чайник. Я сама заварю чай.

— Конечно. Прикажете растопить камин?

— Непременно. И... ужин, — вспомнил о самом главном Эрик. — Принесите меню. Мы сделаем заказ в номер.

Служащий удалился.

— Вы принесете кувшин с соком? Хочу попробовать рецепт, который мне дали.

— Это... обязательно? Он же кислый...

— Боюсь, что да. Обязательно. Тем более что писать мне, кажется, все равно не на чем. Я забыла бумагу. Так что буду заваривать чай.

— Это поможет? — И барон протянул ей огромный блокнот с золотым вензелем «Регент-Франц-Лаутгарда».

— О! Вы... купили это специально для меня? — Она смотрела ему прямо в глаза, стирая личину против его воли.

Как... просто она задала этот вопрос. Как искренне покраснела. Смутилась. Ей очень идет. Веснушки становятся четче. И уши розовеют...

— Агата... Если вы хотите спросить, хотелось ли мне о вас позаботиться, то — да. Хотелось. Очень. Можете ли вы расценивать этот жест как проявление внимания с моей стороны? Да. Безусловно. Но... я не могу вам лгать, Агата.

— Но я... Нет, я не имела в виду, что...

Он подошел близко. Очень близко. Нагнулся к самому ее уху и прошептал:

— Я его не купил. Я стащил, когда портье отвернулся.

— Вы... вы... ха-ха-ха-ха... — Она запрокинула голову и рассмеялась.

— Держите.

Агата взяла у него из рук блокнот и ручку.

— На будущее. Перестаньте, чуть что, так смущаться. Вам очень идет, но... Вы уже достаточно большая девочка. Вам не кажется?

Тон, которым были сказаны эти слова, задел. Ну... погоди! Одобрительный взгляд Эльзы: «Не давай ему спуску!» Философский Грона: «Нас кормить будут?»

— Так... как насчет сока? — взяла себя в руки писательница.

— Э, нет! Я откупился! Добыл блокнот. Так что увольте... — Барон замотал головой и вытянул ладони перед собой.

— А вам не кажется, что вы уже достаточно большой мальчик? На будущее. Вам необходимо восстановиться после потери крови, так что... Перестаньте капризничать!

Неизвестно, чем бы закончился этот диалог, если бы не возмущенный рык Грона: «Нас кормить будут или нет?»

* * *

Они оба остались живы! Они были единым целым. Работали в команде — словно их тренировали не один месяц.

Впервые с момента трагической гибели мужа она почувствовала себя живой. Способной чувствовать. Чье-то плечо. Дыхание. Страх. Опасность. Риск. Желание жить. Выжить. Это было... Больно. Но все же лучше, чем ничего.

— Значит, кто-то опасается именно вас. — Курт молча смотрел перед собой.

— Не понимаю. Я никого не узнала. Следовательно, некто работает под личиной. Но все равно. Не понятно — зачем привлекать к себе внимание попыткой убийства?

— Да уж... Надо разобраться, что не так в этом курортном городке.

Мужчина ухмыльнулся, но его лицо от этого не потеряло своей привлекательности. Скорее наоборот. В нем было... обаяние «плохого парня». Настоящего шпиона.

Агата дописала главу. Казалось, она не успевает записывать проносящиеся перед глазами события. Сидя вместе с героями на заднем сиденье уходящего от погони мобиля, она видела, как Эвелин сжимает огнестрел, как у Курта на лбу от напряжения выступают капельки пота. Визг тормозов, ледяные капли дождя, тепло внезапно вспыхнувшей между героями симпатии...

Агата посмотрела на часы — половина восьмого вечера. Надо же, как быстро она написала главу. Всего полтора часа и — пожалуйста. А бывает, текст не идет. Но сейчас даже думать об этом не хотелось! Ее новая книга торопилась рассказать об удивительных приключениях, страстных поцелуях, тайнах, погонях, предательстве и мести.

Ух! Несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и привести мысли в порядок. За время болезни Агата привыкла писать, лежа в кровати. В памяти всплыли наставления мамы:

— Милая, нельзя читать в кровати!

Мама... Любопытно, что бы она сказала о работе над романом в кровати? И о...

Аккуратный стук в дверь.

— Простите, что беспокою. Хотел пригласить вас на ужин...

Барон фон Гиндельберг стоял прямо, одет был в свежий костюм, в дверь с любопытством заглядывали Грон и Эльза — причесанные, черные, блестящие...

Агата обрадовалась — барон и собаки сняли личины! Такое чувство, будто вновь встретила старых друзей. Верных. Преданных. Своих...

Но когда первые эмоции улеглись, накатило смущение. Она не переделась в другое платье к ужину, как того требовали приличия. Она... писала. Писала, забравшись на кровать. И теперь у нее мятая юбка...

— Прошу вас, идите скорее! Вы бледны. Вам надо поесть.

Есть действительно хотелось, и она не стала спорить. Одернула юбку, быстрым движением поправила волосы, улыбнулась и, опираясь на руку барона, вышла в гостиную.

У камина, действительно, был накрыт стол. В свете свечей поблескивали бокалы... Что? Свечи?!

Сердце забило слишком часто. Наверное, она переутомилась. Вряд ли в такое состояние ее привела такая незначительная деталь, как свечи. Барон — человек утонченный, он был канцлером при дворе, и... И это просто знание этикета, а ни в коем случае не проявление романтических чувств по отношению к ней!

— Я позволил себе заказать гранатовое вино. — Мужчина отодвинул даме стул.

— Гранатовое вино? Не знала, что такое бывает.

— Кухня юга империи Волин. Оттуда же родом сок, на который вы потратили столько денег. Кстати говоря, внесите эти траты в смету.

— Смету?

— Для Министерства обороны. Я уже связался с ними и поставил в

известность, что гостиницу, как и кристаллы для мобиля, оплачивают они. Мы работаем по их заданию. Во всем должен быть порядок!

Госпожа фон Лингер рассмеялась.

— Давайте ужинать. В отличие от собак, мы с вами еще не ели.

— А вы пили это вино раньше?

— Конечно. Я не стал бы рисковать вашим здоровьем. — Эрик улыбнулся, наполняя бокалы.

— Вы были в империи Волин? — Агате всегда хотелось узнать об этой загадочной стране побольше. — Говорят, что там по улицам ходят дикие саблезубы...

— Агата! Ну, вы же образованный человек. Писательница. Неужели вы верите в подобную чушь?

— У меня не было возможности проверить. Но... так говорят.

— Глупости. Южные земли Волин очень плодородны. Отсюда такая богатая кухня. Много пряностей, так как там тепло и продукты быстро портятся. Дикие саблезубы, наверное, водятся в горах, но по улицам не ходят. Зато в горах пасутся киззы. Они дают молоко, из которого делают аль-хони. Это очень вкусно!

Барон говорил, а пряный аромат диковинных блюд заполнял комнату. Уютный треск огня в камине. Двусмысленные улыбки низерцвейгов. Бархатный голос бывшего канцлера. Темное, тягучее, с пикантной кислинкой вино. Агата окунулась во все это, как... Как в сказку.

Он рассказывал об особенностях южной кухни, а сам не мог оторвать глаз от ее лица. Какие... живые глаза. Волнистые волосы, отливающие золотом в свете свечей... Свечи. Он не переборщил? Может, зря? Ведь нормы этикета этого в их случае не предполагают, но... Он рискнул намекнуть. Примет ли она этот его жест? По правилам — должна уронить салфетку. Но... нет. Это значит... нет?

— Я заказал и мясо, и цыпленка. Цыпленок в соусе из плодов тартхи — это очень вкусно, поверьте мне на слово. Что вам положить?

— Цыпленка, — ответила Агата, а сама рассматривала блюда, выставленные на стол.

Посуда из черненого серебра с замысловатыми узорами. Вино в глиняной бутылки слегка изогнутой формы — никогда такой не видела. Глубокая чаша на краю стола, в прозрачной воде которой плавали листья мяты, дольки апельсина, лимона и даже зернышки самых настоящих гранатов.

— Что это? — спросила она. — Какой-то напиток?

Бывший канцлер рассмеялся:

— Знаете, вы мне напомнили одну историю. Когда мы были в Волине, произошел забавный казус. Наш маршал выпил все содержимое из чаши. Залпом. Накануне у него была неформальная встреча, где он по политическим соображениям вынужден был... поддержать наших предполагаемых союзников. Прожевал лимончик. Со вздохом облегчения похвалил компот...

— И?..

— Это чаша для омовения рук.

Они хохотали. Эльза и Грон улыбались. Огонь потрескивал, поддерживая теплую компанию и душевную атмосферу.

Эрик смотрел на Агату, думая о том, насколько с ней легко. Ей все интересно. Искренне. А ему... Ему просто хорошо.

Хочется защитить. Развлечь. Покормить. Увидеть, как от вина розовеют щеки, как выбивается из наскоро сделанной прически упрямый завиток. Этой молодой женщине интересно жить. Она хочет писать. Заваривать чай. Гладить собак. Вдыхать аромат осенних листьев, ловить веснушками первое весеннее солнце, улыбаться высокому, синему небу, подставлять ладони прохладным каплям дождя. Удивительно, но рядом с ней ему тоже... Всего этого хочется.

— Вы же много путешествовали? — спросила Агата, стараясь не есть слишком быстро.

По правде говоря, это было не так просто сделать, потому что... вкусно-то как!

Эрик вспомнил свои деловые поездки и покачал головой:

— Можно и так сказать.

— Были и в Волине, в империи Чи-джо-ида.

— И в Оклере, по вопросам заключения мира. И в Ганзейском союзе.

При мысли о последнем бывший канцлер привычно поморщился. Он не любил торговцев. Даже к оклеровцам — врагам — и то относился с большим уважением.

— А вам не скучно было в поместье?

Барон рассмеялся:

— Вы знаете, нет. Я полюбил старый дом. Тихо. Спокойно. Можно представить себе, что войны никогда не было. Забыть, как страшный сон. Расстрельные списки. Сожженные города. Людей, по которым даже скорбеть некогда...

— Но мы же победили...

— Да. — Он допил вино. Налил еще. — Победили...

— Простите. Простите меня, я... Наверное, зря подняла эту тему. У

вас тяжелые воспоминания.

— Не думайте об этом. И не извиняйтесь. Лучше скажите мне... О чем вы думаете? У вас такой озабоченный вид, что еще немного, и я решу, что ужин вас не впечатлил.

— Ах нет, что вы! Все очень вкусно. Вино чудесное... Знаете, я вас помню во дворце, на церемонии награждения. Людвиг тогда получил Королевскую премию.

— Это интересно. И что же вы помните?

— Вы мне тогда показались... Таким недовольным. Вот ни за что бы не поверила, что вы можете так улыбаться!

— Как так? — Барон смотрел так пристально, что Агата смутилась.

— Не знаю... Тепло. Весело. Искренне.

— Мне всегда были не по душе помпезные дворцовые мероприятия. А уж как вспомню расчеты с министром финансов: откуда взять деньги на все эти увеселения...

— А мы на эту премию доходный дом в столице купили, — растерянно ответила Агата: с такого ракурса она дворцовые праздники не рассматривала.

— Рад, что деньги пошли на что-то полезное.

Господин барон поймал недовольный взгляд Эльзы и печальный Грона. Тяжелый вздох. Безмолвное рычание.

А как иначе? Ну, посудите сами: вечер, ужин при свечах. Мужчина и женщина, которые нравятся друг другу, но сидят, как на дворцовом мероприятии? Станные все-таки люди... Глупые...

Эрику хотелось спросить у Агаты: как так получилось, что он ее не заметил на награждении. Она ведь была рядом с мужем. Его самого бывший канцлер помнил хорошо — белый мундир с золочеными эполетами, чуть откинута назад голова, гордая, снисходительная улыбка. Неприятный все-таки тип!

Женщины рядом с писателем он не помнил... А ведь она должна была блистать в тот вечер! Вечернее платье. Открытые плечи, перчатки, драгоценности? Он напряг память еще раз. Нет. Ничего такого он не помнит. Как же так? Как так получилось, что такая женщина — и стала... тенью?

Глава 11

— Да как ты осмелилась? Привести в мой дом своего любовника?! — Пышная пожилая дама воздела руки к небесам. — Какой стыд! Позор! О, мой мальчик... Мой бедный мальчик, Людвиг! Людвиг! О! — Дрожь в голосе, слезы в маленьких, еле выглядывающих из-за надутых щек глазах...

Эрик нахмурился, если бы не интересы следствия, то все бы родственники драгоценного писателя уже бы паковали чемоданы.

Эльза с интересом посмотрела на потолок, не свалится ли оттуда что-нибудь от таких громких звуков. Грон лишь покачал головой — да что такое с его решительным и жестким, прекрасно воспитанным хозяином? Почему он позволяет подобное поведение в присутствии дамы и собак?

— Хочу заметить, — спокойно ответила Агата, посчитав про себя до десяти и сделав несколько глубоких вдохов, — что, во-первых, это — мой дом. Мой и Людвига...

— Твой дом? Нет, вы посмотрите на нее? Этот дом куплен на деньги моего талантливой мальчика! Гениального писателя современности, работавшего на благо семьи не покладая рук, днем и ночью! О, мой бедный наивный сын! Какую змею ты пригрел на своей груди... Впрочем, все талантливые люди наивны и доверчивы. Ими так легко воспользоваться! Стоит лишь побольнее нажать на некоторые струны их души...

— Что касается вашего последнего замечания — не могу не согласиться. Но мы отвлеклись. Так вот, повторяю: во-первых, этот дом принадлежит мне и Людвигу. Во-вторых, этот господин приставлен ко мне следствием...

— Зачем? — изумилась фрау Лингер. — Могли бы просто оставить тебя в тюрьме!

— Приставлен следствием по той причине, что меня хотели убить, — все так же спокойно договорила Агата, стараясь не обращать внимания на то, что в голове у нее застучало.

Руки тряслись, а лицо фрау Лингер почему-то стало огромным, во всю комнату. Оно отделилось от полной фигуры и медленно поплыло на нее.

Эльза и Грон подошли к Агате и встали с двух сторон. На всякий случай. Если их гостя вдруг упадет. Да что ж с хозяином? Почему он это не прекратит? Давно пора сворачивать семейный балаганчик. Весь вечер на арене — фрау Лингер...

— Видите, матушка, как хорошо! — Непонятно было, говорит ли младший сын серьезно или иронизирует. — Мы теперь в полной

безопасности.

— Пойдемте со мной, Эрик, я покажу вам комнаты, — обернулась Агата. — Потом осмотрим дом, пока прислуга все подготовит.

— А прислуги-то и нет! — мстительно заметила фрау фон Лингер. — Разбежалась!

— Тогда я найму новую. — Агата сжала руки в кулаки.

«Не плакать! Не смей распускаться!!!»

И она решительно направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

— И будьте добры, комнату как можно ближе к вашей, — сказал в ее хрупкую напряженную спину Эрик.

— Можете прямо в одной поселиться, — прошипела фрау Лингер.

— Матушка! — явно забавляясь происходящим, воскликнул Ульрих.

Грон, проходя мимо, так выразительно посмотрел на этих двух, что в доме наконец повисла блаженная тишина.

Дом был большой. Новый. Но какой-то издерганный. Неуютный. Он вздрагивал от каждого звука, словно ожидая очередного скандала. Или... убийства.

Поднявшись по лестнице, Агата с Эриком повернули налево.

— Семейство Лингеров поселилось в правом крыле. Мы с Людвигом занимаем... занимали... левое. Там есть гостевая спальня. В ней никто не жил.

Агата механически проговаривала слова, точно пыталась в звуках своего голоса найти хоть какую-то поддержку.

— Пожалуйста. — Она распахнула перед Эриком дверь.

— Агата! — Он быстро зашел, захлопнул дверь, тихо приказал собакам: «Охранять», затащил хозяйку дома внутрь и прижал ее к себе.

Она на мгновение напряглась, словно собираясь вырваться. А потом расплакалась.

— Ну же... Успокойтесь... — Он неловко гладил ее по голове.

— За что... — шептала Агата.

— Так, — решил господин барон. — Мы немедленно отсюда уедем. Пускай следователи разбираются со всем этим безобразием! Вызывают господина фон Лингера. Допрашивают его мать и брата — не оклеровские шпионы, признаются.

— Но...

— Агата... — Он заставил ее поднять глаза. — Поедем домой?

— Нет.

Женщина высвободилась из его объятий.

— Я недопустимо раскисла. Простите. Мы должны узнать, что

происходит в поместье. И мы узнаем.

Эрик кивнул, признавая за ней право решать самой. Хотя все внутри кричало: «Бери в охапку и уводи отсюда! К себе! И больше не отпускай!»

Понять бы еще, как онаотреагирует, если он так и сделает! Что-то ему подсказывает, что оттолкнет. Прогонит. И больше не захочет иметь с ним никакого дела. А сейчас это просто смертельно опасно. И если его не будет рядом...

— Агата. Я правильно понимаю — мы с вами только что имели счастье наблюдать матушку господина фон Лингера и его младшего брата. Того самого, что неудачно вложил ваши с Эриком деньги?

— Да, — кивнула Агата. Взрыв эмоций прошел. И теперь было безумно неловко. Что он о ней подумает? Замужняя женщина, принадлежащая другому, — пусть ею и принято решение развестись — и... вешается на шею... — Как он вам?

— Скользкий.

— Мне кажется, вы преувеличиваете. Ошибиться, особенно в вопросах вложения денег, может каждый. А делать из него убийцу...

— Мы здесь именно за этим, — улыбнулся Эрик. — Разобраться. Я вчера, пока выгуливал собак, связался с господином Майнцем. Доложил обо всем, что мы узнали.

— И что следовательно?

— Будет расследовать, как ему и положено. Зацепки мы ему предоставили. Думаю, его стоит ждать завтра. Сегодня я ему позвоню и предоставлю информацию о слугах. Интересно, это для него окажется новостью? Или нет?

— Надо ехать в деревню, — вздохнула Агата. — Или договариваться с теми, кто работал. Или искать кого-то.

— Думаю, можно обратиться в госпиталь.

— Нанять выздоравливающих для уборки?

— Им пойдет это на пользу. Хоть какие-никакие, а деньги. Да и болтать они не будут. Не то что женщины из деревни. К тому же... К протезам надо привыкать. А такая работа прекрасно для этого подходит.

— Тогда остается вопрос с кухаркой.

— Вам же понравилась стряпня в моем доме?

Агата кивнула.

— Десятка полтора человек обучаются профессии повара при том же госпитале. Выбирайте.

Он не стал озвучивать мысль о том, что если кто-то совершит налет на дом, то лучше иметь преданных, профессионально подготовленных людей.

Бывших солдат королевской армии.

— Поедем?

Агата так светло улыбнулась при мысли, что у нее есть повод сбежать...

— Аааааа! — раздался со стороны лестницы вопль.

Агата и Эрик, не сговариваясь, выскочили в коридор.

Эльза и Грон смущенно уставились на хозяина. Посреди холла, зачем-то стоя на одной ноге, с упоением кричала женщина. Дама визжала, не переставая, сильно зажмурившись, вцепившись в подол собственного платья.

— Что случилось?! — рявкнул господин барон.

— У... У... Убили!

Агата вскрикнула.

— Кого? — спросил Эрик.

— Ме... ме... ня.

— Кто?

— Собаки! — выпалила дама, чем-то похожая на фрау фон Лингер, только моложе.

Она медленно открыла глаза. Разжала сжимающие ткань пальцы. Опустила наконец вторую ногу и, набрав в легкие побольше воздуха, набросилась на Агату:

— Как ты могла! Ты! Ты же знаешь, насколько я боюсь собак!

— Но, Вилла... — растерянно начала хозяйка дома.

— Убери их отсюда. Немедленно!

— Мама, с тобой все в порядке? — раздался юношеский ломающийся голос.

— Конечно, нет, Конрад! Это чудовищно!

— Собаки! — обрадовался молодой человек. — Здравствуйте, Агата.

— Добрый день, Конрад.

— Как я понимаю, это сестра хозяина дома и ее сын? — спросил Эрик.

— Верно, — ответила Агата. — Но, Конрад... Почему ты не в университете?

— Ну... — Мальчишка густо покраснел. — Меня отчислили. За неуплату.

Агата уставилась на него в недоумении:

— Постой. Семестр оплачен. Это точно! Я знаю, что Людвиг ездил в Лаутгард, чтобы...

— Агата, вернемся лучше к собакам, — очнулась мать Конрада. — Я требую, чтобы их в доме не было.

— Не думаю, что это возможно, — поклонился ей господин барон. — Господином Майнцем передо мной поставлена четкая задача: обеспечить безопасность госпожи фон Лингер. Следовательно, до приказа начальства и я, и собаки остаемся в доме.

— И ты позволишь ему так разговаривать со мной?

Вилла разъяренно развернулась к Агате. Эльза едва слышно зарычала.

— Они же загрызут нас всех!

— Рrrrrrrrrrrrrrrr!

— Собаки, — насмешливо проговорил Эрик, — прекрасно воспитаны. Никогда не нападают без приказа. Их не следует опасаться. Если, конечно, вы ничего не замышляете против госпожи Агаты.

— Зачем ее охранять? — Фрау Берта, прибежавшая спасти дочь, вновь обратила внимание на себя. — Мало того, что в доме будут расхаживать эти... бешеные псы, так еще и убийца! Бедная моя девочка... Она боится собак! Вы слышали?

— Рrrrrrrrrrrrrrrr!

— Рrrrrrrrrrrrrrrr!

Эльза и Грон медленно пошли на дам, всем своим видом показывая, что все это им порядком надоело. Не понятно, почему это терпит хозяин, у него, видимо, свои причины в интересах следствия, но с них явно хватит!

Вилла вновь вцепилась в платье, зажмурилась, еще секунда, и дом вновь содрогнется от крика. Агата это почувствовала, и ей на секунду стало так жаль измученные последними событиями стены, что она мысленно обратилась к низерцвейгам: «Эльза! Грон... Пожалуйста... Не надо!»

Собаки остановились. Сели. Одновременно повернули головы и уставились на нее: «Уверена?»

— Дамы, — Эрик склонил голову набок, совсем как Грон, — я вынужден повториться еще раз — фрау Агата фон Лингер находится под охраной потому, что в этом доме ее пытались отравить. Идет следствие. Я попрошу вас не покидать пределы поместья до тех пор, пока оно не закончится.

— Отравить! — Фрау Берта всплеснула руками. — Да если кто и мог всех отравить, так это она! Это она все время крутится возле своего шкафа! Притащила эту старую развалину — все место на кухне заняла! С утра до вечера свои баночки-скляночки перебирает, из одного в другое пересыпает, шепчет да наговаривает! Ведьма! Она же отварами своими моего сына и извела! Убийца!

— Разберемся. А сейчас я вас попрошу успокоиться, фрау Лингер. Идите к себе. У вас будет возможность высказать следствию все свои

предположения. И, кстати... Вилла, где вы были в тот момент, когда исчезла госпожа Агата?

— Меня не было в доме.

— Было довольно поздно. Где именно вы провели тот вечер?

— Я не обязана перед вами отчитываться!

— Передо мной — нет. Я всего лишь личная охрана госпожи Агаты фон Лингер. Однако вам придется ответить на эти вопросы следователю. Подумайте об этом.

Женщина, видимо, хотела что-то сказать, но собаки смотрели на фрау Виллу фон Лингер очень внимательно. Она удалилась, а за ней побледневший Конрад. Мальчик бросил грустный взгляд на собак. Эльза чуть вильнула хвостом. Грон склонил голову набок, совсем как Эрик...

— Конрад, подожди, пожалуйста. — Агата подошла к мальчику, положила руку ему на плечо.

— Получается, — чуть слышно произнес Конрад, — все, кто был в доме, — подозреваемые?

— Получается, что так. — Эрик внимательно смотрел на мальчика.

Перед ним стоял довольно высокий, немного бледный подросток с живыми, умными глазами. Очень сильно не похожий на свою матушку — полную, розовощекую, слегка истеричную даму.

Конрад присел на корточки рядом с собаками, с надеждой посмотрел на Эрика:

— Можно?

Господин барон подумал. Увидел чуть шевельнувшиеся хвосты. И кивнул.

— Так ты сбежал из университета? — Агата внимательно посмотрела племяннику в глаза.

Студент потупился, сосредоточенно глядя золотистую шерсть Эльзы. Эльза не скрывала своего удовольствия и даже повернулась к Агате: «Ну что ты пристала к ребенку?»

— Да там, кроме химии... Столько всего ненужного! История. Культурология. Это... не мое.

— Как можно не знать истории своей страны? — с недоумением спросил у бывшего студента Эрик.

— Так я ее знаю. Только путаю имена, даты. И что где происходило.

Господин барон нахмурился. Агата только головой покачала:

— Значит, ты бросил университет. Как давно?

— Недели две...

— Факультет? — командным голосом спросил Эрик.

— Химический. Первый курс, — тут же ответил мальчик.

У Агаты сжалось сердце. Было видно, как мальчик тянется к силе. Порядку. Ощущению, что кто-то возьмет ответственность на себя, обеспечив защиту. Вилла развелась с мужем, а бабушка и мама — это, видимо, совсем не то, что нужно сейчас подростку.

— А химия тебе нравилась? — Эрик продолжал строго смотреть на мальчика, но Агате тем не менее показалось, что Конрад ему симпатичен.

— О да... Очень!

— Хорошо. Давайте осмотрим дом — меня интересует главным образом кухня, — приказал Эрик. — Потом поедем в госпиталь.

— А можно с вами? — спросил Конрад.

— В следующий раз, — строго посмотрел на мальчишку Эрик, подумав, что им надо доехать до Орна и переговорить со следователем Майнцем.

С мальчиком он потом разберется — надо будет восстановить его в университете. Хорошие химики нужны. И Агата, кажется, действительно искренне переживает за его судьбу.

Они попрощались с Конрадом, вышли из холла и прошли по коридору к кухне, что располагалась чуть ниже уровнем относительно основных помещений.

Агата застыла. Кухня было разгромлена. Пыль. Грязь. Битая посуда. Грон подошел к валявшейся в углу небольшой, подгнившей с одного боку картофелине, брезгливо тронул лапой, и та покатилась, стукнувшись о ножку стола.

— Что это? — растерянно огляделась госпожа фон Лингер. — Фрау Берта, конечно, говорила, что прислуга ушла, но...

— Интересно... — Эрик сделал еле заметный жест рукой, и собаки начали обход помещения.

— Что же они едят? — Агата посмотрела на Эрика, но тот лишь развел руками.

В углу стоял Чай-шкаф. Они выбирали его вместе с Питтом, бывшим хозяином чайной лавки. Большой, резной. Красивый! А какой запах по всей кухне, когда распаковывали! Пахло игольницей. Маленькие ящички для специй — из шоколадного дерева, как положено. Мечта!

Она долго уговаривала мужа сделать ей такой подарок. Сначала он был недоволен, но со временем смирился. Они тогда уйму денег потратили...

Питт подарил ей пять деревянных шкатулок-купажниц, выполненных из яблони, граната, шоколадницы, черного дерева и одну — самую дорогую — из кристаллов. И книгу: «Руководство по бытовой чайной

артефакторике».

Конечно, ее кровь там не требовалась. Лишь кристаллическая купажница, определенный, точно вымеренный состав трав и медитативное состояние, в котором необходимо просто обнять руками сосуд, вкладывая свою энергию.

Нет. Она не артефактор. Но у нее получалось. После такого чая снились цветные сны. Становилась гладкой и шелковой кожа, густыми и блестящими — волосы. К Людвигу возвращалось вдохновение. Снять температуру. Избавить от головной боли...

У нее получалось! И ей это нравилось. Нравилось так же сильно, как писать...

Со вздохом она распахнула наконец резные дверцы своей сокровищницы, и под ноги посыпались осколки, травы, чаинки... С жалобным звоном покатались по полу весы...

Эльза аккуратно остановила лапой медную чашечку и грустно посмотрела на расстроенную женщину: «Не переживай ты так... Лучше посмотри на моего хозяина, видно же, что он готов скупить весь чайный арсенал континента, только бы ты улыбнулась? Что?! Можно подумать, сама не видишь, как он на тебя смотрит!»

— Апчиф... рrrrrrr! — Эльза чихнула и возмущенно улеглась рядом с разбитыми весами для чая.

— Зачем же так... — прошептала Агата.

Эрик оттащил ее от Чай-шкафа. Вопросительно посмотрел на Грона: «Проверь!»

Низерцвейг отрицательно покачал головой и отошел подальше — запахи были слишком сильные.

— Поедем. Пожалуйста, — попросила Агата, — не могу здесь оставаться!

Глава 12

— Нас довольно странно приняли, — делился своими впечатлениями господин барон. — Честно говоря, я ожидал, что домашние господа Агаты хотя бы удивятся тому факту, что она жива.

— Это я их предупредил, — смутился следователь. — Вчера. Хотел посмотреть, как отреагируют.

— И как? — Агата отвлеклась от разглядывания своих рук в кружевных перчатках.

Мужчины переглянулись и промолчали.

— Слуги? — спросил господин барон у Майнца.

— Не похоже, — ответил следователь. — На всякий случай оставили их под наблюдением. Похоже, работу они искать стали, как только исчез господин Людвиг. Горничная устроилась в гостиницу в Орне. Как раз возле полицейского управления. Кухарка уехала в Лаутгард. У нее там дочь. Давно звала мать к себе — помочь с детьми.

— А садовник?

— Работает неподалеку от вашего поместья, господин барон.

— То есть слуги ни при чем?

— Ну... Как сказать. Лишних денег ни у кого из троих не появилось. Убрать их, опять же, никто не пытался. Допрашивали их... без реверансов. Не дворяне, сами понимаете. Но, увы, ничего.

Барон фон Гейдельберг с беспокойством посмотрел на побледневшую Агату. Эльза и Грон с ненавистью — на следователя.

— Госпожа фон Лингер! — обиженно протянул Майнц, одновременно кидая виноватые взгляды на собак. — У вас, конечно, фантазия бурная. Вы книжки пишете! Но ваших бывших слуг мы не пытали. Препаратами не обрабатывали, артефакты не применяли! Много чести, право слово. Припугнули — не более.

Женщина облегченно выдохнула.

— И что вам рассказали про семейство фон Лингеров? — Барон встал, обошел кресло, где сидела Агата, положил ладони ей на плечи.

Грон удовлетворенно кивнул, Эльза улыбнулась.

— Прежде всего то, что увольняться все трое собирались еще до того, как исчезли хозяин поместья, а потом и его супруга.

— Что? Почему? — удивилась госпожа фон Лингер.

— Вас с мужем, не в обиду будет сказано, считали... эээм... не от мира

сего. Слишком доверчивые. Не рачительные. Даже управляющего не наняли.

Агата сидела, совершенно ошарашенная.

— Воровали? — деловито спросил Эрик.

— Скорее, подворовывали. Особенно горничная. А вот арендаторы — как считают и садовник, и кухарка — те разошлись.

— Но я... — проговорила Агата. — Но мы... Хотели по-хорошему...

— Мой совет: наймите управляющего, — грустно улыбнулся следователь. — Только такого, которому можно будет доверять. Все-таки земли у вас богатые. Виноградники. Сады.

— Про управляющего — мысль хорошая. Арендаторов на место надо поставить, — решил господин барон.

— Что касается родственников, — осторожно покосился на Агату следователь. — Мотив имели все. Ульрих — из-за денег. Если у старшего брата не будет жены, то потраченные деньги можно и не возвращать. Наверняка писателя нетрудно обработать.

— Что удалось о нем узнать? — перебил барон, слегка сжав плечо Агаты.

— Пока не много. Младший Лингер — игрок. — Следователь достал папку с досье. — По уши в долгах. Должен всем, кому только можно и нельзя. Особенно нельзя. Я готов поставить свой послужной список на то, что часть денег, полученных от старшего брата, Лингер просто проиграл.

— Сегодня он вел себя достаточно уверенно, — нахмурился господин барон. — Улыбался. Иронизировал...

— Будьте с ним поосторожнее, — посоветовал господин Майнц.

— Перед тем как ехать к вам, мы были в госпитале. Наняли выздоравливающих.

— Отряд бывших военнослужащих вам в доме не повредит, — согласно кивнул следователь. — Неплохо было бы также их вооружить. Но так, чтобы не напугать домочадцев.

— Само собой.

— Но даже если это и Ульрих, — продолжал Майнц, — не понятно, откуда «Водяная Смерть».

— Придется ждать, — пожал плечами господин барон, отошел от Агаты и сел напротив Майнца. — Может, кто-то себя все-таки выдаст? Что касается «Водяной Смерти»... Вы знаете, что племянник хозяина дома учится на химическом факультете столичного университета?

— Что вы такое говорите, Эрик! — испугалась Агата. — Конрад — хороший мальчик! И потом... Он же ребенок, в конце концов.

— И учиться только на первом курсе, — согласился с ней следователь. — Но тем не менее надо проверять и его тоже.

— Лично я ставил бы на дам, — покачал головой барон, — госпожа Берта и госпожа Вилла... очень... своеобразные личности.

— Слуги это отмечали, — согласился Майнц. — Думаю, будет хорошо, если на них внимательно посмотрит господин Фульд.

— Психиатрия и неврология — не его конек, — заметил бывший канцлер. — Хотя... пусть скажет — чей. Доставим. Консультация специалиста нам не помешает.

— Госпожа Агата, а как думаете вы?

— Господин Майнц... Я пока могу думать только о том, как я благодарна. Вам, господину Фульду. И вам, господин фон Гиндельберг...

Они вышли из управления полиции под свет фонарей, и все, как один, подняли головы. Снег...

— Первый в этом году. — Агата блаженно подставила лицо под крупные снежинки.

Барону захотелось коснуться ее губ. Щек. Сомкнутых век. Отвезти в свой старый дом...

— Что? — Он вдруг понял, что Агата его о чем-то спрашивает.

— Вы всерьез думаете, что меня пытался отравить кто-то из Лингеров?

— Не знаю. Люди они не самые приятные. У каждого, как выяснилось, есть причины вас не любить. Но... надо разбираться.

— Надо, — вздохнула Агата и неожиданно предложила: — Давайте поужинаем в городе?

— Конечно... — Барон прикрыл глаза так, чтобы свет от фонарей расплылся на мокрых ресницах, и мысленно сказал первому снегу: «Спасибо...»

— А то в поместье поесть спокойно не дадут, — деловито добавила женщина, которая только что сделала его самым счастливым бывшим канцлером континента. — Еще закажем еды с собой, чтобы до завтра хватило. И... надо заехать в ресторан, отменить доставку готовой еды в поместье. Страшно представить, какой хозяева выставят счет за то время, что Лингеры пользовались их услугами, записывая все на меня.

— Вот видите, какая вы хваткая! Мне кажется, слуги сильно прогадали, покинув ваше поместье...

— Ах, что вы! — Агата рассмеялась. — Они, к сожалению, правы.

— Может, вы муфту купите? — внезапно предложил Эрик. — Или... шляпку?

— Зачем? — удивилась госпожа фон Лингер.

— О! Я знаю. Пойдемте в чайную лавку. Не уверен, что тут, в провинции, есть изысканные купажи, но что-нибудь подберем.

— Вы хотите поднять мне настроение? — догадалась Агата.

Господин барон кивнул:

— Мне кажется, вам необходимо отвлечься.

Агата откинулась на спинку сиденья мобиля и, глядя перед собой, прошептала:

— Спасибо.

Какое-то время они ехали молча. Он думал о том, что еще ничего для нее не сделал такого, чтобы без конца повторять слова благодарности. О том, как бы ему хотелось действительно сделать так, чтобы ее жизнь наполнилась счастьем. Светом. Покоем. Уверенностью в себе и завтрашнем дне. А она думала о том, что с тех пор, как погибли родители и до этого самого момента, никому не было интересно, стоит ей «отвлечься» или нет...

Дорогу заносило снегом.

После спокойного уютного ресторанчика Агата почувствовала себя живой. Ушла (а может, просто затаилась) царапающая сердце пустота. Наконец появились силы сказать себе: «Это просто надо пережить...»

Но в поместье их вновь встретила фрау Берта:

— Как вы могли? Как?!

Агата вздохнула: сегодняшний безумный день никак не хотел заканчиваться.

— Послушайте, уважаемая. Просто скажите — что случилось? — нахмурился Эрик.

Очарование вечера исчезло. Грон и Эльза умоляюще посмотрели на хозяина: «Ну сейчас-то ты можешь дать нам команду ее укусить?»

— А вы бы, молодой человек, вообще помолчали, когда я разговариваю с невесткой! — Лицо фрау Берты побагровело от возмущения.

Агата устало перевела взгляд на свекровь. Разговаривать не хотелось. Совсем. Хотелось спать. И... она не написала сегодня ни строчки!

— Вилла пропала, — вдруг прошептала фрау Берта и расплакалась. — Как ты могла прогнать мою дочь?! Откуда эта бесчеловечная жестокость?! За что?!

— Агата, идите к себе. Фрау Берта, прошу вас, успокойтесь. Мне нужна личная вещь вашей дочери. Поищите что-нибудь подходящее. Эльза, охранять!

— Вот. — Женщина подала платок Виллы с таким видом, будто это был уже траурный венок.

Барон взял платок, присел, привлек Грона к себе:

— Посмотри, что можно сделать, старина. В идеале, нам бы эту Виллу найти как можно скорее. А то театральность старшей дамы династии Лингер начинает утомлять...

«А я, между прочим, давно предлагал ее укусить... Ладно, давай, что там у тебя?» — Грон понюхал платок, еще раз укоризненно взглянул на хозяина и выбежал из дома.

Сбегая по лестнице, бывший канцлер привычно вынул огнестрел из кобуры, проверил заряды в барабане и исчез в темноте за дверью.

Агата проводила его встревоженным взглядом. Эльза боднула руку, лизнув пальцы горячим языком: «Хозяин приказал, надо идти!»

Изо всех сил стараясь не слушать упрёки свекрови, барабанившие по спине, думая о том, закончится этот день когда-нибудь или нет, госпожа фон Лингер поднялась по лестнице и закрыла за собой дверь.

— Ты даже ребенка родить ему не смогла! — все-таки достал до стен ее комнаты отчаянный крик.

Что тут ответишь? Не смогла... Сначала было как-то не до того. Артефакты, отменяющие нежелательную беременность. Потому что денег нет, а книги идут. Только-только стали что-то зарабатывать, вставать на ноги. А потом, когда захотелось...

Доктора разводили руками. Говорили, что и с ней, и с Людвигом все в порядке. Рекомендовали уехать из столицы на побережье. Там, мол, и климат мягче, и ритм жизни спокойнее.

Они так и сделали. Вот только... спокойнее не стало.

Агата вошла в свою комнату и без сил опустилась в кресло. Если бы оно не стояло вот тут, у стены, она бы просто легла на пол. Звук захлопнувшейся внизу входной двери тревогой отозвался в сердце...

За окном валил снег. Темно. Холодно. Надо бы растопить камин, а то барон с Гроном вернутся промокшие, усталые. Как хорошо, что они наняли слуг в госпитале. Те два солдата, что ухаживали обычно за собаками барона, вызвались сами. Агата была этому несказанно рада! Хоть кто-то искренний будет в этом мрачном доме. Уже завтра. А сейчас придется справиться с камином самой.

— Когда же наконец закончится этот бесконечный день?

Эрик фон Гиндельберг выскочил из теплого дома под снегопад. Поморщился, огляделся и нырнул в метель вслед за валльской пастушьей. В снежной пелене Грон в своем новом обличье был похож на лисицу. Хитрый коварный хищник взял след, почуял добычу...

Бывший канцлер улыбнулся про себя. Когда-то он испытывал азарт от погони. Холодная рукоять огнестрела. Близость опасности... А сейчас все, чего он хочет, — кресло, камин, глинтвейн, собаки и... она. Агата. Что это? Старость? Или... любовь?

Снег с ветром усилились. Холодно. Не видно ничего из-за этой нежданной метели! Настроение испортилось. Романтичные мысли сменились раздражением и гневом. Вот что за сумасшедший дом?! Так и хочется вызвать доктора Фульда и организовать родственникам супруга госпожи фон Лингер «отдых».

А что? Регулярные прохладные ванны и палата с мягкими стенами уж кому-кому, а фрау Берте точно не повредят! Зря он оставил Агату со свекровью. Сделать та ничего не сделает, но гадостей наговорит...

Ситуация крайне раздражала барона полным отсутствием логики и дикой абсурдностью. Ну откуда у подобных людей армейский препарат? И зачем было травить им Агату? Это же срывает все планы. Демаскирует. Безусловно, серьезных людей.

А если все произошло случайно... Или по безалаберности — что скорее всего... Все равно. Это не крысиный яд, в конце концов. Не пузырек со снотворным. Это — «Водяная Смерть»! Препарат под маркировкой «Совершенно секретно»! И это... семейство фон Линтеров. Да нет, просто смешно! Откуда?!

И странно — почему мужчины не вышли? Не пришли на помощь фрау Берте? Не отправились вместе с ним искать Виллу?

Задумавшись, Эрик наскочил на Грона:

— Прости, старина. Я тебя в такой метели не заметил.

Грон рыкнул: «Ты бы меня еще в литтл-херригана превратил. Вообще раздавил бы!»

Господин барон вспомнил редактора с его мерзкой собачонкой и покачал головой:

— Ну ты, брат, хватил... Обижаешь. На такое я бы точно не решился.

Барон огляделся и, выпустив облачко пара, спросил у пса:

— Где мы, кстати?

Тот тяжело вздохнул. И улегся прямо в снег.

— Так... Ты хочешь сказать, что это дорога, по которой мы ехали из

Орна? Поместье Агаты где-то там...

И Эрик взмахнул левой рукой в сторону дома, которого за снегом было не видно.

— Так... Хорошо. Допустим. Ну и куда ее понесло? Почему мы тут остановились?

Еще один страдальческий вздох был ему ответом.

— Дорога?... Она здесь села в мобиль?

Громкий довольный гавк.

— Отлично! И что нам теперь делать? Я бы на ее месте остался бы ночевать там, где она есть в данный момент!

В ответ на слова барона мелькнул свет кристаллов и прямо перед ними из темноты вынырнул мобиль. Мужчина и собака отскочили, успев в последний момент спрятаться за кустами.

Мобиль остановился. Дверца, где сидел пассажир, распахнулась:

— Дорогая, послушай меня! Это сумасшествие! Вилла, ты же взрослая, свободная женщина. Ну? Сама подумай, куда ты пойдешь по такой погоде. И, главное, зачем?

— Мама...

— При чем тут фрау Берта? Давай вернемся, Вилла! Останешься у меня, а утром мы просто заберем твои вещи.

— Я не могу так поступить с ней.

— А со мной можешь? И... с собой?

— Не надо... Пожалуйста, не сейчас. Уезжай!

В темноте хлопнула дверца мобиля. Снежный вихрь затанцевал в свете тающих в темноте кристаллов.

Барон пожалел о том, что с собой нет ловушки — устройства, позволяющего поймать свет кристаллов и идентифицировать код мобиля.

А раньше всегда носил с собой. Да... Время, проведенное в поместье с прогулками по расписанию и изобретением новых артефактов в качестве развлечения, дает о себе знать. Он теряет хватку.

Вилла пошатнулась от неожиданности, когда перед ней выскочила валльская пастушья. Эрик напрягся, ожидая диких воплей, перекрывающих порывы ветра. Но... Женщина опустилась на корточки и неожиданно запустила руки в золотистую мягкую шерсть:

— Привет, мой хороший! Решил меня проводить?

— Да, — вышел из темноты мужчина, — в доме суматоха. Агату обвинили в том, что она вас выгнала. Фрау Берта... эээ... очень сильно переживает.

— Понятно... — Вилла грустно улыбнулась. — Пойдемте домой. Всех

успокоим.

Несколько шагов по дороге они шли молча, но вскоре барон все-таки не выдержал и спросил:

— Вы ведь не боитесь собак, верно? А крик сегодня утром подняли нарочно... Зачем?

— Вы правы... Понимаете, собаки, они ведь могут учуять...

— Мужчину, который приходит к вам?

Вилла кивнула и смущенно проговорила:

— Вы не могли бы сказать, что я гуляла?

— По такой погоде? — скептически поднял брови барон.

— Ну, вышла я значительно раньше. И ничего не предвещало такой бури.

— А потом вы просто заблудились. И никакого мобиля в помине не было.

— Именно... Пожалуйста. Я вас очень прошу...

— Хорошо. Но взамен вы мне расскажете, кто вас подвозил.

— У него будут неприятности?

— Только лишь в том случае, если он пытался убить госпожу Агату.

— Ах, ну что вы! Я более чем уверена, что это не так.

— Вот и хорошо.

Они мирно пробирались домой сквозь бурю, когда Вилла вдруг остановилась и проговорила:

— Извините меня.

— За что?

— За безобразную сцену сегодня утром... С собаками.

— Ничего, — вздохнул Эрик. — Правда, мне показалось, что госпожа Агата расстроилась.

— Мама ее не приняла. С самого начала. Как и моего мужа. Следовательно, их с Людвигом расставание — лишь вопрос времени.

— Странно все это, — пробормотал барон. — Я такого не понимаю. Чего же ваша матушка хочет для своих детей?

— Иногда мне кажется, что она — просто очень несчастный человек. И одинокий... Мы — все, что у нее есть.

Они вошли в дом. Фрау Берта, взвизгнув от радости, тут же зарыдала, заламывая руки.

— Мама! — закричал появившийся на лестнице Конрад.

— Со мной все в порядке, — поспешно проговорила женщина, явно избегая встречаться взглядом с фрау Бертой. — Господин Эрик и его пес спасли меня.

— Гав! Гав! Рrrrrrrrrrrrr... Гав!

— Эльза! Что? Что... случилось...

Поскольку осторожный стук в дверь так и не разбудил уснувшую в кресле Агату, Эльза не выдержала.

«Ну?! И зачем ты это сделала? Мы бы вошли, все такие мокрые, барышня спит в кресле... Это ж романтично!» — Грон буравил Эльзу глазами-кристаллами.

«Ну не знаю... Это ставит барышню в неловкое положение, мне кажется... Хотя... Может, ты и прав». — Эльза легла и положила голову на вытянутые лапы.

«В следующий раз давай без пиететов! Дело и так не двигается... Уф... ну и продрог же я в этой метели».

— Апчхи! — простите, Агата.

— Апчхи... rrrrrrrrrrrrrrrrr! — Грон поднял глаза на госпожу фон Лингер и мысленно произнес то же самое.

Мужчина и пес стояли на пороге комнаты насквозь промокшие.

Агата вскочила с кресла, в котором умудрилась уснуть. Она плохо понимала, что происходит. Переводила взгляд то на одного, то на другого. Ковер намок в том месте, где сидел Грон, а Эрик... Агата с удивлением обнаружила, что по-солдатски коротко стриженные волосы могут виться, и уже протянула руку, чтобы потрогать завитки, но...

Грон возмущенно гавкнул, она, очнувшись, отдернула руку.

«Ну и кто из нас идиот?» — Эльза грустно смотрела Грону прямо в глаза.

— Вилла нашлась. А в моей комнате нет ни полотенца, ни постельного белья. А мы... вот...

— Простите! — Агата стала просто пунцовой. — Я... Простите!

Не прошло и пяти минут, как у них с Гроном были сухие полотенца, горячий глинтвейн и бутерброды.

Они закрыли дверь. Собаки и мужчина скинули личины.

Им было хорошо. Тепло. Уютно.

А за окном падал снег...

Глава 13

Снег...

Агата выглянула в окно и рассмеялась. После ночной бури снег лежал сплошным ковром — до самого горизонта!

Сияет на солнце, слепит глаза, а поднимешь голову — небо. Яркое, чистое, голубое...

Как когда-то дома, в Нее. На севере королевства такие заносы в порядке вещей. Казалось, вот прямо сейчас раздастся стук в дверь, и веселый голос скажет:

— Дочь! Ты что? Опять всю ночь читала?!

Она снова будет прятать под подушку очередной роман, а мама улыбаться и качать головой. А потом сядет на край кровати и станет расчесывать ей волосы, приговаривая:

— Запомни: сто раз утром, сто раз вечером! Волосы у женщины должны быть ухожены. Расчесаны и убраны. Аккуратно. Всегда! Что бы ни случилось... Даже если небо упадет тебе на голову!

Мамочка... Агата взяла расческу, провела по волосам. Стала расчесывать, считая про себя. Сегодня она причесалась тщательней, чем обычно.

Столько лет прошло, а все равно больно...

Отца... отца Агата помнила в основном серьезным и занятым человеком. Владеющим собой в любых ситуациях. Но скрыть, какое удовольствие он получает от того, что может баловать «своих девочек», верховный судья марки Ней не мог.

Шонн Энтин был чуть ли не в два раза старше Эмилии фон Айбель. Не говоря уже о том, что семья мамы стояла выше по положению относительно фамилии отца. Но они были счастливы. Всегда.

Мама была такая веселая! Улыбалась, радовалась каждому дню. Пожалуй, что и злиться не умела... Хотя, нет. Один раз было. Отец пытался запретить Агате поступать в университет на вождеденный филологический факультет.

— Она же де-воч-ка! — дирижировал судья руками в воздухе в такт каждому слогу. — Зачем ей это? Такие нагрузки, жизнь в столице. Чужие непроверенные люди вокруг. Ты еще скажи, что ей нужно будет идти работать — как советуют столичные новомодные журналы! Есть же хорошее домашнее образование, в конце концов...

Мама молчала и хмурилась. Понятно, при Агате никто отношения выяснять не стал. Но... через неделю они всей семьей оказались в столице. Родители повезли ее в Лаутгард. Поступать в университет.

— Я хочу, — сказала тогда мама, — чтобы у тебя всегда был выбор. И если ты решишь остаться с любимым человеком в поместье на краю света — это не потому, что тебе больше некуда идти.

И она с такой нежностью посмотрела на отца, который обсуждал что-то очень интересное с деканом юридического факультета — вполне, надо отметить, по-дружески, — что папа отвлекся. Прервал на мгновение разговор. Посмотрел маме в глаза и улыбнулся.

Сколько лет прошло, а Агата до сих пор помнит тот момент. От улыбки отца всем присутствующим, включая саму Агату, стало как будто неловко. Словно они подглядели что-то совершенно не предназначенное для посторонних глаз.

Шонн и Эмилия Энтин ушли вдвоем. Ранним летом. Во время первой атаки оклеровцев.

Агата вытерла глаза.

Прислушалась. Внизу раздавались веселые голоса. Время от времени к ним присоединялся то басовитый лай Грона, то деликатный, но не менее громкий — Эльзы.

Хозяйка дома заколола камею на воротничке-стойке, еще раз проверила, гладко ли уложены волосы, и вышла навстречу новому дню.

* * *

— Разбаловались совсем! Хорошие псы голос без команды не подают! — выговаривал собакам хозяин, стараясь спрятать хорошее настроение.

«Ты действительно хочешь сделать вид, что страшно зол сейчас, да? Прости, что намекаю столь прозрачно, но мне кажется, у тебя не очень хорошо получилось. Может, попробуешь еще раз?» — Грон смотрел на хозяина, чуть склонив голову набок.

Агата уже спускалась по лестнице, когда Эрик, еле сдерживаясь, чтобы не показать Грону язык, улыбнулся, приветствуя хозяйку поместья:

— Доброе утро! За ночь снегом совсем завалило. Словно и не юг.

Сегодня даже его личина ее не раздражала.

— Хорошо, что помощь пришла, — кивнул Эрик на входную дверь. — Молодые люди уже приступили к работе.

Через какое-то время дверь открылась.

— Ульрих! Майер! — улыбнулась Агата молодым людям, которые первые зашли в дом. — Как я рада вас видеть.

Собаки улыбнулись всем и быстро убежали на улицу.

В дом постепенно заходили остальные солдаты. Заносили коробки, вещи. Один нес сверток со швабрами.

— Добрый день, — улыбнулся он. — Я — Ганс.

Молодой человек был худ, бледен, однако во взгляде живых синих глаз чувствовалась такая сила характера, что Агата смутилась. Ей все время казалось, что она должна им сочувствовать, жалеть... Она знала, что все они изувечены. И тем не менее радость за тех, кому повезло участвовать в проекте Фульда и Гиндельберга, не отпускала. Как и гордость за барона и доктора.

— Добро пожаловать в поместье, Ганс.

— Как добрались? — спросил Эрик у молодого человека с обожженным лицом.

— Хорошо, господин ба...

— Густав!

— Прошу прощения, — щелкнул тот каблуками. — Разрешите доложить: по дороге прошлись тяжелыми машинами. Снег расчистили.

— Замечательно. Госпожа фон Лингер, позвольте? Этого молодого человека я хотел бы порекомендовать на должность управляющего вашим поместьем. Густав проходит обучение в местном институте сельского хозяйства, водит мобиль. Исполнителен. Обязателен. В высшей степени порядочен. Я лично могу без сомнения поручиться за него.

— С огромным удовольствием предоставляю вам место. — Молодая женщина улыбнулась, видя смущение Густава.

— Спасибо.

— Вопрос оплаты...

— Я это решу, — остановил ее Эрик.

Агата вздохнула. Потом. Денежные вопросы они уладят потом. Без посторонних. В конце концов, у нее есть свои деньги! Чек за последнюю книгу в издательстве она получила на весьма внушительную сумму. И не без помощи все того же барона фон Гиндельберга. Так почему он и на этот раз должен решать ее финансовые затруднения? Это уже переходит все возможные границы приличий настолько, что ставит ее в неловкое положение...

— Госпожа Агата, — обратился к ней теперь уже новый управляющий, — подскажите, пожалуйста, где книга приходов-расходов?

Хочу вносить траты, чтобы разобраться, сколько стоит содержание поместья.

— Можно, конечно, поискать, — растерялась Агата. — Толстая черная тетрадь была на кухне, в ящике стола. Но... Там такой разгром, что проще завести новую. Я принесу.

И она стала подниматься по лестнице.

— Ульрих, — раздался снизу крик, — здесь стекло. Куда его нести?

— Ульрих? — Перед Агатой появилась фрау Берта. — Мальчик мой, ты вернулся?

Мать Людвига остановилась. Окинула взглядом все, что происходило внизу, и строго спросила:

— Что это? Что такое?

— Ничего необычного либо предосудительного, фрау Лингер. Я наняла новых помощников по дому.

Агата почти зажмурилась, ожидая бурной реакции свекрови. Но госпожа Берта восприняла эту новость практически равнодушно. Лишь губы поджала. А потом спросила:

— И мой сын с ними?

— Ульрих? Я его со вчерашнего дня не видела.

— Я тоже.

— Так, должно быть, зовут одного из работников. Извините, фрау Берта. — Воспользовавшись минутной растерянностью госпожи фон Лингер-старшей, Агата поспешила в свою комнату. К секретеру.

Секретер был вторым ее «богатством». Агата вспомнила разгромленный Чай-шкаф и вздохнула. Может, попросить кого-нибудь из солдат починить? Хорошо еще, что в ее комнате вещи не тронули. И секретер на месте. Пальцы погладили лакированное дерево. Женщина улыбнулась, откинула крышку.

Толстые черные тетради для хозяйственных нужд она хранила в ящике справа. Здесь для каждой вещи было свое место. Она любила порядок. Как мама...

Пузырьки с чернилами, песок, печать, начищенные перья, более современные ручки с автоматической подачей чернил, кристаллы, убирающие кляксы, листы бумаги для печатной машинки. Сама машинка располагалась внизу. Старенькая, верная спутница их с Людвигом скитаний. Когда-нибудь она купит себе последнюю модель — на кристаллах!

Так... Книга расходов... Кстати говоря, она ни разу не проверяла, кто там что записывал. И записывал ли вообще! Вот она. На всякий случай

залезла в ящичек, чтобы проверить, на месте ли чек, и...

Обомлела. В ящичке было пусто.

Она долго разбирала тетради, принадлежности, письма, документы... Перетряхивала ящички. Смотрела на пустые полки. А потом, без сил опустившись на пол, заплакала.

Чека не было.

Ее обокрали.

— Агата, — постучал в дверь Эрик. — Вас так давно нет. Завтрак накрыт. Пойдемте.

Она не ответила.

Он резко распахнул дверь.

— Что случилось?

Она взглянула на него, не в силах остановить слезы.

— Все. Все будет хорошо. — Ее гладили по волосам, спине, прижимали к себе, желая защитить и успокоить.

— Давайте уедем?

— Ну уж нет! Теперь я обязательно добьюсь правды!

Агата вскочила с пола. Высвободилась. Покраснела. Нашла платок. Вытерла слезы. Аккуратно. Изящно. Высморкалась. Изящно не получилось...

Эльза вошла вслед за хозяином и теперь укоризненно смотрела на несчастную: «И ты собираешься свести его с ума?»

— Агата... что произошло?

— Меня ограбили.

— Чек? — догадался Эрик.

Агата кивнула.

— Надо найти, кто это... Эльза! — позвал господин барон. — Ты все слышала. Ищи!

«Я-то найду...» — Эльза наградила долгим, печальным взглядом их обоих и вышла из комнаты.

Они шли за собакой по второму этажу. Около одной из дверей вальская пастушья остановилась и оглушительно гавкнула.

— Ульрих... — прошептала Агата.

Эрик покачал головой. Достал из кармана пластину с цифрами:

— Доктор Фульд! Нет... Все живы... Вы в городе? Мне нужно, чтобы вы сделали несколько вещей...

— Да как вы смеете!

Теперь Ульриха фон Лингера нельзя было назвать ни милым, ни очаровательным. Словно после пары часов под стражей с него слезла вся наносная шелуха — и он... просто стал собой.

Агата пыталась соотнести свои воспоминания о молодом человеке с тем, что видела сейчас. Безразличная, отстраненная улыбка на бледном лице. Немного сарказма в холодных серо-голубых глазах. Легкая небрежность в причёске.

Чем он занимался? Была ли у него женщина? Она не знала. Ульрих никогда не был злым. Обладал прекрасным чувством юмора. В целом он ей нравился. Они ладили, иногда даже смеялись вместе, если тот рассказывал что-нибудь забавное. Но она никогда не пыталась по-настоящему присмотреться к тем, кто жил вместе с ней под одной крышей. Работа. Книги. Забота о муже.

Наверное, она в этом виновата, потому что...

— Агата! Скажи своему любовнику, чтобы прекратил все это немедленно! Иначе я...

— Вы сделаете — что?

Эрик с нескрываемым удовольствием смотрел на молодого Лингера за решеткой. Представители этого семейства за неполные двое суток успели его порядком разозлить.

Вот только состояние Агаты внушало господину барону опасение. Женщина была белой. Конечно, жаль было срывать с нее розовые очки, но нельзя же настолько не видеть сущность тех, кто тебя окружает...

Хотя... надо было оставить ее где-нибудь в гостинице. Под присмотром Эльзы. А не тащить в управление полиции. Возможно, это еще не поздно сделать.

— Я в порядке, — тихо проговорила Агата, словно прочитав его мысли. — Не надо меня отсылать.

— Это будет неприятный разговор.

— Догадываюсь. И тем не менее. Это — моя жизнь.

Барон кивнул, разрешая остаться.

— Вы знаете, почему вас задержали? — спросил у Ульриха следователь Майнц, когда все расселись у него в кабинете.

— Потому что моя родственница с ее любовником, — кивок в сторону Агаты и Эрика, что сидели рядом на продавленном диванчике, — придумали какую-то возмутительную чушь про меня.

— И вы не трогали чек в комнате у госпожи фон Лингер?

— Конечно, нет.

— И не обналичивали его в отделении Главбанка на проспекте императора Франциска Первого в Орне?

— Ах да... Простите, запямятовал. Конечно, обналичивал. Госпожа Агата фон Лингер сама попросила меня об этом.

— Что? — Эрик положил ладонь на плечо дернувшейся от возмущения женщины, уговаривая успокоиться.

— Допустим, — следователь Майнц был невозмутим, — деньги вы сняли и повезли в поместье, чтобы отдать госпоже Агате фон Лингер. Я правильно излагаю ваши намерения, господин Ульрих?

— Безусловно. А вы меня задержали.

— Готов за это извиниться. Но... где банкноты?

— Какие?

— Те самые, за которыми вы ездили в Ори. Те самые, которые вы, если я правильно понял, намеревались передать госпоже Агате. Где они, господин Ульрих?

— Я отдал некоторые долги.

— Вот эти?

Следователь выложил на стол несколько расписок. Пачку банкнот, перехваченных бечевкой.

— Арестованы и те, с кем вы играли.

Ульрих изменился в лице. Пораженный, он смотрел на следователя, будто столкнулся с чем-то сверхъестественным.

— Что же вы наделали?! — прошептал он. — Зачем?

— Кроме того, — хладнокровно продолжал Майнц, — наши коллеги задержали в столице владельца игорного зала, где вы обычно просаживали деньги. Как правило, не свои собственные деньги, господин Ульрих. Его везут сюда. Будем разбираться.

— С чем? Достаточно же было дождаться брата, он бы все оплатил. И забрал обвинение.

— Вы упускаете одну маленькую, но очень важную деталь. Чек выписан не на имя вашего брата. А на госпожу фон Лингер. Следовательно, это ее выбор: забирать или нет заявление.

— Значит, — равнодушно проговорил Ульрих, — Людвиг, когда вернется, просто уgomонит свою женушку — вот и все!

Агата отрицательно покачала головой.

— Вам же не нужен скандал, — ухмыльнулся молодой человек. — Это плохо скажется на продажах вашей книжонки. Следовательно, заявление вы заберете.

— А вот мне любопытно, — вдруг задумчиво проговорил Эрик. —

Хоть монета из тех денег, которые вы взяли у брата на преумножение капитала, дошла до компании, продающей акции на разработку месторождения — или вы просто все проиграли?

— Вам-то какое дело?

— Ваш брат вскоре после этого исчез. Госпожу Агату пытались убить. То есть вы, господин Ульрих фон Лингер, — подозреваемый номер один.

— Бред! Брат просто сбежал.

— Да что вы!

— От нее, — пренебрежительный кивок в сторону застывшей Агаты. — Он ее так ненавидел, что... сложно себе представить. Не удивлюсь, что Людвиг в ее чай крысиного яду и подмешал.

— Ненавидел? За что?!

Две валльские пастушьи, что лежали у входа, подняли головы и зарычали. Эрик сделал еле заметный знак рукой. Собаки вновь положили морды на лапы, но глаз от хозяина не отвели.

— Ты его душила. Не давала раскрыться «таланту». — Ульрих зло рассмеялся, а затем, кривляясь, продолжил: — «Милый, так не пишут... Это грамматическая ошибка. Проверь лексическое значение слова... Лучше свериться со словарем... Это было у фон Гейнца — зачем повторяться...»

Увидев, что задел женщину, которая, вцепившись в сумочку, просто перестала дышать, обвиняемый прямо-таки воспрял духом:

— Да его просто тошнило! От тебя и от твоих чаев!

— Но я...

— Ты хуже нашей мамы! Еще и изображаешь из себя непонятно что... Помощница! Скажи еще — писательница!

— Довольно, — приказал барон фон Гиндельберг. — Довольно. Господин Майнц, оставьте господина Ульриха фон Лингера у себя. Вина в краже доказана, он пойман с поличным. Что касается покушения, Лингер был и остается одним из подозреваемых. Так что... надеюсь, время, проведенное под стражей, господин Ульрих запомнит как один из самых неприятных моментов в его жизни. — Бывший канцлер выразительно посмотрел на следователя.

— Слушаюсь.

Когда барон повернулся к двери, госпожи фон Лингер уже не было в кабинете. Эльза и Грон не сводили с него глаз.

«Отдай приказ, а? Ну что тебе стоит? Он же заслужил!» — Грон по своему обыкновению склонил голову набок.

— Э, нет! Мы ему козырь в суде не подарим! Пойдемте лучше найдем госпожу Агату. Эльза, искать! — Но Эльза не двинулась с места...

«Какой суд? Зачем суд? Не будет никакого суда... Мы его просто загрызем и дело с концом». — Эльза демонстративно уселась возле двери, всем своим видом показывая, что никуда идти не собирается, пока они не решат этот важный вопрос.

«Ага. По-тихому...» — Грон сел рядом с подругой.

Они с Эльзой редко были единомышленны во мнениях, но сейчас...

Агата выбежала на улицу. Прислонилась к стене. Жадно вдохнула холодный воздух. Белый снег слепил глаза после полумрака кабинета Майнца, но слезы навернулись не от этого. Они текли по щекам от обиды. Она понимала, что Ульрих мог наговорить ей колкостей специально, но почему-то это не успокаивало.

Вскоре вышли барон с собаками.

— Госпожа фон Лингер. Агата... Пойдемте.

Они уже сделали несколько шагов к мобиле, когда сзади раздалось недовольное:

— Рррррррррр...

— Гав!

— Эльза! Грон! Ну что за бунт?

— Бунт? — Агата вопросительно посмотрела на Эрика.

— Они злятся на меня за то, что я не позволил отдать филейную часть Ульриха фон Лингера на растерзание.

Женщина вздохнула и с нежностью посмотрела на собак. Но даже не улыбнулась, что сильно насторожило собак и барона.

— Ну ладно. Все. Хватит. — И Эрик открыл заднюю дверь мобиля.

К его удивлению, ни собаки, ни женщина так и не двинулись с места.

— В чем дело?

— Я тоже.

— Что «тоже», госпожа фон Лингер?!

— Протестую. Эльза и Грон правы. Ульрих заслужил! Пусть они его загрызут! — И она топнула ножкой...

«Да... — Грон посмотрел на Эльзу, — дамочка-то с характером!»

«Что делать будешь?» — Валльская пастушья повернулась к хозяину.

К своему удивлению, Грон и остальные обнаружили, что барон сбросил личину. На мгновение. Однако этого оказалось достаточно, чтобы втроем они бросились к мобиле, обгоняя друг друга...

Они повернули на выезд из города. Агата и собаки молчали, чувствуя свою вину и пытаясь понять — злятся на них еще барон или уже нет.

«Мне кажется, остыл». — Эльза подняла голову и зевнула.

Агата, поймав ободряющий взгляд блестящих янтарных глаз, наконец решилась:

— Простите. Простите меня, я... Не знаю, что на меня нашло.

— На мой взгляд, ничего особенного. Если разобраться, правда на вашей стороне. Не вижу ничего странного либо предосудительного в том, что вы разозлились. Ну а сплоченный союз троих — вы, Эльза и Грон против меня, к этому, простите, я уже просто привык!

— Рrrrrrrr... — Грон недовольно поднял голову.

«Клевета! Я не часто в женском союзе! В основном прошу отметить, поддерживаю тебя! Кто ж виноват в том, что в последнее время ты так влюблен, что порой просто неадекватен...»

— А куда мы едем? — Агата, улыбнувшись про себя, поспешила сменить тему.

По правде говоря, ей было совершенно все равно, куда они катили с такой скоростью. Высокое, прозрачное небо, поля с обеих сторон дороги, синие очертания гор вдалеке. Все это успокаивало, хотелось ехать, ехать... Подальше от всего, что пришлось пережить.

— Хочу научить вас стрелять.

— Что?

— Стрелять. Из огнестрела.

— Настоящего?

— Конечно. Вот ваша героиня... ээ...

— Эвелин.

— Да, Эвелин. Она стреляет?

— У нее огнестрел, сделанный артефактором специально по руке.

— Интересно... И какие возможности?

— Меткость!

— Не обижайтесь, но это глупо.

— Почему?

— Меткость — это всего лишь навык, достигаемый тренировкой. Если бы я работал с огнестрелом как артефактор, я бы встроил искажение.

— То есть?

— Тот, в кого собираетесь стрелять вы, будет видеть вас не там, где вы на самом деле находитесь. Ему будет казаться, что вы смещены относительно своего настоящего местоположения.

— И что это даст?

— Как что? В вас не попадут. Открывается пространство для маневра, соперник — как на ладони. У вас неоценимое преимущество!

— А можно и то, и другое?

— Можно. Но артефактор потеряет очень много сил. Ему придется долго, очень долго восстанавливаться. Так использовать военных артефакторов — это просто глупо.

— А вы?

— Что я?

— Могли бы сделать такой огнестрел?

— Для вас? — Голос барона стал ниже и как будто чуть тише.

Агата почувствовала, что ее бросило в жар. Нет, кончик носа от любопытства горел уже давно, а тут еще он так спросил, что...

Эльза с Гроном переглянулись. Уши приподнялись, хвосты забили по коже сиденья цвета кофе с молоком: «Загородные поездки — это выход! Надо чтобы они чаще куда-нибудь выезжали. Есть надежда, что дело пойдет быстрее...»

— Ну... что вы. Зачем мне? Я просто думаю о книге и...

— Это правильно. Думайте. Но в свете последних событий я считаю, что средство защиты вам не помешает. Мы сделаем пули с поражающим эффектом. Снотворное, например. Не смертельную дозу. Чтобы вы в случае чего могли позвать на помощь. Я почти всегда рядом, но... Мне бы хотелось быть уверенным, что...

— Я согласна! — Агата подпрыгнула на сиденье и захлопала в ладоши. — Это было бы просто замечательно!

Тем временем они приехали. Небольшие строения чуть поодаль от дороги, чем-то напоминающие те, что Агата видела на территории госпиталя за поместьем барона. Она вспомнила, что госпиталь строили на деньги бывшего канцлера по его собственному проекту. Видимо, сказалось военное прошлое.

— Гав!

— Гав, гав!

— Эльза, Грон! Это свои, — улыбнулся барон, скидывая личину с себя и собак.

К ним уже подходил мужчина в форме. Невысокий. Средних лет. Крепко сложенный. Он улыбнулся, приветствуя барона взмахом руки.

— Разрешите представить вам моего друга, госпожа фон Лингер...

* * *

Когда они, усталые и голодные, уже сидели в кабинете начальника гарнизона, господина Валена Ницкендэйра, выходца из Восточной марки,

сердце Агаты готово было петь от счастья! Еще недавно ей казалось, что мир вокруг полон предательства и боли, но оказалось, что стрельба из огнестрела на свежем воздухе делает чудеса.

Ей дали огнестрел! Настоящий! Тяжелый, с холодной, отполированной рукоятью, сильной отдачей, такой, что первый раз она еле удержалась на ногах! И... если бы не барон...

Запах пороха, сильные руки барона, но главное не это! То есть не только это. Она оказалась меткой! Ее хвалил барон, начальник гарнизона тот и вовсе восхищался, и даже Эльза смотрела на нее с нескрываемой гордостью!

«Еще бы! Знай наших... А то — женщины, женщины». — Эльза довольно фыркнула.

Собаки пригрелись на ковре у камина, кресло, в которое усадили Агату, также придвинули ближе к огню. После холодного ветра, что пробирал до костей на открытом полигоне, было так приятно пить маленькими глотками горячее молоко. Слушать, как барон с господином Валеном обсуждают будущую модель дамского огнестрела! Специально для нее...

— Эрик... Твоя дама, кажется, уснула.

— У нас был тяжелый день. Пусть поспит.

— Послушай... Если тебе требуется помощь, я всегда...

— Я знаю. Ты уже мне помог сегодня! Даже представить себе не можешь, как...

Глава 14

Они чинно ехали по укатанной дороге к поместью. Стемнело. Эрик вел аккуратно. Скорость была небольшая. В кресле у камина Агата уснула и теперь, поскольку мужчины ждали, пока она проснется, чувствовала себя неловко. Дорога была скользкой, и донимать барона разговорами она не решалась, поэтому просто думала, глядя в темное окно мобиля.

Она могла изначально поставить себя так, чтобы семья Людвига воспринимала ее как хозяйку поместья. Или хотя бы заявить хоть раз, что половина работы над любой книгой фон Лингера — ее.

Так... почему?

Почему она все это время позволяла так с собой обходиться? Мужу, его родственникам, издателю. Почему ей не пришло в голову сказать «нет», когда Вилла требовала у них денег, или хотя бы воспротивиться тому, что семейство Лингеров поселилось у них в поместье?

Она боялась? Кого? Мужа? Свекрови?

Сколько вопросов. И если на них ответить, то, наверное, станет понятно, что не так с ее жизнью. Вот только ни на один из них она ответить не может. Или... не хочет?

Рано потерявшая родителей, она прекрасно понимала, насколько больно остаться одной. Без родных. Конечно, она не хотела Людвигу такой судьбы. Зная, как для него это важно, делала все, чтобы не стать причиной ссор и раздоров мужа с его собственной семьей.

Гораздо проще было просто прыгнуть на заднее сиденье старенького мобиля Цверга, чтобы окунуться в расследование с головой и не лезть в неприятности. Не создавать конфликтных ситуаций. Не слышать визгливых воплей свекрови.

А... Людвиг? Она и правда не замечала, что последнее время он охладил к ней? Или, может быть, все-таки не хотела замечать? Все списывала на усталость, раздражительность творческой, тонкой натуры, на головную боль, в конце концов. Это же проще, чем всерьез, по-настоящему задуматься о том, что происходит в их личных отношениях. Но дело даже не в этом. В собственном нежелании конфликтовать с окружающими она еще могла себе признаться.

Гораздо труднее было признаться самой себе в том, что со временем истории, которые рассказывал ей муж-писатель, стали для нее интереснее самого Людвига фон Лингера. Работа над текстом — важнее совместных

ужинов.

Как часто она работала почти до утра и, чтобы не будить мужа, ложилась отдельно? Когда последний раз они с мужем говорили о чем-нибудь, что не связано с книгой? О погоде за окном, а не о времени суток в той или иной сцене? Об их личных планах на будущее, а не о том, вводить или нет еще одного второстепенного героя?

Она перестала быть для него женой, она стала компаньоном по бизнесу. Но даже если и так? Почему бы не поговорить по-человечески? Ты полюбил другую? Так скажи мне об этом! Зачем же... Неужели я такое чудовище, что меня легче отравить, нежели о чем-то договориться?

Агате вдруг стало так горько и больно от собственных мыслей, что защипало в носу. Она опустила голову и стала искать в сумочке чистый платок.

Хлопок. Глухой, но мощный. Звук, конечно, не оглушил, но рычание собак на заднем сиденье вдруг стало таким, будто Эльзу и Грона завалили подушками. Или мешками с песком. Визг тормозов. Она, наверное, разбила бы лицо, если бы не нагнулась. Как, оказывается, полезно вовремя пожалеть себя.

Это была последняя мысль, а кровь на белой манжетке клетчатого платья — последнее, что она видела.

Барон пытался удержать мобиль на узкой скользкой дороге, с тревогой поглядывая на женщину, которая, казалось, просто уснула.

— Эльза! Агата!

Собака протиснулась между сиденьями, лизнула женщину в лицо. Та очнулась, вдохнула поглубже и изо всех сил вцепилась в теплую шерсть: не закричать, не помешать, не сбить концентрацию водителя...

Машину бросало из стороны в сторону, но Эрику каким-то чудом удавалось держать дорогу.

— Агата, достаньте из ящика прямо перед вами огнестрел и положите мне его под правую руку.

Женщина молниеносно выполнила приказ.

— Умница, — не отрывая взгляда от дороги, кивнул барон. — Теперь пластину связи из бокового кармана, мне не выпустить рычаги управления.

— Готово.

— Хорошо. Нажмите единицу. Нам понадобится помощь.

— Дальше?

— Расстегните на собаках ошейники, — по-прежнему спокойно командовал барон.

Умные Грон и Эльза по очереди подставили головы.

— Отлично! Теперь самое главное, Агата... Ваша задача — забиться как можно глубже под сиденье.

— Нет! Я...

— Задача — забиться под сиденье! — Барон сказал это так, что не подчиниться было невозможно, при этом голос его стал тише и мягче...

Свернувшись клубком под сиденьем, Агата услышала:

— Эльза, охранять!

Мобиль остановился. Эрик выхватил из внутреннего кармана странный изогнутый нож. Полоснул себя по ладони и только после этого схватил окровавленной рукой огнестрел.

Распахнул дверь, вынырнул наружу. Сразу за ним черной тенью метнулся Грон. Эльза не шелохнулась.

Выстрелы. Крики. Рычание Грона.

Агата видела Эльзу. Собака нервно дергала ушами, но сидела неподвижно. Потому что получила приказ.

— Эльза, — прошептала Агата.

Странный звук. Звон разбитого стекла. Вой...

— Эльза! Нет! — Собака прыгает в разбитое лобовое стекло, цепляя лапами острые осколки...

Тишина.

Агата думала, что звуки боя — это страшно... Да. Конечно. Но вот эта тишина...

— Эльза... — тихонько позвала.

В ответ — ничего.

— Эрик? Грон?

Она вылезла из-под сиденья, открыла дверь. Выбралась в темноту, чуть подсвеченную кристаллами мобиля.

— Эрик! — Она подбежала к мужчине, раскинувшемуся на снегу.

Холодно. Темные пятна на белом в тусклом свете кристаллов.

— Не пострадала?... — еле слышно.

— Вы живы!

— Багажник. В боковом кармане сумки пузырьки. Они подписаны. Влей...

Агата побежала к машине. Сумка, сумка, сумка... Боковой карман...

Пальцы дрожали, от слез расплывались предметы. Одна сумка, вторая. Где... Где же это... Нашла!

Барон поморщился, с трудом глотая сероватую густую жидкость.

Рядом лежал Грон. Пес шевельнул хвостом, когда Агата склонилась

над ним.

— Давай, надо выпить!

— Ууууууу...

К Эльзе Агата шла медленно, стараясь не думать о плохом, но слезы все равно лились, тряслись руки.

— Эльза... — опустилась она на колени перед собакой, которая спасла ей жизнь.

«Больно...» — прочитала в глазах. Живых!!!

— Так, надо выпить! Эльза, милая, не капризничай!

«Буду... Мне можно!»

— Конечно, радость моя! Тебе все можно. Но выпить лекарство надо! Получилось!

Агата огляделась. Возле машины было одно тело. Рядом с Эриком — еще три. Стало страшно, но боль в руке вернула к реальности — предусмотрительный и битый жизнью канцлер в отставке наверняка возит с собой что-то ранозаживляющее.

Женщина бросилась к дорожной сумке, раскрыла. Есть! Слева был карман с зельями. На достаточно большой банке было написано: ранозаживляющее.

— Это вылить на рану или выпить?

— Обработать. Не пить. — Эрик даже попытался улыбнуться.

— Собак можно?

Опустил ресницы.

— У вас?

— Только ладонь. Меня не задели.

Смазала ладонь.

— Грон?

Погладила бок, пес дернулся. Пальцы стали липкими и влажными. Не глядя, налила из бутылки.

— Эльзочка...

У нее была рана в плече.

«Интересно, — размышляла Агата, поливая рану. — Можно ли считать, что у собаки есть плечо... Надо словарь посмотреть...» Потом она ругала себя за тот бред, что лезет в голову: трое раненых, ночь. Трупы... А она — о словаре. И точном лексическом значении! Вспомнились слова Ульриха, какая она зануда...

Пластина загорелась, замерцала в темноте. Агата схватила ее и понесла Эрику.

— Да. Живы. Приезжайте, — приказал он. И посмотрел на Агату. —

Сильно замерзли?

— Пока холода не чувствую.

— Помощь скоро будет.

И прикрыл глаза.

— Эрик, — испуганно позвала Агата.

— Все нормально...

— Не отключайтесь... Мне страшно.

Она откуда-то знала, что нельзя дать ему потерять сознание. Знала — и все...

— Не бойтесь, — заплетающимся языком сказал он.

Агата опустила перед Эриком, положила его голову к себе на колени.

— Встаньте, — приказал он.

— Тссс.

— Вы простудитесь.

— Доктор Фульд умеет лечить простуду?

— Он умеет все.

— Значит, он спасет нас всех.

— Точно.

— Сколько их было? — спросила Агата, заметив, что у мужчины снова глаза стали закатываться.

— Четверо.

— Они стреляли по кристаллам?

— Глупости! Кто в такой темноте...

— А что они сделали?

— Раскатали шипы на дороге.

Новый свет кристаллов, появившийся на дороге, Агата восприняла с невыразимым облегчением.

— Все живы? — закричал доктор Фульд, выскакивая из мобиля.

— Трое ранены! — отозвалась Агата.

* * *

Эрик раскрыл глаза.

Знакомые пронзительно-желтые полосы мелькали перед глазами. Так уже было. Острая боль чуть выше уровня глаз, будто воткнули тонкую спицу. Прекрасно!

Подобные ощущения свидетельствовали о том, что истощение он себе заработал. Что было вчера? Он не помнит. Опять подвал? Странно. Что же

такое он создавал?

Внезапно память вернулась. Сознание пронзило, как молнией. Дорога. Снег. Ночь. Белая залитая кровью манжета клетчатого платья. Бледное от ужаса лицо. Горячее дыхание Грона.

— Агата...

Он помнил, что она была жива. Помнил, как ему казалось, что она непременно простудится.

Красный от крови манжет. Прозрачные пальцы пытаются открыть бутылку с ранозаживляющим зельем. Несколько капель падает на снег. Эльза скулит...

— Агата!

— Все хорошо. — Ее голос совсем рядом.

Его гладят по щеке. Перед глазами снова ярко-желтые полосы, над надбровными дугами — невыносимая боль, и одна мысль — интересно, манжет все еще в крови?

Платье ему понравилось. Он купил его сразу, не раздумывая, лишь уточнил размер. Красно-зелено-синяя клетка. Цвета не яркие, поэтому не вычурно, но заодно. Белоснежные воротничок и манжеты придавали аккуратный и даже несколько нарядный вид. Судя по тому, как часто женщина его надевала, — ей оно тоже пришлось по душе.

Губы смачивают чем-то кисло-сладким. Еще и еще. Он приподнимает голову, делает жадный глоток. Хочет еще. Но питье забирают.

— Чуть позже. Доктор запретил помногу.

Ее голос...

Эрик с облегчением выдыхает. Потом вспоминает:

— Собаки?

— Доктор Фульд с ними. Говорит, кровь остановили вовремя. Их жизни ничто не угрожает, но восстановительный период займет какое-то время. То же самое можно сказать и о вас.

— Спасибо.

— Это вам спасибо. И им. Вы меня спасли. Снова.

— Я счастлив, что у нас это получилось, — говорит банальные вещи, приличествующие данной ситуации, а сам понимает, что если бы не спас эту женщину тогда, в своем поместье, то...

Все было бы бессмысленно и не нужно. Боль немного отступила. Зато сердце билось так, что готово было выскочить. Может, он и в критическом состоянии, сейчас это не важно. Важно другое... Он любит ее.

И хватит себе врать. Им, может, и двигают благородные чувства, но дышать без нее он не сможет. Что еще? Ревность. Жгучая, сводящая с ума.

Страсть? И это тоже. Прекрасно!

— Как вы? — Она снова протягивает ему кружку с питьем. Барон жульничает: делает глоток насколько можно большим.

В глазах проясняется. Он видит Агату, комнату. Столик. Кувшин. Спиртовку и травы. Она переоделась. На ней серая юбка и белая блузка. Без крови...

— И чем вы меня напоили? — подозрительно посмотрел он на прозрачный кувшин, в котором рубиновой звездой отражалось пламя спиртовки.

— Гранатовым соком с лекарствами, которые прописал доктор Фульд, — с гордостью отвечает она.

Эрик качает головой:

— До этого подобное чудо удавалось лишь моей матушке. То зелье на вкус было отвратным. Это же, должен признать, вполне себе ничего. Я вам уже говорил, что ненавижу гранатовый сок?

— Вы даже попытались заменить его вином...

— Но вино вам понравилось?

— Очень.

— Как вы сделали так, что это можно пить? — Он не без удовольствия сделал еще один глоток.

Боль уходила. Зрение возвращалось. Чудеса, да и только! Но самое удивительное... Это было вкусно!

— Ну... если честно, пришлось попотеть, господин барон, и напрячь извилины, — она лукаво улыбнулась, смочила небольшое полотенце в воде со льдом и аккуратно положила ему на лоб, — а также вспомнить все, что я знаю о травах.

— Вы волшебница, Агата. Но я хочу знать весь процесс в подробностях, поэтапно. Я ведь тоже в этом кое-что смыслю...

— Обязательно, — она снова смочила полотенце в ледяной воде, — обязательно вам расскажу! Но не сейчас. Вам нельзя переутомляться. Доктор Фульд велел...

В дверь постучали.

— Да, — откликнулся господин барон, которому после процедур и целебного питья стало значительно лучше. Может, и правда после занятий с артефактами следовало пить снадобья доктора? Надо же, какие глупые мысли лезут ему в голову рядом с этой удивительной женщиной...

— Господин барон, — следователь Майнц, виновато улыбаясь, заглянул в комнату, — как вы себя чувствуете?

— Хорошо. А если вы не будете раскрывать мое инкогнито, будет еще

лучше! Заходите!

— Виноват... Прошу прощения.

— Не извиняйтесь. Просто не забывайте об этом. Я так понимаю, в живых мы остались как раз потому, что нападавшие не осознавали, кто перед ними. Решили, что четырех солдат им хватит.

— Вы так думаете?

— Уверен, господин Майнц, уверен. Мне не на что жаловаться. До сих пор к нападению на канцлера привлекались только лучшие из лучших!

Рука Агаты дрогнула, и несколько капель рубиновой жидкости упали на рукав. Женщина побледнела.

— Господин барон, мне необходимо с вами переговорить... Госпожа Агата... может, отдохнет? Или пойдет поведать собачек?

Агата вытерла стол полотенцем, посмотрела мужчинам в глаза. Одному. Второму. Встала. Выпрямила спину.

Да за кого этот следователь ее принимает? За истеричку?! Да он же ее, в конце концов, и втянул в это расследование! А вчера? Она Эрику огнестрел подавала. Помощь вызывала! И помехой не была. А еще она стреляет без промаха, и у нее будет свой, личный огнестрел! Барон обещал. И тогда она...

Агата вспомнила приказ — забраться под сиденье. Эльзу, что закрыла ее собой. Вздогнула. На секунду ей показалось, что барон обманул. Просто пообещал, как девочке, игрушку. Мужчины. Они не воспринимают ее всерьез! Но тут она встретила взглядом с лежащим на кровати человеком, который смотрел на нее так серьезно и одновременно тепло, что... Нет. Он не мог ее обмануть. Женщина гордо вскинула подбородок;

— Господин Майнц. Все происходящее касается меня лично. И я никуда не пойду!

Следователь лишь обреченно кивнул, а Эрик усмехнулся, но так, чтобы женщина этого не заметила. Агата фон Лингер, у которой даже носик порозовел от любопытства, была очаровательна. Однако секунду спустя барон уже был более чем серьезен, поскольку от информации, что принес следователь, зависела жизнь писательницы. Он живо представил себе, как все переживания, страхи, надежды, встречи, погони, допросы превращаются в страницы книги. Книги, которую обязательно напишет Агата.

— Присаживайтесь, — кивнула следователю хозяйка, указав на кресло около кровати.

— Нападающих было четверо. Все — погибли.

— Да. К сожалению, речи о том, чтобы захватывать пленных, попросту

не шло, — кивнул Эрик, который уже было сел на кровати, но, встретив строгий взгляд Агаты, вновь откинулся на подушки.

— Профессионалы? — поинтересовался Майнц, доставая блокнот.

— Как сказать... На мой взгляд — диверсанты или разведчики. Точно не солдаты стрелковых частей, судя по движениям. Работали слаженно. Привыкли работать в группе, — вспоминал бывший канцлер.

— Документов или солдатских блях мы не обнаружили. Но у одного из погибших есть наколка. Над левой лопаткой.

— «Ней. Не забудем. Не простим»?

Следователь Майнц кивнул.

Агата вздрогнула. Надо же — люди, что пытались их убить, так же, как она, помнят нашествие оклеровцев на марку Ней. У них были разные цели. Но, оказывается, была одна боль! Теперь эти люди мертвы. Она никогда не узнает, кого именно они потеряли во время тех событий. Детей? Возлюбленных? И что в мирное время могло заставить их напасть на тех, кого еще недавно они пытались защитить ценой собственной жизни?

— Агата? Вам нехорошо? Майнц, пригласите доктора Фульда!

— Нет! Пожалуйста. Не отвлекайте его. — Она сделала глубокий вдох. — Он с Эльзой и Гроном. Следователь Майнц, со мной все в порядке. Продолжайте.

— Такие наколки делали разведчики, те, что перед первой волной наступления забрасывались в Ней. Они первые видели то, что сделали с землей и всеми, кто там жил, оклеровцы. И, кстати, шипы на дороге, которыми распорили колеса мобиля, — военного образца. Выясняем, с какого именно склада выдавались.

— Странно, — пробормотал Эрик. — Мне почему-то казалось, что среди военных у меня врагов нет.

— Они же не знали, что вы — это вы...

— Это верно. Но... для меня их мотивы совершенно необъяснимы!

— Может быть, военные не довольны итогами войны? Столица Оклера разрушена не была. Короля и королеву не уничтожили. Вспомните, тогда многие протестовали. Тем более военные. Особенно если учесть тот факт, что Карл Третий, храни Всеблагие его величество, женат на принцессе с островов. У нас есть кое-какая информация о тайных обществах. Но до сегодняшнего момента никаких диверсий с их стороны не было.

— Наступательная операция на острова, — покачал головой Эрик. — Возможно. Но только представьте, Майнц, какие это были бы потери. Сколько еще жизней...

— Я-то это понимаю, ваша милость. И, уверен, большинство солдат и

офицеров тоже.

— И потом, если произошедшее рассматривать как политическое преступление... Это, скорее всего, могло произойти, если нападавшие знали, кто я такой. Тогда, опять же — почему так плохо подготовились? И кто знал?

— А если все-таки напали не на вас, а на госпожу фон Лингер?

— Думаю, надо тщательнее проверять окружение Лингеров. Всех, кто имел доступ в дом. Ищите связи с военными.

— Бывший муж Виллы, отец Конрада, — высокопоставленный военный, — тихо проговорила Агата.

— И нынешний любовник госпожи Виллы — тоже, — откликнулся следователь. — Мы его проверяем. Пока ничего. Тем не менее доступ в дом он имел.

— Людвиг фон Лингер — бывший офицер, — бросив взгляд на Агату, все-таки сказал Эрик. — Выжидайте два-три дня. Не больше. Если не явится в поместье, задерживайте.

— Это все же не объясняет, зачем травить госпожу Агату. Зачем подставлять под удар операцию? И — какую операцию? И где военные еще применят яд?

Эрик фон Гиндельберг вздохнул. На вопросы следователя Майнца не было ни одного ответа. Да что там ответа? Ни одной приличной версии! Вот что за бред творится вокруг поместья Лингеров?

* * *

Стук в дверь. Госпожа фон Лингер, бросив извиняющийся взгляд на мужчин, встала и открыла дверь.

На пороге стоял солдат из госпиталя. Агата в сотый раз подумала о том, какая же у этого молодого человека улыбка — открытая и светлая. Люди, умеющие так улыбаться, плохими быть просто не могут, наверное.

— Госпожа фон Лингер! Ужин где прикажете накрыть?

Парень смотрел на нее с такой тревогой, словно и не о еде спрашивал.

— Все поправятся, Ульрих, — улыбнулась ему хозяйка дома, правильно прочитав долгий, испытывающий взгляд.

— Хорошо! Я нашим скажу, а то они дергаются. — Слова были произнесены с такой благодарностью, что сердце хозяйки дома сжалось.

Но молодой человек, вновь став серьезным, спросил:

— Так где? Где прикажете накрыть ужин? И на сколько персон?

— Думаю, на четверых можно накрыть у господина Эрика в спальне. Не совсем прилично, но сегодня обойдемся без этикета.

— А остальным?

Агата посмотрела на молодого человека умоляюще: «Я слабая, беззащитная женщина, и у меня был очень тяжелый день... Пожалуйста-а-а... Сходи и спроси!»

Ульрих же ответил ей взглядом не менее выразительным: «Я, конечно, мужчина. И вообще — храбрый солдат. Но я сбегу, если мне придется совершать такие подвиги!»

Хозяйка дома вспомнила, что родственники все-таки ее. А Ульрих ни в чем не виноват. Вдохнула. И под восхищенным взглядом несчастного пошла на другую половину дома.

Вилла дверь не открыла, от еды отказалась. Попросила подать ей в комнату стакан молока, свежую булочку. И отварной говядины. Ни в коем случае не соленой.

Агата вдохнула — она понятия не имела, что повар готовил на ужин, а также было ли в доме молоко.

— Посмотрю, что можно сделать, — сообщила хозяйка закрытой двери и постучала еще в одну.

Та мгновенно распахнулась, словно фрау Берта сидела в засаде и ждала этого с самого утра.

— Добрый вечер. Где вам накрыть ужин? — спросила у свекрови Агата, всей душой радуясь, что успела-таки отскочить и дверь не расшибла ей голову.

— Что с Ульрихом? Где мой сын?

— Он задержан. И находится под арестом. В Орне.

— Где Конрад?

— Понятия не имею. Он что, тоже пропал?

— Вилла спрашивала о нем. Теперь, что касается Ульриха, Агата. Если тебе так уж хочется всех нас унижить, а ты всегда получала от этого удовольствие — хорошо. Пусть мальчик побудет там эту ночь. Может, хоть это его чему-то научит. А с утра поезжай, заberi заявление.

— Я не очень понимаю, зачем мне это делать, — холодно ответила Агата. — Ульрих практически разорил нашу семью. А теперь украл и последнее.

— Змея! И как тебя только земля носит! Вползла в нашу семью, развратила моих сыновей! Сколько там было денег? — Фрау Берта смотрела с такой нескрываемой ненавистью, что...

Интересно, свекровь всегда ее так сильно не любила? Наверное, да. Но

раньше Агата как-то не обращала на это внимания. Заваривала чай Людвигу, спасая от головных болей и бесконечной простуды, правила тексты, ездила к издателю, утверждала обложки, следила за рекламой и, как могла, вела хозяйство.

Агата смотрела в маленькие налитые кровью глазки, в искаженные болью и злобой черты. На секунду ей показалось даже, что фрау Берта... безумна?

Мысли вихрем проносились в голове, но писательница все же нашла в себе силы, и, сделав глубокий вдох и выпрямив спину, не без удовольствия озвучила сумму.

— Я бы за вашу писанину и монетки не заплатила! Забери. Подавись! Я отдам деньги.

— Что?

— Не будет же мой мальчик сидеть в тюрьме на самом деле.

— Но, постойте, фрау Берта. Я не совсем понимаю... Когда Людвиг говорил о вас и о Вилле с Ульрихом, у меня создалось впечатление, что...

— Мы чуть ли не бедствуем? Это не так.

— Тогда... Почему? — От злости и обиды стало трудно дышать. — Почему Людвиг оказался после ранения один, без поддержки?

— Сын пошел против моей воли — отправился служить в армию! Сама подумай, какой из этой рохли солдат? Я выхлопотала ему тепленькое местечко с таким трудом! Вместо того чтобы быть рядом, проявляя свою благодарность, этот... А ты? Что он притащил в мой дом?! Ты себя в зеркало видела? Бледная, рябая... бездетная! А я такую невесту ему подыскала...

— Фрау Берта. Оставим взаимные оскорбления. Лучше скажите мне... Нет, я правда пытаюсь понять. Шла война. Все служили!

— Какая же ты глупая. Варианты были всегда. А сын — он ведь очень и очень упрям. Вот я и решила: пускай. А потом, после ранения... Нет бы — прийти домой, покаяться. Попросить прощения... Хотя нет. Я бы не простила. Слишком уж на отца похож.

— Поэтому вы специально тянули деньги, сознательно разоряя нас?

— Думай, что хочешь, я перед тобой отчитываться не обязана! Людвиг все пытался доказать, что он чего-то стоит. Эти его глупые книжки, нелепая женитьба на тебе, попытки прыгнуть выше головы. Он должен мне! За все мои труды и страдания! За несбывшиеся надежды. А ты... О, ты нигде не пропадешь! Я смотрю, ты неплохо устроилась! Откуда у тебя такие деньги, а? Продала книгу моего мальчика? Ты украла ее!

— Украла что? «Глупую книжонку»?

— Не цепляйся к словам, неблагодарная! Я выведу тебя на чистую воду! Мой мальчик...

— Ваш мальчик сбежал. И это еще вопрос, от кого именно — от вас или от меня.

— Людвиг слаб. А ты его окончательно добила.

Агата постояла. Помолчала. И сказала, глядя фрау Берте прямо в глаза:

— Если я заберу заявление, я хочу, чтобы вы вели себя в доме спокойно. Никаких скандалов. Никаких обвинений либо оскорблений в мой адрес. То же касается остальных обитателей дома — как родственников, так и нанятых мною на работу людей. Мирно сосуществуем и ждем Людвига. Думаю, он вскоре объявится. Когда это произойдет, будем договариваться. Но Ульрих в этом доме не появится. Ни сейчас, ни потом. Ни под каким предлогом. — Свекровь уже было набрала воздух в легкие, но Агата, вытянув руку вперед, лишь повысила голос. — Вы отдаете мне полную сумму денег, украденных у меня вашим сыном. И еще. Я распоряжусь, и в столовой для вас будут накрывать завтрак, обед и ужин. Время и меню уточните сами. Для этого подойдете к нашему новому управляющему и обо всем договоритесь. С сегодняшнего дня еду по комнатам никто разносить не будет. Я так понимаю, никто этого и не делал, когда вы заказывали еду в ресторане?

— Нет. — Фрау Берта застыла, не веря своим ушам, жена сына никогда не позволяла себе разговаривать с ней в подобном тоне!

— Итак. Мы договорились?

— Во сколько подадут ужин?

— Сегодня можно принести его вам в комнату. Вилла уже высказала свои пожелания. Ей принесут молока, булочку и несоленой говядины. Может, вам тоже?

— Да. Принесите. — Дверь захлопнулась.

Агата стояла как громом пораженная. Как же так? Не может быть. Значит, их деньги семье Лингеров были не нужны? Людвига так... наказывали за сыновний бунт с тех самых пор, как они получили Королевскую премию?!

Все было напрасно! Старая печатная машинка, от которой пальцы болели так, что суставы распухали по ночам. Помогали примочки из травяных отваров, конечно, но... Она могла купить себе новую!

Вспомнила, как заговорила с мужем о том, чтобы потратить приличную сумму на кристаллы, повышающие возможность забеременеть. Артефактор делал подвеску для каждой женщины индивидуально, и стоила такая работа недешево. Как Людвиг кричал, что его семья чуть ли не

голодает, а она... У них все есть, он успешен, что ей еще надо...

Агата зажмурилась посильнее и приказала себе не думать! Не накручивать себя. Она должна быть сильной. Барону нужны ее отвары, собаки... Собаки! Бедные Грон и Эльза, она до сих пор не навестила их. Надо попросить на кухне яблоко — любимое лакомство низерцвейгов.

Пока шла на кухню, попыталась проанализировать разговор со свекровью, отбросив лишние эмоции. Какая-то деталь ее зацепила. Ах, да — фрау Берта упомянула про отца Людвига. Это любопытно. Раньше она не слышала, чтобы про него заговаривали. Словно и не было никогда рядом со свекровью никакого мужчины... Зато трое детей вполне себе были.

Агата дошла до комнаты Конрада, постучала. Никто не открыл. Куда же он пропал, в самом деле?

Кухня встретила хозяйку чистыми окнами, вымытыми полами, натертыми до блеска кастрюлями и ароматом жареного мяса! Круглолицый румяный повар в белоснежном, до хруста накрахмаленном переднике уже узнал о предпочтениях госпожи Виллы и приготовил поднос, который сейчас отнесут.

— Спасибо! — искренне обрадовалась Агата и смутилась, вопросительно рассматривая волшебника, что навел тут такой чудесный порядок.

— Я — Каспар, госпожа фон Лингер. Ваш повар! Я позволил себе приготовить стейки и овощной гарнир на ужин, но если вам угодно что-нибудь...

— Нет-нет, Каспар, это замечательно. Больше ничего не нужно. Спасибо вам. Спасибо большое! Тут... такая чистота.

— Зовите меня Касс, госпожа фон Лингер! — Солдат сиял не хуже, чем кастрюли и стекла на окнах, а все неприятные мысли растворились в запахе специй и свежей зелени.

Агата почувствовала, что голодна. В животе предательски заурчало, что привело нового повара в неописуемый восторг:

— Вы не попробуете булочку? Только что испеклись! Пожалуйста, снимите пробу, сделайте одолжение. Вот молоко. А я вам кое-что покажу...

Она оглянуться не успела, как в руках оказался стакан с теплым молоком и еще горячая булочка, пахнувшая так, что закружилась голова. При этом ее уже вели в нижний ярус, туда, куда ей совсем не хотелось идти, потому что там...

Второй раз за день на глаза навернулись слезы. Но если после разговора с фрау Бертой она готова была заплакать от обиды, то сейчас госпожу фон Лингер переполняли совсем другие эмоции. Чай-шкаф был

отреставрирован. Солдаты бережно соединили все детали, покрыли новым лаком. Получилось лучше прежнего! Все баночки были на месте. Новенькие, блестящие. Даже шкатулки из кристаллов, а ведь она помнит, как осколки хрустели под ногами в тот день...

— Но Касс! Это же так дорого!

— Все вопросы к господину барону, госпожа фон Лингер! Он очень бережно к вам относится. Я никогда не видел раньше, чтобы барон к кому-нибудь так относился, а уж тем более к женщине, а уж тем более к молодой женщине, да еще и...

— Касс! — Агата услышала шипение за спиной повара и выразительный жест у виска в исполнении Ульриха, который, видимо, вошел и случайно подслушал их разговор.

Касс и правда оказался болтуном, каких свет не видывал. Ульрих, возможно, в чем-то и прав, но... как же не вовремя он появился! Агате вот совсем не мешала любовь их нового повара к сплетням. Было очень даже интересно узнать, как барон относится к женщинам, а уж тем более молодым женщинам, да еще и... Что же Касс хотел этим сказать?

Смутились все трое. Касс, потому что сболтнул лишнее, Ульрих, потому что вмешался в разговор, Агата, потому что почему-то покраснела.

— Ульрих! Хорошо, что вы пришли. Хочу и вам выразить огромную благодарность за такое чудо! Спасибо всем, кто в этом участвовал.

— Не стоит, госпожа Агата! — Ульрих расплылся в улыбке.

— Касс, не могли бы вы мне порезать яблоко? Хочу навестить собак...

Касс опустил голову, Ульрих тоже занервничал, и тут она увидела миску с яблоками, аккуратно порезанными на дольки.

— Так-так... — отправив в рот последний кусочек самой вкусной булочки, которую она ела за всю свою жизнь, хозяйка скрестила руки на груди и внимательно посмотрела на солдат, — либо вы, Касс, затеяли яблочный пирог, либо...

— Не выдавайте, госпожа фон Лингер! Доктор Фульд и так сердится...

— Сколько яблок вы скормили низерцвейгам?

— Ну... мы по очереди навещали. — Ульрих развел руками.

— Хоть пару кусочков им еще можно? Не могу же я прийти к ним с пустыми руками!

— Мы вас не выдадим. Но и вы там... аккуратно! — Касс сунул ей в руки салфетку с завернутыми в нее ароматными дольками очищенных яблок.

Улыбаясь и вспоминая вкус булочки (до чего же вкусно!), Агата поднялась обратно на второй этаж — в комнату, где доктор Фульд

занимался Эльзой и Гроном.

Низерцвейги выглядели уже весьма и весьма прилично. Особенно если сравнивать с тем, какие они были там, на дороге.

— Агата! — строго сказал доктор, увидев, как дольки исчезают в пасти Грона и Эльзы. — Их уже кормили.

«Кого? — говорили честные и страдальческие глаза. — Нас? Посмотри на этого жестокосердного человека. Разве он хоть что-нибудь даст умирающим? Раненым? Спасшим, ценой собственной жизни... Это все, что ты принесла, или еще есть?»

— Я, кстати, тоже не прочь подкрепиться! — возмутился доктор.

«Вот-вот! Еще немного, он отнимет и съест нашу кашу! Кстати, каши было на доньшке. Маааленький кусочек мяса. Этот изверг считает, что нам много нельзя», — тяжело вздохнул Грон.

— А я как раз пришла звать вас на ужин! — вспомнила Агата. — Если надо посидеть с собаками, то я готова...

— Не стоит. Они прекрасно поспят, как и полагается тем, кто после ранения набирается сил.

Эльза и Грон тут же послушно закрыли глаза. Но, когда доктор повернулся к ним спиной и направился к двери, Эльза посмотрела на Агату: «А яблочко еще будет?»

Хозяйка дома засмеялась. Кивнула. И под довольный вздох низерцвейгов — хоть кто-то понимающий нашелся — вышла вслед за доктором.

— Господин барон! — радостно поприветствовал Эрика доктор Фульд. — Выглядите вы, должен признать, отменно.

— Ваши лекарства, доктор, оказывается можно принимать. Если с ними поработала госпожа Агата. — Барон сидел на стуле, бледный, однако полностью одетый к ужину.

— Я впечатлен, госпожа фон Лингер! Вы даже представить себе не можете, насколько этот пациент капризен. К тому же в последнее время он просто-напросто игнорирует мое лечение. И не пьет лекарств.

— Агата просто волшебница. Вы уверены, что в вашем роду не было артефакторов? — Барон отодвинул кресло, помогая ей сесть.

— Боюсь, что нет. Вы переоцениваете мои возможности...

— Ничуть. Скорее вы их недооцениваете.

По случаю совместного ужина в комнате для гостей солдаты принесли небольшой круглый стол и сервировали на четыре персоны.

— Что на ужин? — Доктор Фульд улыбнулся, и Агата заметила, какой усталой была его улыбка, каким бледным лицо...

Этот человек отдал столько сил! Он, наверное, смертельно устал и проголодался. И она на правах хозяйки дома засуетилась, чтобы накормить гостей.

— У нас новый повар, Касс. Запах на кухне! А чистота! Солдаты починили Чай-шкаф, и... господин барон, я...

— Вы должны звать меня по имени. Эрик! Привыкайте. Даже тогда, когда мы среди своих, прошу вас.

— Эрик, спасибо вам. Вы все восстановили.

— Не стоит благодарности. Я лишь вернул вам то, что у вас несправедливо отняли.

— Мясо просто восхитительно! — Доктор Фульд поднял брови. — Мои комплименты повару.

А следователь Майнц с блаженным видом закивал — сил говорить у него не было.

— Вы еще не пробовали булочки.

— Булочки? — Барон взял кувшин и налил всем гранатовый сок, на который теперь смотрел куда более благосклонно, зная, что Агата добавила необходимые ингредиенты. — Касс кормил вас булочками перед ужином? Это же перебьет весь аппетит! Получит выговор.

— Ах, нет! Он только попросил снять пробу! Один кусочек...

— Маленький?

— Совсем!

— Ну, хорошо.

Они рассмеялись и подняли бокалы с соком.

Густой и сладкий, он мгновенно залил белоснежную скатерть кровавым пятном, кресло доктора Фульда накренилось, барон схватил Агату за руку, сквозь грохот слышался собачий лай...

Дом содрогнулся от взрыва.

Глава 15

Первым среагировал следователь. Выхватив огнестрел из наплечной кобуры, Майнц выбежал за дверь.

Вторым — доктор Фульд. Врач, поскользнувшись на осколках разбитой посуды, рыкнул на вставшего было барона так, что сам Грон мог вполне позавидовать:

— Куда?!!!

Эрик хотел кивнуть по направлению к выходу из комнаты, но тут же схватился за спинку кресла Агаты. Испуганная и бледная, женщина вскочила, чтобы помочь.

Доктор одарил барона взглядом, природу которого трудно было определить однозначно: злость, негодование, тревога, преданность...

Зато госпоже фон Лингер взгляд достался теплый, ободряющий, полный надежды на то, что она с этим... фон Гиндельбергом... справится обязательно, пока его не будет пару минут.

Несмотря на серьезность ситуации, Агата с трудом удержалась от смешка. Эрик вел себя, как заколдованный, — опустил голову и послушно дал уложить себя в кровать. Для бывшего канцлера в данной ситуации это был настоящий подвиг! И она его не забудет...

— Присматривайте за госпожой Агатой, — бросил доктор и вышел, не отрывая глаз от женщины: «Умоляю! Присматривайте за господином бароном!»

— Ненавижу беспомощность, — вздохнул Эрик.

— Я тоже.

— А как вы познакомились с доктором? — Писательница сочла, что лучше всего отвлечься от бесконечного вслушивания в звуки растревоженного дома.

— Что?

— Вы и доктор Фульд.

— Ах да... Фульд... Мне его прислала мама. — Легкая печальная улыбка чуть тронула губы. — Видите ли, в то время я увлекся... мм-м... экспериментами.

— Вы имеете в виду работу с кристаллами? Артефакторику? — Агата, радуясь, что смогла вывести разговор на интересующую тему, суежилась у столика.

Какое счастье! Кувшин с ее творением не пострадал! Спиртовка на

месте... Так. Разогреть и заставить барона выпить. Он слишком бледен... Кто же мог устроить этот взрыв? Как некстати! Все было так хорошо, они ужинали. Если бы Эрик поел...

— Что вы изобретали? — вслух спросила она, стараясь не показать, что расстроена.

— Кулон защиты, аналогичный вашему.

— Для мамы?

— Нет. Для его величества. — Долгое молчание. — К сожалению, такая здравая идея, как защита для мамы, мне тогда в голову не пришла. И мама... До нее добрались.

— Простите, — прошептала Агата, понимая, что разбередила незаживающую рану.

Слабая, вымученная улыбка.

— Ни я, ни Карл... Нам просто в голову не приходило, что кто-то может пожелать смерти баронессе Гиндельберг. И если мы вдвоем с королем не замечали ее ежедневной, ежеминутной поддержки, если мы воспринимали ее заботу и мудрость как само собой разумеющееся, то нашлись те, кто оценил ее влияние по достоинству...

— Мне жаль.

— Ее отравили.

Агата вытерла слезы. Взяла Эрика за руку.

Вот кто ее за язык тянул?! Своим любопытством прошлась по открытой ране! И почему ей казалось за ужином, что ему стало лучше? Ввалившиеся глаза, заостренные черты... Где лекарство? Вот оно. Пей! Пей, Эрик...

— Спасибо, — смущенно проговорил барон, сделав глоток.

— За что?

— Вспомнить ее... Я так редко себе это позволяю...

В коридоре послышались шаги. Барон, жестом отменяя все возможные возражения, поднялся, достал огнестрел и приказал:

— Зайдите за меня! За спину, Агата! Быстро!

Спокойный стук в дверь.

— Кто? — спросил Эрик.

— Управляющий Густав, ваша милость.

— Заходите.

Агата вздохнула с облегчением, увидев знакомого. На обожженном лице читались тревога за хозяев, желание помочь. Она слегка кивнула вошедшему, намекая, что барон чувствует себя уже лучше. По едва заметной улыбке поняла, что парень обрадовался.

— Задержали подрывника, следовательно Майнц его допрашивает. Просят присоединиться госпожу Агату.

— Что значит «госпожу Агату»? — поднял брови господин барон.

— Дело в том, что это — ее племянник. Господин Конрад.

— Всеблагие! — всплеснула руками Агата и бросилась к дверям.

— Не так быстро! — перехватил ее Эрик. — Сейчас я надену личину и пойдем вместе.

— Но вам это сейчас не полезно.

— Обязуюсь выпить вашего вкусного зелья. Кстати, никому не сообщайте рецепт. Я знаю артефакторов, которые вас за него озолотят.

— Эрик!

Агата попыталась уговорить барона лечь, но все было напрасно. Осознав, что это так же бесполезно, как останавливать, например, снегопад, она смирилась. Однако лекарство барон выпил. Залпом. До дна. И даже... облизнулся!

Они спустились на кухню.

Вилла рыдала над сыном, пока Фульд бинтовал тому руку. Мальчик выглядел скорее виноватым и расстроенным, нежели испуганным. Двое солдат, на манер часовых, стояли у входа в подвал, откуда несло гарью и валил дым.

— Мой мальчик! Мой бедный, погибающий мальчик! — выла мать Конрада в перерывах между задыхающимися всхлипами, что сотрясали стены дома едва ли не сильнее самого взрыва.

— С ним доктор, — пытался объяснить женщине Ульрих, — легкое оглушение и небольшая царапина на руке. Поверьте мне, это не страшно.

— О, Конрад! — не слушала страдающая мать.

Агата и Эрик молча обошли Виллу.

— Вы зачем встали, Эрик? Ничего, требующего вашего личного присутствия в случившемся нет! Насколько я понимаю, юный исследователь немного увлекся химическими опытами — только и всего! Да перестаньте, наконец, так убиваться! — нахмурился доктор, обращаясь уже к Вилле. — Агата! Будьте так добры, заварите госпоже успокаивающий чай!

— Этого еще только не хватало! — На кухню, тяжело дыша, ворвалась фрау Берта. — Эта змея чуть не убила моего внука, а теперь собирается отравить единственную дочь! А вы все с ней заодно! О! Эта женщина уничтожит нас... Людвиг! Мой мальчик... Возвращайся и спаси нашу семью!

— Ульрих! Майер! Возьмите, пожалуйста, успокоительное. Отведите

женщин наверх! Мать и дочь. Пусть выпьют лекарства и лягут в постель. Это приказ! — Удивительно, но женщины, ни слова не говоря, удалились пить лекарства, бережно поддерживаемые солдатами. — Теперь вы, Эрик! Зачем вы встали?!

— Я, когда чего-то не знаю, очень нервничаю, — примирительно заметил барон. — А когда я нервничаю, у меня ухудшается самочувствие.

— Стремление все контролировать — это невроз! — зло отрезал доктор Фульд.

— Это моя профессия.

— Можно, я продолжу опрос молодого человека? — скромно заметил следователь Майнц. — Или мы с ним вам мешаем?

— Нисколько. — Эрик огляделся, увидел стул, усадил Агату. Встал у нее за спиной. — Продолжайте.

— Прости, Агата, — подал голос Конрад.

Мальчик полулежал на огромном сундуке, накрытом белым фартуком. Под голову сердобольный Касс подложил мешок с крупой. Видимо, когда солдаты вынесли юного химика из подвала, бедному повару пришлось пользоваться подручными средствами.

— Да что случилось-то? — спросила Агата, когда ее взгляд остановился на бледном лице подростка.

— Я... увлекся... Не рассчитал.

— Чем ты увлекся?

— Я подал соискание на Королевскую премию в области химии.

— Это замечательно! Но зачем надо было так рисковать?

— Я не думал, что что-то может быть.

— Погоди. — Бывший канцлер придвинул стул и сел напротив мальчика. — Если мне не изменяет память, то все премии в области химии так или иначе связаны с выращиванием магических кристаллов, идентичных натуральным... Ты этим занимаешься?

Конрад кивнул.

Агата вопросительно посмотрела на Эрика, и тот пояснил:

— Магические кристаллы — редкость. Они очень дороги, и цена их растет по мере того, как уменьшаются объемы добычи на островах. Естественные запасы природных ресурсов неумолимо тают с каждым новым десятилетием. Рано или поздно это приведет к финансовой катастрофе, не говоря уже о том, что придется распрощаться с имеющимися возможностями.

— Не только в быту, в сельском хозяйстве и военной промышленности, но и в медицине! Представляете, к чему это

приведет? — вздохнул доктор Фульд.

— То есть борьба идет за возможность искусственно выращивать кристаллы, не уступающие с точки зрения магического потенциала природным аналогам? — уточнила писательница.

— Именно, — кивнул барон и вновь обратился к мальчику: — Так что послужило причиной взрыва?

— Я... не знаю. Я так и не понял! Отец прав. Из меня ничего путного не выйдет, — потупился Конрад.

— Я в твои годы тоже все время что-то пытался доказать отцу.

Барон фон Гиндельберг пробормотал эти слова, ни к кому особо не обращаясь. Артефактор перебирал возможные варианты взрыва, вспоминая все, что он знал о химии. Знал он этот предмет весьма прилично, но ничего путного в голову не лезло.

— И... у вас получилось?

— Что? — Барон будто очнулся, уставился на подростка, улыбнулся и ответил: — Получилось. Получилось понять, что я никому ничего не должен доказывать. К сожалению, я тогда был уже намного старше. Так что у тебя неплохие шансы понять это раньше. Очень советую. А теперь — подробно! Что именно ты делал?

— Задача была создать аналог «Черной мантии».

— Ого! — Доктор Фульд не смог скрыть восторга.

— Смело, — кивнул артефактор, изо всех сил стараясь не улыбнуться, чтобы не обидеть юное дарование.

Где-то внутри он симпатизировал младшему Лингеру. А что? Правильно. «Мечтать — о великом, идти — в гору, и родине сердце живое отдать», — вспомнил он гимн гвардии его величества.

«Черная мантия» — редчайший вид сапфира, кристалл, на основе которого была изобретена диагностическая пластина. Если бы не этот прибор, в схеме которого помимо бриллиантов — целых четыре с половиной карата «Черной мантии» высшей пробы, Агата... Нет. Он не будет думать об этом сейчас! И... никогда. Она жива, и он сделает все, чтобы...

— Но взрыв был мощный! Как ты только в живых остался? — усмехнулся следователь.

— У меня там щит стоит.

— Магический? — с интересом спросил Эрик.

— Нет, что вы! — Мальчишка помотал головой. — Я же не артефактор! Из старой двери, обитой железом.

— Так что именно ты делал? Поэтапно. — Барон нахмурился, так как

перестал уже что-либо понимать в этой истории со взрывом.

— Вырастил искусственный кристалл.

— Заранее? Полнолуние ведь уже было?

— Да. Я пользовался заранее выращенными заготовками.

— В соответствии с астрологической картой?

— Конечно.

— А расчеты?

— Могу показать.

Доктор Фульд, Агата и следователь Майнц сперва переглянулись, а потом, когда к ним присоединились Касс с управляющим, постепенно удалились в глубь кухни. Хозяйка шепотом отдавала необходимые распоряжения. А что? Взрыв взрывом, конечно, но... Они же не поужинали! Да и Конрада надо напоить теплым молоком. Успокаивает и придает сил.

— Ауру чем наращивал?

— Беррий и атинум. Сейчас напишу формулу. — Агата уже протягивала Конраду блокнот, глазами показывая мужчинам, что сэндвичи и булочки на столе, сейчас будем пить чай.

Но если следователь и доктор Фульд кивнули с энтузиазмом и благодарностью, то Эрик с Конрадом, склонившись над блокнотом, неотреагировали никак.

— Чем был вызван взрыв? — спустя довольно долгое молчание наконец спросил барон.

— Взорвалась кристаллическая решетка.

— Этого не может быть!

— Вы... тоже так думаете?

Конрад даже порозовел от счастья. Мальчик просто сиял, пытаясь встать с сундука, но пошатнулся, вовремя подхваченный следователем.

— Я запрещаю любую активность! — окончательно разгневался доктор Фульд. — Вас, Эрик, это тоже, кстати, касается! Агата! Заставьте всех пить чай, иначе я за себя не ручаюсь!

В конце концов им действительно удалось усадить всех за стол. Но не раньше, чем бывший канцлер все-таки сходил в подвал, к крайнему неудовольствию доктора Фульда.

Какое-то время все ели молча. Первым все же не выдержал мальчик.

— Что вы думаете после того, как осмотрели подвал, господин Эрик?

— Пока что рано делать выводы. Я бы хотел ознакомиться с твоими расчетами. Покажешь?

— Конечно!

— Но не сейчас. После. А пока — выполнять все предписания доктора Фульда. У меня будет к тебе еще один вопрос. Это очень важно, Конрад, поэтому, пожалуйста, постарайся вспомнить.

— Да, господин Эрик.

— Ты порезал руку. Когда это произошло? До взрыва или после?

— До. Я уронил пробирку. Стекло разрезало перчатку и впилось в палец.

— Кровь брызнула?

— Еще как! Прямо на заготовку... Я знаю правила. Надо быть предельно аккуратным во время работы. Сам не понимаю, как так получилось. Пробирка — она как будто в руках задрожала, честное слово! А кровь брызнула на образец, хотя порез был небольшой. Нет, вы не думайте, я не ищу себе оправданий. Простите меня, госпожа Агата! Я ведь теперь должен вам за ремонт...

— Не думай об этом! Главное — с тобой все в порядке. Ты должен учиться. Вот это мне, пожалуйста, торжественно пообещай.

— Обещаю. Вот только не видать мне премии...

— Я бы на вашем месте повременил делать такие выводы, молодой человек. — Эрик промокнул губы белоснежной накрахмаленной салфеткой так, будто был не охранником, а как минимум бароном. — Сейчас идите отдыхать. Ваши расчеты предоставите мне позже. А сейчас извините, господа, но нам с госпожой Агатой необходимо переговорить с Виллой фон Лингер.

— Это так срочно?

— По какому делу?

— Насчет меня?

Доктор Фульд, Майнц и Конрад одновременно подняли глаза.

— Доктор Фульд. Да, это срочно. Обещаю, что после этого не буду нарушать ваших предписаний. Следователь Майнц, если информация, полученная во время беседы, будет иметь хоть какое-то отношение к делу, я вам непременно доложу. Конрад. На мой взгляд, госпожа Агата ясно дала вам понять, что беспокоиться не о чем. Господа, мы можем идти?

И они удалились. Прошли через холл, поднялись по ступенькам наверх, где располагались спальные комнаты.

— А что вы видели в подвале? И зачем вам понадобилась Вилла?

— Агата... Вы ведь пишете о женщине-разведчице. Я правильно понимаю?

— Да, а что?

— Ваша героиня сама стреляет из огнестрела. Она смелая.

Решительная. Преданная и самоотверженная молодая женщина. И чем больше я узнаю вас, тем больше убеждаюсь, что в вас действительно есть все эти качества! Поэтому я поверил в возможность существования такой женщины, но...

— Что «но»? — Агата, до этого краснеющая от удовольствия, нахмурилась.

— Но если ваша героиня столь же любопытна, как, к примеру, вы, то...

— Я поняла! Больше — ни слова. Я докажу, что женщинам, не менее, чем мужчинам, присущи выдержка и хладнокровие!

— Ну что ж... Попробуйте. Прошу! — И он пропустил ее вперед.

Они постучали в комнату сестры Людвига фон Лингера и вошли.

— Как Конрад? — Женщина говорила осипшим от рыданий голосом, но уже достаточно спокойно.

— Все в порядке. Он выпил молоко, ему лучше. Доктор Фульд сделал все необходимое. Он прекрасный врач! — Агата взяла Виллу за руку.

— О, я не сомневаюсь. Спасибо...

— Госпожа фон Лингер. У меня к вам несколько вопросов. — Эрик, так же как и Агата, не дожидаясь приглашения, уселся рядом с Виллой.

— Вилла. Хочешь, я прикажу принести тебе чай? — Агата пыталась согреть ледяные руки женщины в своих.

— Не стоит беспокоиться. Мне уже лучше. Я приняла успокоительное по совету доктора Фульда. Так что вы хотели у меня спросить?

— Скажите. В роду отца Конрада был кто-нибудь с Острова Висельников?

Повисла пауза. Агате уже начало казаться, что Вилла впала в некий транс, и необходимо позвать доктора Фульда. Наконец женщина вытерла платком глаза, глубоко вздохнула и произнесла:

— Да. Отец Конрада... Настоящий его отец — матрос. Чистокровный островитянин. Обещал, что заберет с собой...

— Фрау... Берта не знает? — почему-то шепотом спросила Агата.

— Знает. Знает и шантажирует тем, что расскажет сыну. О том, какая потаскуха его мать. А он сам — щенок безродный... Мы с моим мужем разошлись без всякого скандала. Он не требовал никаких денег. Деньги, что мама вытягивала из Людвига, нужны были для того, чтобы покрывать бесконечные проигрыши Ульриха.

Эрик встал. Положил руку Агате на плечо и немного сжал.

— Мне жаль, Агата, — еле слышно прошептала женщина, — если можешь, пожалуйста... Прости меня.

— Ты ни в чем не виновата, — все же нашла в себе силы ответить

Агата фон Лингер.

— Теперь все встало на свои места, — произнес Эрик.

— Что вы имеете в виду? — Вилла подняла на мужчину красные от слез глаза.

— Конрад обладает сильным магическим потенциалом. Он порезался. Кровь брызнула на искусственно выращенный кристалл, и, так как управлять силой подчинения мальчик не умеет, взорвалась кристаллическая решетка.

— Но ведь это означает... — Агата даже привстала от перевозбуждения.

— Совершенно верно! — На этот раз никто за отсутствие выдержки и хладнокровия барышню не ругал, так как глаза самого барона горели от любопытства. — Выращенная копия «Черной мантии» Конрада услышала зов крови артефактора! Мальчик талантливый. Его необходимо учить.

— Ему... придется все рассказать? — Вилла старалась ни на кого не смотреть.

— Ну... это совершенно не обязательно, — барон пожал плечами, — кровь жителей Острова Висельников может быть от каких угодно дальних родственников. Я, между прочим, сам ничего не знаю о своей собственной, так что...

Вилла улыбнулась. И хотя улыбка получилась робкой, а глаза все еще были влажными от слез, впервые за многие годы госпожа фон Лингер почувствовала облегчение и была... почти счастлива.

Глава 16

Утро.

«Вставай! — уговаривала себя Агата. — Черновых набросков уже много. Пора отправляться к старой, доброй печатной машинке!»

Раньше этого было достаточно. Мысль о книге поднимала с кровати ни свет ни заря. Агата делала мужу чай и уходила к себе — стучать по клавишам до тех пор, пока не занеет позвоночник, не распухнут пальцы.

А сейчас? Нет, она готова работать. Но...

Это были истории Людвиг. Интересные, захватывающие. Она писала ради того, чтобы Лингер прочел собственную идею, воплощенную в словах. Муж не хвалил ее напрямую, но по выражению лица часто было очевидно, что ему понравилось.

Теперь все изменилось. Она придумывает сама. А вдруг получится неинтересно? Скучно? Или... глупо?

«Вставай. — Агата еще раз попробовала уговорить себя. — Тебя ждет книга. Только твоя!»

Бесполезно. Из-под одеяла по-прежнему не хотелось вылезать. Хотелось плакать. Странно. Раньше она в себе склонности к страданиям не находила.

Она изменилась за последнее время. Стала замечать окружающих людей. Осознавать, как они относятся к ней. Формировать свое отношение. Наверное, это совершенно нормально, жить в социуме?

Ненормальным было скорее то, что столько лет она писала, не поднимая головы. Жила жизнью героев. Она думала, что Людвиг — тоже. Так увлечен, что не замечает ничего вокруг. Оказалось, нет. Это она, как паук, плела вокруг себя сети сюжетных линий и все наматывала, наматывала на них описания, чувства, характеры...

Писателю Людвигу фон Лингеру оставалось только подбрасывать мух в ее паутину. Муж рассказывал ей новую историю, и на два месяца она пропадала. А он? Может, ему было скучно? Нет, они, конечно, обсуждали детали, она читала ему вслух выдержки...

Со временем муж стал вести с ней эти диалоги вяло, с неохотой. А перед тем как исчезнуть, и вовсе сказал, что последнюю книгу прочтет, когда она уже выйдет. Ее машинка стала слишком бледно печатать, а у него болят глаза...

Агата натянула одеяло на голову. Плакать. Хотелось плакать. Да так

сильно, что она почти сдалась!

Не хватало теплого, размеренного сопения в ногах... Собаки спали в отведенной для их выздоровления комнате под присмотром солдат и доктора Фульда. Жаль. Когда они жили с Эриком в поместье...

Эрик!

Она мгновенно поднялась. Наверняка барон допил снадобье. Надо сделать новое. И Конрада напоить гранатовым соком — хуже уж точно не будет. Барон фон Гиндельберг — единственный зануда на всем белом свете, называющий «кислятиной» сладкий, тягучий, ароматный, невероятно вкусный гранатовый сок! Да она бы и сама не отказалась! Но все лучшее — детям. Детям и баронам. Вперед!

Впервые после гибели родителей ей были интересны живые люди. Не книжные герои. Люди. Эрик, Вилла, Конрад, доктор Фульд, Касс, Густав, Майер, Ульрих, Ганс...

А еще в ее жизни появились Эльза и Грон. Больше, чем люди — собаки!

Причесалась, накинула шаль, чихнула (неужели все-таки простыла?) и спустилась вниз.

Кухня встретила запахом кофе и чем-то еще. Это «что-то еще» кружило голову, напоминало детство и заставляло искренне любить окружающий мир!

— Будете завтракать, госпожа Агата? — Касс улыбался, нарезаю хлеб. — Господин Эрик, скажу вам по секрету, приказал вас не беспокоить, чтобы вы могли выспаться.

— Спасибо! А господин барон...

— Доктор Фульд сказал, его состояние стабильно.

— А сам доктор?

— Уехал в госпиталь.

— Надеюсь, вы его накормили?

— Конечно! Госпожа Агата, вы меня обижаете, честное слово! Неужели вы могли подумать, что я доктора отпущу голодного, без завтрака?

— Простите, Касс. — Агата уже успела приготовить лекарство для барона, сок для Конрада, и настроение от чувства выполненного долга поднялось. — Я просто не привыкла еще к тому, что наконец-то есть на кого положиться!

— Спасибо, госпожа Агата!

— Касс... а чем это так пахнет?

— Творожной запеканкой! С изюмом. Господа не заказывали, но я

позволил себе... Будете?

Она редко пила кофе, но сегодня сделала исключение. Ароматный, бодрящий напиток удивительно подходил утреннему кулинарному порыву Касса. Пышная сладкая запеканка просто таяла во рту!

— Касс, вы достойны королевской кухни!

Все было хорошо. Утреннее солнце заглядывало в начищенные окна, Касс что-то напевал, шурша накрахмаленным фартуком, а Агата думала о том, что скоро барон проснется и она отнесет ему лекарство.

— Госпожа Агата, к вам посетитель.

Когда Густав вошел, она уже собиралась отнести приготовленные для Конрада и барона питье.

— Хорошо. Густав, доставьте это, пожалуйста, наверх.

— Конечно. Пойдемте, я сначала провожу вас.

— Нет-нет, я сама. Лучше отнесите лекарства, это важнее.

В гостиной ее ожидал незнакомый благообразный господин с явно военной выправкой.

— Добрый день, — поклонился он Агате. — Слуги, наверное, не правильно меня поняли. Я бы хотел увидеть госпожу Виллу фон Лингер.

— Видимо, перепутали, — улыбнулась ему Агата, понимая, что перед ней, должно быть, тот самый таинственный поклонник Виллы.

— Могу я попросить?

— Конечно.

Агата направилась к выходу из гостиной, думая о том, как хорошо, что Вилла не одна. Ей искренне хотелось, чтобы у мамы Конрада все устроилось. Такой спокойный, приятный мужчина...

С Эриком она столкнулась в коридоре. Бледный, он вырос, словно из-под земли.

— Что случилось?

— Вы зачем вышли к чужому без охраны? — прошипел барон.

— Мне сказали, что меня ждут в гостиной, — испуганно проговорила Агата, настолько неожиданно было недовольство барона по отношению к ней. — Я и не думала...

— Не думали?! После всего, что произошло за последнее время? А может, стоило подумать, как вы считаете, госпожа фон Лингер?

— Эрик...

— Простите, — из-за спины барона выступил Густав. — Виноват. Тот господин на вид был настолько респектабелен, что...

— Уволен, — бросил барон, не отрывая взгляда от растерянной женщины.

Бывший солдат склонил голову и пошел в сторону комнат, где размещалась прислуга.

Внутри стало горячо. Нет, вообще она была очень терпеливым и хорошо воспитанным человеком. Жаль только, что многие это принимали за слабость. Зря...

— Густав, постойте, — окликнула Агата управляющего. — Вы остаетесь. И... будьте добры, пройдите в комнату к госпоже Вилле. Передайте ей, что ее ожидают.

— Это мои люди, Агата.

— Ошибаетесь... Эрик! Это мои люди. Это я наняла их на работу. Я — хозяйка поместья, и мне решать — увольнять управляющего или нет!

— Удивительно...

— И что же вас удивляет, господин... Эрик?

— Где была эта ваша злость все время? Как такую строгую даму практически разорили родственники мужа?

— Госпожа Агата, господин барон... я...

— Не сейчас, Густав!

Последнюю фразу Агата и Эрик выкрикнули вместе так, что Густав, побледнев, поспешил удалиться.

— Вы пили лекарства?

— Вас это сейчас волнует?

— И это тоже! — Женщина топнула ногой, сжала кулаки и вдруг почувствовала теплые ладони у себя на плечах...

— Агата... — голос барона стал ниже, — я бесконечно признателен вам за заботу. Однако солдат, который не выполнил приказ...

— Управляющий! Управляющий, который выполняет распоряжения! Это поместье, а не армия, Эрик.

— Хорошо. Хорошо, пусть так, — руки барона сжали ее плечи еще крепче, — но вы должны пообещать, что никогда, ни при каких обстоятельствах не выйдете к незнакомым людям без сопровождения! Моего или слуг!

— Эрик...

— Пообещайте мне!

— Вы... делаете мне больно.

— Простите...

Барон разжал наконец пальцы и пошатнулся.

— Ульрих! Майер!

Солдаты помогли отвести барона в комнату и уложить в кровать. После нескольких глотков отвара ему стало лучше. Агата сидела рядом,

делая вид, что проверяет исправность спиртовки.

— Хватит вертеть ее, Агата! Посмотрите на меня...

Женщина вздрогнула, аккуратно поставила спиртовку на стол и подняла глаза.

— Простите меня. Я вспылел. Напугал вас.

— Нет-нет, вы правы. Вы стараетесь меня защитить, а я своей беспечностью вам мешаю.

— Ну... я тоже не подарок. Лекарства пью не вовремя, и то только те, над которыми вы поколдовали. У меня тяжелый характер, Агата. Я одинокий, старый брюзга. Вам, наверное, скучно со мной...

— Ах, что вы, вовсе нет! Вы прекрасный рассказчик. У вас такое интересное прошлое. Вы... вы можете научить стрелять! Вы — артефактор! Почти волшебник. Если бы не вы, моя книга была бы не правдоподобна. Если бы не вы, меня бы уже...

— Не надо, Агата. Не произносите, пожалуйста, таких страшных вещей. Итак, после взаимного обмена комплиментами согласно протоколу предлагаю мир!

— Договорились?

— Выпьете со мною мое лекарство? Вам оно не повредит, и потом оно действительно вкусное. Ну же. За мир?

— Лекарство — вам! Я выпью гранатовый сок.

— Но он же кислый!

— Ничуть. Просто... у вас тяжелый характер, барон!

— А вы — на редкость любопытная особа!

Они подняли бокалы и чокнулись, не заметив, что дверь в комнату слегка приоткрылась.

Две валльские пастушья лежали у входа. Собакам стало лучше, и они решили навестить хозяина.

«Видишь... Чокаются люди после того, как говорят друг другу что-то хорошее». — Эльза смотрела на Агату и улыбалась.

«Надеюсь, ты права, Эльза. Потому что выглядит это так, будто они шпаги скрестили в смертельном бою!» — И Грон с тяжелым вздохом опустил голову на лапы.

Глава 17

Она прижала лоб к холодному стеклу, будто хотела вдавить так, чтобы окно треснуло, разрезало лицо и обожгло болью. Эта боль хоть на миг стала бы сильнее той, что внутри.

Стыд. Разочарование. Злость на саму себя.

Стекло не поддавалось. Надо же. Крепкое. Она прижала к нему ладони, надавила изо всех сил — ничего. Интересно, если бы она умерла, он пожалел бы о том, что наговорил?

Она улыбалась собственным мыслям, пока слезы катились по щекам. Детские, наивные мечты — вот я умру, и они будут плакать обо мне! Им будет стыдно, и тогда они пожалеют! Глупые. Глупые дети. Они, наивные, не знают, что Смерть всегда приходит не вовремя. Смерть никогда никому ничего не доказывает.

Немного стыдно, что боль сегодняшняя для нее сопоставима с той... Разве это одно и то же? Нет, конечно.

Так почему же так больно? Так же, как тогда...

Майское солнце, под ногами — надтреснутые плоды шоколадных деревьев, что прятались под толстым слоем опавших лепестков цвета мороженого «лям-боль». Любимое время в году. Она подходила к дому на Цветочной улице...

До сих пор память хранит каждую мелочь. Сладкий запах шоколадных деревьев. С тех пор она его не переносит — тошнит. И как только раньше не замечала, что на самом деле плоды шоколадного дерева пахнут кровью? Сладковато. Тепло. Приторно...

Она помнит. Помнит, будто это было вчера. Полицейских. Оранжево-грязную ленту оцепления. Толпу любопытных. Шепотки... И тело на бульжниках мостовой. Умом понимала — надо уходить, ее схватят. Но так и не смогла пошевелиться, всматриваясь до боли в глазах.

Ее прислали в Оклер связной к этому человеку. Тогда она не знала ни кто он, ни какой он. Это было задание. Смертельно опасное, но необходимое. Слишком ценный агент.

Агент... Ее предупреждали. Никаких эмоций. Никаких чувств и прочих женских штук! Только работа. Задание! Долг! Долг — прежде всего!

Да разве ж она во все это не верила? Не чувствовала себя роботом, машиной возмездия? Разве не была предана до последней капли крови?

Крови, пахнувшей шоколадными деревьями, крови, тающей мороженым лям-баль, стучащей в висках каждый раз, когда он к ней прикасался? Нежный, умеющий слушать, любимый ее агент.

Неестественная поза трупа. Кровь. Запах...

Она тогда пришла в себя от голосов:

— Зачем шум подняли? Вся операция насмарку! И вообще — почему не установили слежку, зачем сразу накидываться было?

— Да случайно опознали!

— Какой идиот руководил операцией?

— Может, живой? Высота небольшая.

— Да конечно! Вы что — не заметили? Он капсулу раскусил!

— А выкидываться зачем?

— Что говорят соседи? С кем он жил?

Эвелин сделала шаг назад. Потом еще и еще. Надо уходить. Раз любимый подарил ей такую возможность, его смерть не должна стать напрасной...

* * *

Агата отложила черновик и схватилась за голову. Крики фрау Берты за стеной были просто невыносимы!

— Ты! Потаскуха! Вся в отца! И такая же, как эта... Агата. Совсем совесть потеряли — любовников в дом водите!

Визгливому крику еле слышно вторил жалобный голос Виллы.

Все-таки Агата не понимала фрау фон Лингер. Она же мать. За что она так с Людвигом? Виллой? И почему Ульриху не достается? Странно все это.

Тяжелые шаги она слышала издалека. Вздохнула, но глаз от текста не оторвала. То, что и ее не миновало счастье пообщаться с госпожой фон Лингер, еще не значит, что надо отрывать от работы!

— Агата! — ворвалась свекровь в кабинет, как всегда, без стука.

— Да, фрау фон Лингер.

— Мне не понятно твое поведение.

— В каком смысле?

— Мы с тобой заключили договор. Почему ты еще не отправилась в Орн и не забрала заявление?

Честно сказать, после всех приключений Агата забыла о том, что надо куда-то ехать. Да и после нападения было страшно выходить из дома. Все

это, конечно, можно было просто сказать фрау Берте. Но что-то надломилось у нее внутри с некоторых пор.

Принципы хорошего воспитания барышни, которая никогда не будет впрямую говорить о столь низменной субстанции, как деньги, вдруг перестали быть незыблемыми.

— Прежде всего потому, что я не видела чека, подписанного вами.

Агата оторвалась от текста, посмотрела на свекровь и очень искренне улыбнулась.

— Ах...

Фрау фон Лингер схватилась за сердце, словно туда попал заряд от огнестрела, безошибочно опустилась на стул, оказавшийся ровно позади нее, и закрыла глаза. Голова безжизненно повисла, рука безвольно упала. Труп. Розовощекое, пышущее отменным здоровьем бездыханное тело...

Агата пожала плечами, и стала вставлять в печатную машинку лист бумаги. Дело это было нелегким, потому что прокручивались старые валики, которые то и дело норовили зажевать лист. Машинка издавала возмущенные звуки, намекая, что тревожить ее покой не стоило уже последние лет пять как.

— Агата... — К свекрови между тем вернулся дар речи.

— Ххххрг, — ответила машинка.

— Как ты можешь? Ты что, намекаешь на то, что я тебе денег не отдам?

— Нет. Я ни на что не намекаю. — Агата полюбовалась на вставший в каретку лист. И напечатала пока что рабочее название: «Последнее задание». — Просто мне надо выплачивать жалованье нанятым работникам. И заехать оплатить долг ресторану, который этот месяц поставлял в поместье еду.

— Я отдам чек Людвигу.

— Тогда Людвиг, когда появится, и будет разбираться с полицией и младшим братом.

— Ты мне мстишь. Это подло.

— Возможно. — Агата задумалась — куда запропалились листы с главами, которые она писала в поместье барона? — Но... фрау Берта, неужели вас это удивляет?

— Что ты имеешь в виду?

— А чего вы ожидали от меня? Воровки, цинично использующей дар вашего мальчика в собственных интересах? Потаскухи, что на ваших глазах водит в поместье любовника, будучи замужем? Змеи, что поставила перед собой цель известить вас и всю вашу семью? Я ничего не перепутала?

— У тебя жестокое сердце.

— С нас довольно и того, что у вас оно доброе.

Фрау Берта выбежала из кабинета, а Агата нашла то, что искала. Листы рукописи лежали на столе, за пачкой чистой бумаги.

Левая сторона клавиш привычно западала. Но сегодня Агату это не огорчало. Настроение после разговора с фрау Бертой неожиданно поднялось, и работать захотелось еще сильнее!

Стук в дверь заставил зарычать — почти как Эльзу. Ей дадут сегодня работать или нет?

— Да! — стиснув зубы, заставила себя отвлечься писательница.

Агата размяла пальцы и повернулась к двери — там стоял Эрик. Странно, но она видела его настоящее лицо через личину. Или он забыл ее надеть?

— У вас машинка грохочет. Как будто стреляет, — проворчал господин барон.

Он ведь шел в кабинет к Агате совершенно за другим. Но, увидев ее за столом... Серьезную, поджавшую губки, с забавным локоном над упрямой морщинкой, совершенно растерялся.

Неяркое зимнее солнце, подглядывая из-за светлой занавески, откровенно смеялось над самым бароном фон Гиндельбергом, бывшим канцлером, правой рукой его величества, артефактором и прочая, и прочая, и прочая...

— Понимаете, тут надо клавиши сильно нажимать. Иначе она капризничает, — смутилась Агата.

Эрик перевел взгляд на тонкие пальчики. Подумал, что будет, если он их поцелует. Или хотя бы согреет — они же наверняка холодные.

Агата поймала его взгляд. Покраснела. Засуетилась, стала заправлять машинку. Резкое, нервное движение — и лист все-таки смялся.

— Давайте помогу, — предложил Эрик.

— Вы умеете?

— Увы, нет. У меня были секретари. К тому же таких раритетов я и не припомню уже. Министерство давно перешло на машинки последней модели. Артефакторы специально изобрели печатное устройство, работающее на магических кристаллах: «ЗНАК-4». Не слышали о таком?

— Слышала. — Еще бы она не слышала, да она видит это чудо во сне практически каждый день!

— Вы зря так недоверчиво. Их хвалили. И усилия прикладывать не надо, когда печатаешь. И исправить ошибку можно. Там как-то хитро сделано — на панели можно увидеть, что получилось, до того, как текст

проявится на бумаге.

Агата грустно улыбнулась. Покупка-мечта, на которую не было денег. Стоила, кстати, такая машинка в половину мобилы не самой старой модели.

— Надо было в Лаутгарде купить, — пробормотал барон, вспомнив, как Агата покупала там гранатовый сок.

— Эрик, — нахмурилась Агата, — вы опять ставите меня в неловкое положение. Мы это уже обсуждали, кажется.

Барон фон Гиндельберг опомнился. И замолчал. Не то чтобы он собирался позволить Агате и дальше убивать пальцы об этого монстра. Но спорить с дамой — зачем? Он просто распорядится, и машинку доставят.

Однако напоминание о том, что он не имеет никакого официального права на заботу об этой женщине, неприятно его резануло. Любая забота со стороны будет выглядеть не более чем покровительство, бросающее тень на репутацию госпожи фон Лингер.

Говорила ли она тогда о разводе серьезно? Или так, сгоряча, в обиде? Может статься, вернется Людвиг, выставят его сумасшедшую мамашу — и все образуется?

— Я категорически против того, чтобы мы с вами ехали в город, — вспомнил он наконец, зачем пришел.

— Да я и сама не хочу, — призналась Агата, воюя со следующим листом.

Эрик подошел, отстранил женщину. Подумал. И следующий лист встал в каретку. Сразу, без капризов. Как по волшебству.

— Хочу просто писать книгу, — призналась Агата, как будто в этом было что-то преступное.

— Я попрошу следователя Майнца захватить документы. Вы все подпишете в поместье. Если вам, конечно, так уж необходимо освободить несчастного Ульриха.

Агата посмотрела на господина барона. И поняла, что он такой поворот весьма и весьма не одобряет.

— Фрау Берта обещала покрыть убытки.

— Вы думаете, Ульрих фон Лингер на этом остановится?

— Не знаю. Но пусть с этим разбирается Людвиг.

— Да поймите же, Агата! Вы сами поощряете...

Стук в дверь перебил пламенную речь Эрика.

— Да! — ответили они хором.

— Я... — Конрад был явно напуган их совместной раздражительно-недовольной реакцией. — Простите... Не вовремя, да?

— Ты встал зачем? — Агата поспешила к мальчику, усадила на

диван. — Что-то случилось?

Конрад помолчал. Потом зажмурился и выпалил:

— Я хочу сознаться!

— В чем? — Эрик и Агата снова произнесли это хором.

На этот раз они это наконец заметили и теперь с удивлением смотрели друг на друга. Но недолго, потому что то, что произнес Лингер-младший, заставило забыть обо всем:

— Госпожа Агата. Это я. Я отравил вас!

— Конрад...

Писательница, прижимая ладони к щекам, во все глаза смотрела на побледневшего юношу.

— Простите. — В ярко-голубых глазах стояли слезы. — Простите меня... Вы были... так добры ко мне, а я...

Агата села рядом с Конрадом на диван. Она смотрела на заплаканного мальчика и не могла во все это поверить.

Какие красивые у него глаза — синие, яркие... Надо же. У Виллы глаза — чайного цвета, такие же, как у Берты и Людвига. Только Ульрих был зеленоглазый. А тут... лазурь! Ей вдруг пришло в голову, что мальчик совсем не похож на Лингеров. Может быть, именно поэтому она никогда не воспринимала Конрада как нечто к ним относящееся. Ей приятно было о нем заботиться. Она... действительно его искренне любила. Тем более что своих детей пока не было. Так за что же...

Бывший канцлер молчал. Смотрел на все это... И молчал. Его нервная система, похоже, попросту дала сбой в окружении этого сумасшедшего семейства. Впервые за свои сорок лет жизни, а за это время каких только ситуаций не было, он не знал, как реагировать...

Барон фон Гиндельберг смотрел на женщину и восемнадцатилетнего мальчишку, что рыдали в обнимку, и ждал, пока к нему вернется самообладание.

— Так... — проговорил он, наконец. — Конрад!

Кто бы его еще слышал!

— Агата!

— Мне так стыдно! Я не хотел... — всхлипывал мальчишка.

— Довольно! — рявкнул Эрик, на мгновение вновь став канцлером Отторна. От его голоса, бывало, и у боевых генералов сердечные приступы случались, а тут...

Агата посмотрела на него с осуждением, что еще больше разозлило барона. Ну конечно, бедный мальчик, ему «стыдно»! Давайте жалеть бедняжку.

— Агата, сядьте, пожалуйста, за свой стол!

Получилось резче, чем он планировал. Конечно, лучше было бы вовсе выставить госпожу фон Лингер за дверь на время допроса. Но добровольно она не пойдет. Поэтому...

Хорошо бы просто вызвать следователя Майнца — и пусть тот разбирается с этим отравителем! Химик... Юный гений! Практически «Черную мантию» создал, блестящее будущее обеспечено! И вот зачем было этому мальчишке... Зачем?

— Зачем? — проговорил он вслух.

Барон взял стул и уселся на него верхом. Неприлично в присутствии дамы, но во время допроса подавляет задержанного. Особенно если смотреть в глаза. Но вместо глаз он видел перед собой только вздрагивающую вихрастую макушку, которую — вот парадокс — хотелось погладить.

— Я не хотел, — выдавил из себя Конрад.

— Допустим. Как тогда это случилось?

— Случайно.

Барон вздохнул, пытаясь успокоиться. И проговорил:

— Рассказывай. Подробно. По порядку. Это очень важно, Конрад. Мне нужна каждая мелочь, каждая деталь. Понял?

Мальчишка вздрогнул, поднял голову. И тут вмешалась Агата:

— погоди! Тебя же в поместье не было!

Эрик посмотрел на нее недовольно. Мальчишка — обреченно. Но подсказкой, как можно выпутаться, не воспользовался и тихо проговорил:

— Я случайно.

— Как можно «случайно» добавить в чай смертельный яд? — Эрик зло выговаривал каждое слово.

— Что вы! Я этого не делал!

— Значит так. Ты рассказываешь мне все по порядку. Госпожа Агата молчит! Или я запру тебя в подвале до приезда следователя Майнца! И запрещу госпоже Агате тебя навещать!

— Эрик! — возмутилась было Агата, но, споткнувшись о взгляд канцлера, кивнула: — Хорошо. Я буду молчать.

— Я не подсыпал яд. Я спрятал в чае реактивы.

— Какие реактивы?

— Те, что стащил у отца.

Значит, все-таки замешан отец Конрада. Военный инженер, преподаватель военной академии. Ему-то что не трудилось спокойно!

— То есть ты разлил реактивы в чайном сборе? — уточнил Эрик.

— Нет. Я сунул две целые колбы в банки с чаем. И... все. Должно быть, они разбились, когда...

— Стой, — у Эрика заломило висок, — что за реактивы?

— Усиление роста кристаллов. Это один. И трансформатор плетения кристаллической решетки. Они не такие редкие, но...

— Запрещенные. Особенно всяким неучам! — рыкнул Эрик. — И неспроста, как мне кажется! А ты точно знаешь, что было в колбах? Может, ты думал, что там реактивы, а там...

Мальчишка бросил на господина барона снисходительный ВЗГЛЯД:

— Я не мог перепутать. Или взять что-то не то. Я у отца в лаборатории пасусь с десяти лет. И все там знаю! К тому же мне нужны были именно эти реактивы. Я все лето опыты с ними проводил. А потом — мне уезжать было надо. И... надо было их просто вылить! А я пожалел.

— Ну, хорошо. Допустим! А в чай-то зачем?

— Спрятать вовремя не успел. Вошла бабушка. Я и сунул Агате в шкаф. В зеленую такую баночку. Думал, перепрячу потом, и забыл! А тут... вспомнил. Колбы, наверное, треснули, и...

— Еще один вопрос. — Эрик понял, что мальчишка тут ни при чем. Да и отец его, похоже, тоже. — Вещество в колбе было каким?

— Жидким. Эти реактивы сохраняют свои свойства только так.

— Ага. Ну, что я могу тебе сказать. Молодец, что сознался. Больше так не нарушай правила техники безопасности. Но Агату ты не травил.

Долгое молчание. Тихий шепот Агаты:

— Всеблагие...

Неожиданно Конрад вскочил и закричал:

— Как это — не травил?!

— Расстроен? — усмехнулся барон.

— Нет! Конечно, нет. Но... Я подумал...

— Колбы, несомненно, разбились, когда слуги, или кто там в этом еще участвовал, громили кухню. Но... Мы знаем, какое отравляющее вещество было использовано при покушении на госпожу Агату. И это — не твои реактивы.

— Кстати, в зеленой банке — лимонная цедра. И я к ней не прикасалась за все это время, — проговорила Агата.

— А какое это было вещество? И... кто же тогда мог вас отравить? — Конрад уже порозовел и теперь с любопытством вертел головой, заглядывая в глаза то Эрику, то Агате.

Было видно, что он просто счастлив!

Агата рассмеялась. От огромного облегчения. От того, что у нее есть

гениальный племянник, который не замешан в покушении и похищении «Водяной Смерти», а значит, можно жить дальше...

Эрик же смотрел на мальчишку — и узнавал в нем себя. Восемнадцать... Возраст, когда кажется, что все возможно. Стоит лишь захотеть.

— Я отправлю тебя обратно в университет, — сообщил он Конраду. — Как только доктор Фульд разрешит — поедешь в столицу. Обратно на химический факультет.

— Но там культурология! Это скучно. А я тоже хочу участвовать в расследовании!

— Это тебе будет наказание, — безжалостно отвечал господин барон. — За нарушение правил техники безопасности, реактивы в пищевых продуктах и взрыв.

Конрад поник, низко опустив голову, но возразить на справедливые доводы Эрика ему было нечем.

— Я дам тебе рекомендательное письмо к моему учителю. Профессору артефакторики.

— Вы артефактор? — У Конрада загорелись глаза.

— Ну... почти.

— А с «Черной мантией» у меня что не так?

— Думаю, у тебя с ней все так. Взрыв произошел как раз потому, что у тебя получилось.

— Я... не понимаю.

— Ты порезал палец. Твоя кровь попала на кристалл, и решетка взорвалась.

— Почему?

— Потому что ты — артефактор.

— Что? Этого не может быть! В нашем роду не было артефакторов!

— Профессор Вольф Аппель возьмет тебя в ученики.

— Вы шутите?! Он же легенда! Говорят, он лично учил самого канцлера его величества, барона фон Гиндельберга!

— А ты откуда знаешь?

— Да это все знают! Канцлер — сильнейший артефактор. Это он создал...

— Ладно, потом расскажешь, — усмехнулся барон фон Гиндельберг.

— Конрад, — Агата подошла к мальчику и обняла его, — спасибо, что все рассказал. А теперь — иди, отдыхай. Тебе нужно восстановиться. Выпей гранатовый сок и приляг. Обещаешь?

— Конечно! Спасибо, госпожа Агата! И вам спасибо. Большое. Вот

только... Можно еще вопрос?

— Последний. — Барон постарался сделать очень строгое лицо.

— Вы уверены, что у меня способности артефактора? Ошибки быть не может? И... как же все-таки это может быть, если...

— Я уверен, Конрад. Иди. Хотя... Стой.

— Да?

Синие глаза с любопытством смотрели на мужчину, а тот, слегка покраснев и бросив выразительный взгляд в сторону Агаты, вдруг спросил:

— Скажи... Вот ты пообещал госпоже Агате выпить гранатовый сок.

— Да, я выпью.

— Но... он же кислый?!

— Что вы, господин Эрик! Как можно не любить гранатовый сок? Это вкусно!

— Кувшин стоит в твоей комнате, Майер отнес его туда. Один стакан сейчас, один — перед сном. Хорошо? — Женщина с трудом сдерживала смех.

— Да, госпожа Агата! Спасибо вам.

* * *

Августовские вечера коротки. Не успеешь оглянуться, как за жарким огненным закатом приходит ночь. Прохладная, в недалеком будущем обещающая холода, шторма и дожди...

Мама смеется. Эрик знает, что все это ему лишь снится, но... Становится легче. Хотя бы во сне.

— Какие же вы все-таки мальчишки!

Король и его канцлер переглядываются. Смешно и очень похоже надувают губы. То ли сказываются родственные связи — восьмьюродные братья все-таки; то ли за без малого десятков лет бок о бок успели перенять многое друг от друга.

Только сейчас, во сне, Эрик понимает, насколько Карл в тот момент был потерян. Как хотел услышать слова поддержки от него. Своего верного канцлера.

Как же так случилось, что тогда, в тот августовский вечер, он этого не заметил?

Жаль...

Они сидят на террасе, пьют ароматный чай, собственноручно заваренный канцлером. Подсвечивающие кристаллы дарят теплый, мягкий

свет. Мама ставит на стол вазочку с ореховым вареньем. Баронесса фон Гиндельберг всегда доставала его, когда приходил Карл. Любимое лакомство короля. На ней темно-изумрудное платье. Как оно ей шло!

В этот вечер никому не хочется говорить о делах. Тревогой и сомнениями портить его неповторимое очарование.

Хочется забыть обо всем и просто наслаждаться. Теплым ветерком, ароматом отцветающих лаций, улыбкой баронессы и близкими, любимыми людьми рядом.

Очень хочется. Но не получается.

— Тетушка, а вы? Вы тоже считаете, что я не прав? — горячится король Карл. — Что мой брак — вопрос здравого смысла и расчета? А если я заикаюсь о любви — или хотя бы нежной, искренней сердечной привязанности, то это лишь глупость и ребячество?!

— Карл! Я так не говорил, — возмущается Эрик.

Баронесса фон Гиндельберг грустно улыбнулась. Ложечка в ее руках застыла над ажурной вазочкой вальского фарфора. Она перекладывала орехи в прозрачно-карамельном сиропе, и свет, отражаясь, делал их похожими на драгоценные камни.

Долгое молчание. Никто из них не смеет мешать, если мама задумалась. Наконец, наполнив вазочку для Карла, она говорит тихим, но уверенным голосом, как всегда четко выговаривая каждое слово:

— Каждый, конечно, решает сам. Мы знаем немало примеров счастливых браков по расчету, как и несчастных по любви. Но... любовь — это самое ценное, что есть на свете.

Эрик возмущен. Еще мгновение — и он сорвется на баронессу, как на какого-нибудь нерадивого министра. Но... ловит на себе ее насмешливый взгляд и молчит.

А мама уже смеется. Треплет его по голове, как мальчишку. Переводит взгляд на Карла, в глазах которого тоска.

Обнимает и его. Что-то шепчет на ухо, и его величество светлеет. Склоняется над руками баронессы, но не целует, как положено, а лишь прижимает к щекам.

— Спасибо, тетушка...

Грохот, похожий на взрыв. Ваза с вареньем разбилась на тысячи осколков, терраса исчезла... Эрик просыпается.

«Напали!» — бьется в голове мысль.

Быстро обувается. В эту ночь он спит одетым, как и все солдаты в доме. Ждут нападения. Берет огнестрел. Выходит в коридор.

Тишина.

Странно. Неужели... ему приснилось? Или это Агата грохочет на своем печатном монстре?

Заглянуть к ней в спальню. Неловко, конечно, но безопасность прежде всего. Скорее бы Эльза поправилась! Хотя... увидеть женщину, разметающуюся по постели, позволить себе представить, что... Он вдруг понял, что ожидает возвращения Людвига фон Лингера с нетерпением.

Глупца, что не сберег такое сокровище. Посмотреть, как она примет явление блудного супруга. И наконец, понять, может ли он надеяться... хоть на что-то. Хотя бы на заботу, не унижающую достоинство госпожи фон Лингер.

А если придется уйти, чтобы не нарушать ее покой? Сможет ли он? Отступить, признавая, что Агата выбрала не его...

«Любовь — самое ценное, что есть на свете...»

Только сейчас он понял, насколько матушка была права...

Сама возможность коснуться любимой. Обнять. Погладить по щеке, пробежаться кончиками пальцев по волосам, догоняя скользящий по локону лучик солнца...

Сколько мыслей, оказывается, можно передумать, пока бежишь по коридору, стараясь ступать как можно тише.

— Что с вами? — Агата застыла, когда он рывком распахнул дверь ее комнаты.

Запыхавшийся. Небритый. И даже без галстука. Женщина кинула взгляд на часы — четверть пятого.

Зато в руках господин барон сжимал огнестрел.

— Мне почудилось, будто что-то загрохотало, — признался Эрик.

— Нет... Все тихо. Разве что... У меня упала тут... Вот... Папка... — Стараясь не делать резких движений (барон с перепугу направил на нее огнестрел да так и застыл на месте), Агата подняла папку с пола.

— Я подумал, что взрыв, — смутился мужчина и опустил огнестрел. — А вы... печатали?

Агата посмотрела обиженно. Что же она — совсем из ума выжила: ночью грохотать!

— Понятно, — кивнул барон, признавая, что так сильно его напугала всего лишь папка с бумагами. — Вам не спится?

— Книга идет. — Она кивнула на стопки бумаг, которыми был завален весь стол.

— Вы и вовсе не собирались спать этой ночью?

Писательница упрямо задрала подбородок. Эрик рассмеялся:

— Слукавлю, если скажу, что не понимаю вас, Агата. Я и сам не одну

ночь провел без сна над созданием артефакта. Бывало... И все же. Вы устали. Вам необходимо поспать!

Агата повела затекшими плечами. Откинулась на спинку кресла и виновато улыбнулась. Улыбнулась... ему одному!

Нестерпимо захотелось подойти, стащить с нее шаль, расстегнуть блузку, гладить затекшие мышцы шеи и спины, пока она не расслабится под его руками. А потом...

— Я, пожалуй, заварю вам чаю, — сказал он. — Чайных церемоний не получится, но что-нибудь поддерживающее я сделать сумею.

Господин барон вышел. Агата грустно усмехнулась. Надо же... На мгновение ей показалось, что он хочет подойти. Обнять. И...

Женщина замотала головой, прогоняя дурные мысли. Что она такое о себе возомнила? Совсем разум потеряла?

Он — барон, бывший канцлер. Красив. Надежен. Заботлив. Холост. С ним будет хорошо любой женщине. Любой, на которую падет его взор! Еще бы... Такая завидная партия! Наверняка это будет перспективная невеста. Знатная. Хорошо воспитанная. А вдруг будущая баронесса не полюбит собак?

Эльза и Грон... Она ведь слышит их мысли, понимает их взгляды, она... Знает, что они любят яблоки! Кто будет таскать низерцвейгам лакомство в кармане? Делать барону лекарство?

Да что ж это, в самом деле? Какое-то наваждение. Она замужем. Собирается разводиться. Разорена. И... пишет книги. Разве такая женщина может быть рядом с бароном фон Гиндельбергом? Артефактором? Бывшим канцлером его величества? Конечно, нет.

А жаль...

— Что-то вы загрустили, — улыбнулся Эрик, заходя в комнату с подносом в руках.

— Сцена печальная, — хрипло ответила Агата.

— Удивительно, как вы умеете переживать за придуманных вами же людей. Может, не стоит? Ведь их судьбы в ваших руках?

Агата посмотрела на Эрика с подозрением: не смеется ли он над ней? Но барон был серьезен.

— Вы позволите? — Он кивнул на пачку исписанных листов бумаги.

Агата смутилась:

— Там... Эвелин — главная героиня...

— Разведчица, я помню...

— Она слышала разговор, который ее огорчил.

— Какой разговор?

— О роли женщин на войне. Речь шла о том, что все, что они могли, — предавать мужчин. Пусть и врагов. Пользоваться их слабостями, чтобы добыть информацию.

— И это делать приходилось, — кивнул Эрик. — Потому что главное — победа.

Агата кивнула:

— Но Эвелин вспоминает тех, кого она знала. Девушек, с которыми она обучалась в школе разведчиц. Она одна осталась в живых. Из всего выпуска.

Эрик медленно кивнул. Удивительно. Молодая женщина. На войне не была. Но так... правдиво писать об этом. Интуиция? Работа с архивами? Боль от потери собственных родителей? Наверное, все вместе, но то, что он успел прочесть (какой у нее красивый, аккуратный почерк!), по настоящему тронуло.

— Понимаете, Эвелин... — продолжала Агата. — Ей горько. Обидно. Потому что они все... Шли добровольцами. Откликнулись. Отдали жизни. А их называют павшими женщинами. Соблазнительницами, что искали приключений!

— Главный герой? Как его — Курт? Это он высказался?

— Нет. Ее попросили помочь разобраться в одном деле. В академии происходят непонятные смерти. Курт — ректор. А это был разговор коллег.

— Слушайте, Агата... А можно вас попросить? — прищурился Эрик.

— О чем?

— Сделайте преподавателя, который это говорит, таким... — господин барон изобразил руками что-то явно склизкое и мерзкое, — эстетом, который и не служил толком.

Агата кивнула:

— Вы читаете мои мысли! Эвелин вызовет его на дуэль!

— Не получится, — тут же откликнулся Эрик.

Улыбку сдержать не удалось. Столько романтического огня и задора было в ее идее! Тоже мне... Дама с огнестрелом. Хотя стреляет она, надо признать, действительно неплохо. Это при том, что ее никто не учил. Удивительная женщина...

— Почему? — нахмурилась писательница. — Потому что она — женщина?

— И поэтому тоже. Во-первых, этот слизняк просто откажется с ней стреляться. Во-вторых... Она же бывшая разведчица. И сейчас на задании. Следовательно, не будет светиться. Ее задача — слиться с коллективом. Стать незаметной.

— По этой же самой причине и Курт не вступится?

— Увы.

Агата задумалась. И, похоже, потерялась в своих мыслях.

Эрик пил чай и смотрел на нее. Под веками залегли тени. Бледная. Усталая. Надо вытащить ее на прогулку, дышать свежим воздухом. И просить пить вместе с ним гранатовый сок, раз уж он такой вкусный, ароматный и совсем-совсем не кислый!

После долгих уговоров она все-таки разрешила ему почитать неоконченный роман. А сама ушла за стол. Писать.

Камин почти потух, когда ему на плечо опустилась ладонь.

— Светает... Вы... Вам надо выпить лекарство и лечь в постель!

— Хорошо. Во-первых, я уже закончил. А во-вторых, вы пообещаете мне, что после завтрака тоже пойдете в постель!

— Хорошо. Но вы мне дадите оценку прочитанного.

— Мне понравилось.

— Правда? — Она бросилась к креслу, что стояло у стола, и придвинула его к камину быстрее, чем он успел ей помочь.

Усевшись напротив, писательница вцепилась в подлокотники и подалась вперед, всем своим видом показывая, что готова слушать дальше.

— У вас настоящий талант, Агата. Вы так описываете природу. Звуки, запахи. Перед глазами возникают картины. Ассоциации. Например, тот майский трагический вечер. Знаете, я вспомнил:

Как много летит лепестков с цветущих деревьев весной.

Закроешь глаза, сладкий запах напомнит — это не снег...

— Жемчужина Чи-джо-ида. Красная Книга Духов. Авторство собранных в ней более тысячи онки так и не установлено до сих пор. — Агата проговорила это, не отрывая удивленного взгляда от бывшего канцлера.

— Да. По одной из версий авторство приписывают жене Второго императора Ри-Хунна.

— Эпоха «Цветущих гор», еще до Великой войны.

— Я не сомневался, что вы знаете литературу. Но ваши знания истории приятно удивляют.

— Скорее, я должна удивляться, господин фон Гиндельберг!

— Эрик! Агата, мы же договорились. Даже наедине! Не разочаровывайте меня. Вы же доказываете, что женщины — разведчицы не

хуже. Стреляют из огнестрела. Хладнокровны и не любопытны.

Агата прищурилась, но сделала вид, что пропустила насмешку мимо ушей.

— А какую еще поэзию вы любите, Эрик? Эпоха перемен? Райрих Берр? Может быть, Вестники? Йоханн Зифф? Или онки Чи-джо-ида — единственная ваша страсть?

— Я вспомнил Книгу Духов... случайно. Увы, я не знаток поэзии. Так, в общих чертах, не более. Боюсь, что касается литературы, вы — единственная писательница, к которой я проявил интерес.

— А я люблю стихи. Но сама, увы, бесталанна совершенно. Знаете, что удивительно. Я ведь действительно вспомнила любимое стихотворение, когда описывала ту сцену! Вы же прочли онки... Интересно, правда?

— Какое? Прочтите мне его.

— Ну... я не очень хорошо читаю... — Она покраснела, смутилась и стала еще более очаровательной.

— Пожалуйста! Я же прочел вам онки!

— И прекрасно прочли.

— Перестаньте. — Он засмеялся, прикрыв глаза рукой.

— Между прочим, я знаю, о чем говорю! Нас, студентов, профессора зазывали в «Синий след бродячей кошки», если считали, что там будут выступать стоящие авторы. И среди наших сокурсников были начинающие поэты. Мы их поддерживали. Так что я не голословна.

— «Синий след бродячей кошки»?

— Поэтический клуб. Он и сейчас существует, насколько я знаю.

— Не заговаривайте мне зубы, Агата! Я жду...

— Ну, хорошо, хорошо. Я прочту. Это поэт второй волны Вестников, Генри Островитянин, один из моих самых любимых:

В мае запах шоколадниц снится,
В воздухе кружится над Землей...
Мне бы целовать твои ресницы,
Слышать, как ты шепчешь: «Мой король!»
Котелок подхватит ветер в небо,
Локон русский упадет в ладонь,
Я таким счастливым был, наверно,
В пять, когда попробовал «лям-боль»!

В дверь постучали.

— Да?

— Госпожа Агата, вам зав... трак...? — Ульрих стоял навтытяжку, переводя взгляд то на барона, который снял личину, то на хозяйку...

Агата не выдержала и расхохоталась. Эрик, бросив на женщину осуждающий взгляд, медленно принял личину охранника и, повернувшись к солдату, очень серьезно произнес:

— Ульрих, будьте так добры, распорядитесь насчет завтрака прямо сейчас. Подавать сюда. Завтрак должен быть плотным. Госпоже Агате — ягоды и творог. Гранатовый сок. Кофе не нужно. И, пожалуйста, проследите за тем, чтобы до обеда госпожу Агату никто не беспокоил! Она всю ночь писала книгу и читала стихи...

Как только за солдатом закрылась дверь, они рассмеялись уже вместе.

Глава 18

— И все же я не могу одобрить вашего решения, госпожа фон Лингер. — Следователь Майнц вздохнул и потер красные от недосыпа глаза. — Вот, скажите, как можно требовать от правоохранительных органов защиты и соблюдения законов в королевстве, если вы забираете заявление. Вы же понимаете, что своими действиями добиваетесь освобождения человека, преступившего закон?

— Мы говорим о моем сыне, господин следователь! — нахмурилась фрау Берта.

— Именно. Более того, я прекрасно понимаю, что это вы надавили на невестку. Но тем не менее факт остается фактом: Ульрих фон Лингер — растратчик, вор и игрок.

— Да как вы смеете!

— Почему бы и нет? Это же истинная правда. И вам это известно не хуже меня.

— Замолчите! Ульрих — хороший мальчик!

— Если вы думаете, что, потакая сыну, сделаете его жизнь счастливее, то поверьте мне — это заблуждение. Я, конечно, могу понять ваши материнские чувства, но... Неужели вам самой не хочется, чтобы человек осознал? Возможно, изменился. Пусть через наказание. Поймите, ваши действия лишают его этого шанса! Шанса на новую жизнь...

Лицо фрау Берты стало пунцовым. Похоже, она восприняла речь следователя как личное оскорбление. Женщина вскочила и вышла, хлопнув дверью. В коридоре раздались ее раздраженные шаги. А спустя несколько секунд и гневный голос, за что-то отчитывающий Виллу. Должно быть, несчастная попалась матушке по пути да под горячую руку.

— Я все же не понимаю: откуда такое трогательное отношение к младшему. В противовес явной ненависти к старшим, — тихо проговорил Эрик.

— Я надеюсь, фрау Берта хотя бы вернула вам деньги, которые украл из банка ее сын?

Агата густо покраснела, как будто ее уличили в чем-то позорном. Кивнула. Как раз перед приходом следователя фрау Берта ворвалась в кабинет и чуть ли не в лицо швырнула ей чек.

Следователь кивнул. Повернулся к господину барону:

— Мы установили наблюдение за бывшим мужем госпожи Виллы.

Аккуратное. Но плотное. Проникли к нему в лабораторию. Обыскали дом. Ничего.

— Может, тайник?

— Может, и так. Но вы же понимаете, «Водяную Смерть» даже низерцвейги не учуют.

Барон фон Гиндельберг кивнул.

— Есть такое свойство у этой заразы.

— А еще хранить отравляющее вещество господин генерал может и не дома.

— Погодите, — очнулась Агата. — Но Конрад сказал, что в мензурках были реактивы. И вы ему поверили!

— Всякое может быть, — грустно улыбнулся Эрик. — Да и фигура очень удобная. Химик. Военный инженер. Замечен в недовольстве женитьбой императора на принцессе из Оклера. Часто высказывался на эту тему. В том числе и публично.

— И что теперь? Арестовывать его за это?

— Всеблагие, избавь нас от этого! Зачем? Побудет под наблюдением. И — я искренне на это надеюсь — никогда об этом не узнает.

— Есть еще и подполковник Брукс из соседнего поместья, — напомнил следователь. — Герой войны. Участвовал в штурме долины Ней. Вот он, в отличие от бывшего генерала, в поместье был вхож.

Эрик вспомнил, как Вилла сама говорила: до того, как появился он с собаками, ее любовник время от времени ночевал в доме. И садовник, что работал у Агаты, перешел работать именно в дом к подполковнику Бруксу. Да и сам подполковник явился в дом аккуратно после нападения.

— Как ведет себя подполковник? — спросил господин барон у следователя.

— Да точно так же, как и генерал. Никак.

— Дом обыскали?

— Ничего. Лаборатории у него нет. В подвале — лишь припасы.

Агата слушала и вздрагивала от каждого слова. Так равнодушно и буднично решались чужие судьбы... Да она за своих книжных героев переживала больше!

— Простите, — виновато улыбнулась писательница, чувствуя, что больше просто не может всего этого выносить, — я пойду... Чаю выпью.

Эрик бросил на нее вопросительный взгляд.

— Со мной все в порядке. Может быть, кому-нибудь тоже сделать чаю?

Мужчины отказались, и Агата вышла из кабинета.

Бывший канцлер Великого Отторна грустно улыбнулся. Он понял, отчего расстроилась женщина. Это не сказки про агента фон Церга, это — реальность. Мир, где подлости и нарушения человеческой неприкосновенности гораздо больше, чем справедливости и честности. И — понятное дело — суда над теми, кто решил использовать «Водяную Смерть», никогда не будет.

Агата вошла на кухню. Касс подскочил, в тревоге глядя на нее. Да на бедняжке лица нет! Голодная, наверно...

— Госпожа Агата!

— Все хорошо, — сказала хозяйка доброму повару. — Все хорошо...

Ей отчего-то хотелось плакать. И даже до хруста накрахмаленный белоснежный передник Касса сегодня не радовал.

— Тяжелый день?

Каспер оглядывал кухню, явно придумывая, что бы такого предложить хозяйке, чтобы она скушала и успокоилась.

— Касс, не беспокойтесь. Ничего не нужно. Я просто чаю выпью. С травами.

Солдат покачал головой. Молча положил на тарелку свежий хлеб, козий сыр и холодную говядину. Поставил на столик у шкафа, где Агата обычно смешивала травы.

Агата улыбнулась. Взяла немного хлеба и сыра. С тех пор как Касс воцарился на кухне поместья Линтеров, здесь стало уютно, вкусно и тепло. И где только он закупался продуктами? Она в жизни ничего вкуснее не ела!

Но Касс был недоволен. Кусочек хлеба (нет, он очень вкусный, ведь он сам, лично испек его утром) и сыр — это, конечно, хорошо. Но хозяйка грустит, а значит, вкуснейшее бланманже ей точно не помешает. Напевая что-то под нос, солдат пошел в подсобку за сливками, желатином, ванилью и замороженной клубникой. Сегодня вечером он должен превзойти самого себя!

Агата же приблизилась к Чай-шкафу.

Взяла холодной говядины, налила себе молока. Заварить настоящий успокаивающий чай — дело долгое.

Достала шкатулку с кристаллами. Пять баночек с разными травами — они присоединятся к основному купажу чуть позже. Нагрела на спиртовке воды с лимонной цедрой и листиком раки — эту воду она выльет. Отвар нужен лишь для того, чтобы ополоснуть чайник. Обязательно определенной температуры. Четырнадцать секунд отвар должен быть в чайнике — ни больше, ни меньше. Девять секунд — в шкатулке. Она привыкла отсчитывать в уме и все же вздохнула. У нее был маленький

таймер — фигурка овечки. Отсчитав нужное время, он блеял и тряс головой. Она его любила.

Барон восстановил все, что у нее было. И более того — он дополнил ее чайное царство щедрыми подарками: еще целых две шкатулки с кристаллами. Сильнее, чем были у нее. Два чугунных чайничка из Чи-джоида.

Она зажгла спиртовку. Интересно, что связывает барона с Чи-джоидом? «Красный халат императора», онки... Что-то большее, чем просто служба, она это чувствовала. Каждый раз в его глазах появляется боль. И ей это... неприятно. Что? Ревность? Да ей-то что...

Агата постаралась выкинуть все мысли из головы. Она должна думать только о хорошем! Представила высокое, синее небо. Подрагивающий от нетерпения хвостик низерцвейга. Что еще? Запах яблочного пирога! Новую печатную машинку.

Отлично. Теперь аккуратно, не торопясь, соединить успокаивающие травы с основным купажем, ее любимым — «Сном Колдуньи». Очень дорогим.

Однажды кто-то подсыпал в него ягоды волчьей отравы. Эти кусты часто используют как живую изгородь. Отпугивает насекомых, благодаря специфическому запаху. Любой купаж такие ягоды испортят окончательно, но ни человеку, ни волку вреда не принесут.

Название свое ягоды получили потому, что очень похожи на плоды довольно редкого растения — глушника. Растет кустарник там, где лес темный, почва болотистая, влажная. В глухих местах растет. От того и называли его так. Если волк такую ягоду съест — действительно отравится. Вот только волки — не люди, и всякую гадость в рот не тянут.

Агата открыла банку и тут же разбила стакан с молоком. Рука дернулась от обиды. Опять!

— С вами все в порядке? — выглянул из подсобки Касс.

Госпожа Агата пронеслась мимо, будто самая настоящая ведьма. Глаза горят, волосы развеваются. В руках банка с чаем.

— Ну что ж такое-то?! Госпожа Агата? — Но Кассу не ответили.

Повар вздохнул и вернулся к созданию своего шедевра.

Эрик услышал, как она бежала еще до того, как взволнованная женщина приблизилась к кабинету.

— Что? — выскочил он ей навстречу.

— Кто-то испортил банку с чаем. Снова!

— То есть что-то подобное уже было? — У них за спиной появился следователь Майнц.

Агата кивнула:

— Да. Незадолго до исчезновения Людвига. Кто-то испортил купаж волчьей отравой.

— А откуда вы знаете, что это такое? — поинтересовался Майнц.

— Я разбираюсь в травах.

— Я тоже, — нахмурился бывший канцлер, — и вполне поверю, что тот, кто не разбирается, мог решить, что вокруг дома растут смертельно ядовитые ягоды. Травы — не хочу!

— То есть вас хотели отравить?

— Конечно! — Эрик ответил на вопрос следователя раньше Агаты.

— Ну, надо совсем в свойствах трав не разбираться, чтобы пробовать отравить этим! Не сказать, что ягоды безвредны — расстройство желудка получить можно. Но не больше, — проворчала госпожа фон Лингер, окинув мужчин снисходительным взглядом.

— А что вы сделали, когда обнаружили испорченный чай в первый раз?

— Что можно сделать? Выкинула. Разозлилась, конечно.

— Никому ни о чем не говорили?

— Нет. С Людвигом мы были в ссоре и не разговаривали. А больше... Не фрау же Берте жаловаться.

Эрик молчал. Он боролся с желанием взять ее на руки, засунуть в мобиль и увезти. Куда угодно, лишь бы подальше от этого ужасного поместья отравителей!

— Эрик...

Он понял, что Агата его о чем-то спрашивает, и даже теребит рукав его куртки.

— А? — очнулся господин барон.

— Вы говорили, что «Водяную Смерть» собаки не учуют. А это?

И она сунула ему под нос раскрытую банку.

Господин барон оглушительно чихнул.

— Тоже не получится, — расстроилась Агата.

— Ну почему же... Не скажу, что они будут в восторге. Но... Давайте попробуем.

Грон поступил по-мужски. Дал подруге, что, учуяв запах сбора, страдальчески закатила глаза, остаться в стороне. Поднялся. Понюхал. Оглушительно чихнул. Укоризненно посмотрел на хозяйина: и стоило ради этого раненых беспокоить? Сам не понимаешь, кто это?

Вышел в коридор. Дошел до левого крыла, где обитали родственники Людвига фон Лингера, и уселся около одной из дверей. Даже голос

подавать не стал.

— Фрау Берта, — прошептала Агата.

Пес посмотрел на нее со снисхождением: не ожидала ли хозяйка дома, что низерцвейг отведет ее ко входу в убежище маленьких зеленых человечков, что, по легендам, обитали в каждом доме? И, если хозяйка была нерадива, пакостили, как могли?

— Что здесь происходит! — Дверь распахнулась, и на пороге появилась фрау Берта.

Агата протянула ей банку и тихо спросила:

— Зачем?

* * *

— Да! — с гордостью проговорила фрау Берта. — Агату отравила я. Жаль, что эта негодяйка вывернулась. И тогда, и сейчас.

— Вы отдаете себе отчет в том, что вы сейчас говорите? — осторожно спросил следователь Майнц.

У следователя сильно болела голова — наверное, от голода. Но есть или пить что-либо в этом сумасшедшем доме не хотелось. — Вы сознаетесь в попытке убийства. А это ведет к тому, что я открою против вас уголовное дело. Я обязан буду передать бумаги в суд. И...

— Я на все готова ради моих детей, — воздела ручки к небу фрау Берта. — Всеблагие мне свидетели! А что? Что мне было делать? Эта змея не остановится! Она и дальше будет шантажом вымогать с нас деньги! Я жизни не пожалею на то, чтобы оградить моего бедного Людвига от этой акулы, что впилась в него всеми зубами. Она уничтожает талант моего бедного мальчика!

— То есть вы решили отравить невестку? — прямо спросил Эрик.

Следователь взглянул на бывшего канцлера с неодобрением. Агата — с ужасом, все еще не веря. Фрау Берта — с торжеством:

— Да! Это я подсыпала смертельную отраву в чай этой мерзавке! И в первый раз у меня почти получилось!

— Хочу вас огорчить, фрау Берта, — устало проговорила Агата. — Этим человека отравить невозможно.

Глава 19

Такие дни случаются нечасто. Ярко-синее небо, солнце. Чистый, белый снег. Доктор Фульд одобрил короткую, неусттомительную прогулку ннзерцвейгам и хозяину. Собакам нужно бегать, иначе в лапах появятся боли. Барону нужен свежий воздух, чтобы восстановить нервную систему.

Агата с радостью приняла предложение Эрика, Эльзы и Грона пройтись. Хотя на полчаса сбежать от Лингеров... Она с наслаждением вдыхала свежий морозный воздух, прикрывая рукой слезящиеся глаза.

Такой чистый, белый, сверкающий снег она помнила лишь однажды, на папин день рождения. Был воскресный день, они вот так же гуляли втроем. Отец рассказывал, как по ночам над лесом летает дух старого артефактора, который когда-то спрятал здесь алмазы и с тех пор не может их найти. Без солнца кристаллы не видны, а дух артефактора ищет свои сокровища лишь по ночам. Мама смеялась, говорила, чтобы он не забивал голову уже почти взрослой дочери сказками. А он... Так серьезно с ней спорил! И ни разу, ни разу не улыбнулся! До тех пор пока они с мамой вдвоем, даваясь от смеха, уже просто умоляли его сдаться и улыбнуться... Интересно, Эрику в детстве рассказывали эту историю?

Эльза и Грон, не помня себя от счастья, гоняли небольшую стайку маленьких черных птичек, что бесстрашно пикировали над их золотистыми спинами. Добродушный, незлобный лай сливался с возбужденным чириканьем.

— О чем вы задумались? — Эрик задал вопрос, но сам при этом смотрел не на нее, а в синее-синее небо, как будто что-то высматривал.

Агата прекрасно его понимала. Она и сама глаз не могла отвести от этой затягивающей прозрачной лазури. Как будто пьешь из родника и не можешь напиться сладковатой, чистой воды, ледяной до зубовного скрежета. Так и здесь — глаза слезятся, но ты терпишь, потому что не можешь оторваться! Хочется запомнить, сохранить в себе...

— Видите, как искрится снег? Как будто кто-то рассыпал алмазы. Отец рассказывал, что по ночам...

— Дух артефактора ищет свои сокровища, что сверкают на солнце, а ночью не видны.

— Вам тоже рассказывали эту сказку?

— Сказку? Чистая правда!

Как у него это получилось... Естественно, искренне... Как у папы.

— Агата? Что с вами?

— Простите. Просто... Вспомнилось.

Он хотел что-то ответить, но еле удержался на ногах! Грон гнал птиц, не замечая ничего вокруг, даже собственного хозяина. Барон пошатнулся, Агата попыталась отступить, но наткнулась на Эльзу, та взвизгнула, и от неожиданности писательница потеряла равновесие. В результате люди упали, птицы с громким щебетанием унеслись в синее небо, а собаки бегали вокруг и громко лаяли.

— Грон! Эльза! Да что на вас нашло, в самом деле! — Барон попытался встать, одновременно подавая своей спутнице руку, но закончилось все тем, что оба они вновь рухнули в пушистый, уютно поскрипывающий снег.

— Ха-ха-ха-ха-ха... Эльза! Грон! Эрик, вы не ушиблись? Ха-ха-ха-ха-ха! Вы в порядке? С вами... все хорошо?

— Не волнуйтесь за меня. Как сами? Не замерзли? Может быть, вернемся?

— Хорошо. Давайте сделаем совсем небольшой круг. Все-таки собак надо выгулять. А потом я заварю нам согревающий чай.

Она смеялась, подставляя солнцу веснушки, была покрасневшими от снега ладошками по юбке, отряхиваясь, а потом вдруг бросилась догонять собак...

Барон улыбнулся. С одной стороны, он бесконечно восхищался ее искренностью, непосредственностью и жизнелюбием. С другой... Барышня упала. Ну, пусть не совсем в его объятия, но в снег. Любая на ее месте вцепилась бы в его руку, делая вид, что не может встать без посторонней помощи, опустила бы смущенно ресницы. Дала понять, как замерзли ее руки, намекая...

Кто угодно, только не она. Вскочила, рассмеялась. Еще и его отряхивала! Да так ловко, он и возразить не успел! Наверное, он не вызывает у нее интереса как мужчина. Странное чувство. Бывший канцлер — слишком завидная партия, не говоря уже о том, что его внешность никогда не давала повода сомневаться в себе. Положа руку на сердце, он привык к легким победам.

— Гав! Гав! Гав-гав-гав!

— Грон! Ну что, дружище? — Барон присел на корточки и потрепал за ушами валльскую пастушью.

Пес укоризненно посмотрел на хозяина: «Старик, я сделал все, что мог! Но вы оба плохо стараетесь! Мы вас свалили в снег? Свалили. Ну, поцеловаться-то можно было? Между прочим, не так уж это было и просто,

как может показаться на первый взгляд. Пернатых уговорить подыграть, рассчитать траекторию... Такая комбинация насмарку!»

— Эльза! Эльзочка... Иди ко мне, красавица!

Эльза прыгала вокруг Агаты, виляя хвостом. На снегу появился узор в форме сердца из собачьих следов, но женщина не обращала на это никакого внимания...

— Эльза! Эльза, лови! — Агата бросила палку.

Вальская пастушья застыла на месте. Как будто чему-то удивляясь. Но секунду спустя собака унеслась, поднимая клубы снега.

— Удивительно. — Писательница и не заметила, как Эрик и Грон подошли к ней.

— Что именно?

— Низерцвейги никогда не бегут за палочкой. Считают ниже своего достоинства.

— Я... обидела Эльзу?

— Ну что вы. Скорее Эльза ведет себя в соответствии с личиной. Вальские пастушья как раз очень уважают подобное времяпровождение.

Эльза прибежала и села у ног Агаты. Аккуратно положила на снег свою «добычу» и снисходительно завиляла хвостом.

«Детка, что на тебя нашло? Я, конечно, тоже хочу помочь этим двум влюбленным, но... Палка?! Ты палку не перегибаешь, прости за каламбур?» — Грон смотрел на Эльзу, наклонив голову набок.

«Да ладно тебе! Не ворчи. Это весело! Мы же вышли, чтоб размяться. Так не все ли равно, как?»

Вдруг собаки насторожились. Стайка черных маленьких птичек вновь появилась в небе. На этот раз их свист был скорее тревожным, чем радостным...

«Грон... Ты тоже чувствуешь?»

«Да... Но хозяину пока ни слова, пусть прогуляются спокойно до поместья, а мы с тобой поторопимся!»

Вальские пастушья унеслись.

— Эрик, вам не кажется, что собаки что-то почувствовали?

— Возможно. Но вам не о чем беспокоиться. Пойдемте.

Он все же предложил ей руку после минутной паузы. Они шли не торопясь в сторону поместья, но чувство беспокойства не отпускало. Слишком быстро исчезли Эльза и Грон.

— Эрик, а вы не знаете, что это за птицы? Такие... маленькие. Летают стайками. Я немного разбираюсь в породах собак, но вот с птицами —

проблема. Из школьной программы совсем ничего не помню...

— Это синехвостые шнапи. Мой учитель, артефактор... Знаете, иногда он и сам говорил, что не понимает, кем является больше — артефактором или орнитологом-любителем. Клетки с птицами, книги. Когда-нибудь я вам расскажу подробнее. Это... удивительный человек! Надеюсь, они с Конрадом поладят.

— Я вам очень признательна за участие в судьбе племянника! Конрад — хороший мальчик. А почему синехвостые?

— Цветные перья в хвосте видны во время брачных игр. Вот только во время боев за самку они друг у друга их выдергивают. Вы не искали в детстве синие перышки на счастье?

— Нет...

Когда до поместья осталось совсем чуть-чуть, к ним вышли собаки. Эрик с Гроном переглянулись.

— Что-то случилось? — Агата побледнела.

— Да. В поместье чужой. Кто-то приехал. Пойдемте, посмотрим. И не переживайте так Вам нечего бояться.

Они пришли. У входа стоял мобиль.

— Агата, подождите, пожалуйста. Я проверю. Эльза, Грон, — охранять!

— Не нужно, Эрик, — Агата, став блее самого белого снега, вцепилась мужчине в локоть, — я... сама. Я знаю, чей это мобиль.

* * *

— Если бы ты знал, мой мальчик! О, если бы только знал, что пришлось вынести твоей семье за все это время!

— Не преувеличивай, мама. Все хорошо. Я вернулся, скоро все наладится. Где Агата?

— Ха-ха-ха-ха-ха! Где Агата? Гуляет со своим любовником! Она открыто живет с ним в твоём доме! Она посадила в тюрьму твоего брата, чуть не убила племянника. Ты знаешь, в нашем доме был взрыв! В доме ее люди под видом прислуги — это же бандиты, Людвиг, ты только присмотришься к ним! Эта змея разорила нас, она вымогает у меня деньги, но и это еще не все!

— Что еще, мама?

— Самое страшное, мой мальчик... Самое страшное! Она...

— И что же я такого сделала, фрау Берта?

Агата вышла в холл.

Людвиг...

Выглядел неплохо. Не такой аккуратный, как обычно, но вполне себе живой и здоровый. В глазах — сомнение. Любопытство. Действительно ли фрау Берта говорит правду? Агата стояла, не в силах пошевелиться. Ей было... Все равно. Она ничего не чувствовала к этому человеку. Хотя... Казалось, ничего не изменилось.

Жесткие волосы на затылке, как всегда, стояли чуть выше остальных. Раньше ей казалось это милым. Забавным. А сейчас? Сейчас почему-то нет. Не кажется! Его живой, умный, всегда немного насмешливый взгляд вдруг потерял все свое очарование. Большая родинка под правым глазом у виска. Как же она его уродует. Странно... Она что, раньше этого не замечала?

— Агата! Это правда?

— Для начала — здравствуй, Людвиг... Может, расскажешь, где ты был все это время?

— Об этом после. Не передергивай! Я хочу знать. Все, что говорит мама, — это что, правда? Агата... Если ты мне все объяснишь, я уверен, мы все уладим.

— Но мы же так и не узнали самого главного. Не так ли, фрау Берта? Что же такого страшного я натворила?

— Ты слышишь? Мальчик мой, ты слышишь? Слышишь, как она со мной разговаривает!

— Агата. Не груби моей матери, пожалуйста. И объясни, наконец, что все это значит? Что происходит? Кто все эти люди в нашем доме? И что за история с твоим... любовником? Этого же просто не может быть!

— Простите, что перебиваю. Господин Людвиг фон Лингер, я правильно понимаю? — Барон вошел в холл, собаки молча сели по обе стороны от Агаты.

Эльза укоризненно посмотрела Агате прямо в глаза: «Ну ты хоть понимаешь, что их даже сравнивать нельзя? Ну посмотри на одного и второго... Разве могут быть сомнения?»

Писательница еле сдержала улыбку, хотя до этого момента не знала — плакать или нет...

— Совершенно верно. А... вы?

— Мое имя Эрик Я и все эти люди, что живут в доме, исполняя обязанности сбежавшей прислуги, призваны охранять госпожу Агату фон Лингер на момент следствия. Вашу жену пытались отравить. Попрошу вас не покидать поместья до тех пор, пока дело не закроют.

— Отравить? — Фон Лингер побледнел.

— Именно. Госпожа фон Лингер, если я вам понадобится, буду у себя.

Эрик удалился вместе с двумя валльскими пастушьими. Поднявшись наверх, где располагались комнаты для гостей, мужчина шепнул:

— Эльза, Грон! Вернуться и охранять. Но так, чтобы вас не заметили...

— Мама, — Людвиг фон Лингер был явно растерян, — мама, пожалуйста. Оставь нас с Агатой наедине. Нам надо поговорить.

— Да о чем ты собираешься с ней разговаривать, Людвиг? Она же...

— Мама! — Голос хозяина поместья сорвался.

Фрау Берта, рыдая и заламывая руки, ушла к себе. Ее жалобные крики еще долго были слышны откуда-то сверху.

— Если ты не возражаешь, Людвиг, пройдем на кухню. Мне нужно приготовить согревающий чай.

— Я не замерз. Сделай лучше от головной боли.

— Я. Я замерзла, Людвиг...

Они долго смотрели друг на друга.

Касс, вытерев руки о свой белоснежный, до хруста накрахмаленный фартук, поспешил удалиться. Агата подошла к шкафу, достала травы, зажгла спиртовку.

— Ты же знаешь, Агата, — голос Людвига стал чуть тише, — я не могу без твоего отвара, когда у меня начинается головная боль! Мать просто вывела меня из себя! И объясни мне, наконец, что происходит? Что это за бред с твоим любовником?

Он сорвал белую салфетку, которой повар с такой любовью прикрыл еще горячие булочки, взял одну и стал жевать, развалившись на стуле.

Агата старалась сосредоточиться на отварах. Один — Людвигу, от головной боли, другой — Эрику, от простуды...

Ей вдруг стало омерзительно. До тошноты. Непонятно почему стало обидно за Касса, солдат, Эрика... Всех тех, кто спас ее. Заботился. Поддерживал. Они так старались вернуть ей жизнь, надежду на будущее. И вот пришел он. Смял салфетку. Схватил булочку...

Всеблагое, да что это с ней? Что за бред она несет?

— Где ты был все это время? — вдруг спросила она.

Отвары должны были настояться. Работать со шкатулкой из кристаллов она сейчас все равно не сможет. Агата смотрела в глаза человеку, с которым ее связывало так много, что в происходящее просто невозможно было поверить! Неожиданно появилась надежда. Надежда и чувство вины. Почему она решила, что он виноват? Может быть, он сможет все объяснить, и тогда...

— Так сложились обстоятельства. Ты просто не знаешь, что наше финансовое положение последнее время...

— Я знаю ВСЕ о нашем с тобой финансовом положении. Ведется следствие. Мне предоставили не только подробный отчет о финансах, но и о том, что ты... живешь с женщиной.

— Аделинда, ну не начинай! Какая женщина?

— Аделинда, я полагаю.

— Откуда ты знаешь? Ты что, следила за мной?

— Нет. Ты только что назвал меня ее именем.

— Я? Да при чем тут это? Я писал книгу! Я надеялся спасти нас с тобой от кризиса! Пойми, мне нужна была новая обстановка! Впечатления! А как ты хотела? Что еще могло подстегнуть вдохновение? Отвар от головной боли?

— И... как?

Агата вцепилась в спинку стула. Даже сесть сил не было. Людвиг стряхнул крошки на пол. Взял еще одну булочку.

— Что именно?

— Вдохновение? Удалось написать что-нибудь стоящее?

— Думаю, да. Мне, правда, нужно, чтобы ты отредактировала текст и...

— Погоди. А как же... другая женщина?

— Да брось, я же тебе все объяснил! Если ты переживаешь, поверил ли я маме, то уверен, она преувеличивает. У тебя — любовник?! Да это просто смешно!

— Почему?

— Что?

— Почему смешно, что у меня — любовник?

Людвиг потер ладонями виски. Он всегда так делал, когда начиналась головная боль.

Агата процедила настой, разбавила молоком до нужной температуры. Положила сахар. Надо же... Руки помнят. Все, как он любит. И чашка его. Синяя. Бросила полотенце в кипятки. Обжигая руки, отжала. Обернула мужу голову.

— Хорошо... Всеблагие, Агата! Ты не представляешь, как я мучился без всего этого!

Несколько минут Людвиг сидел, откинувшись, прижимая горячее полотенце к вискам. Затем с удовольствием отхлебнул чай и повторил:

— Как хорошо! Пойдем наверх... Я соскучился!

— Подожди... здесь, Людвиг.

— Хорошо!

Он остался пить на кухне свой чай, а она побежала вверх. Что-то золотистое мелькнуло под ногами, что-то кричала фрау Берта, ее попытался остановить Ульрих, но она ничего не видела и не слышала вокруг. Она бежала. Вверх по лестнице. К двери справа.

Вдруг стало все ясно и понятно. Как белый снег. Радостно. И... обидно. До чего же обидно! Столько времени потеряно зря. Но она исправит! Сейчас она все исправит...

— Эрик!!!

Ей казалось, она кричит, но из горла вырвался какой-то хриплый свист. Ей казалось, она барабанит кулаками по двери, но руки вдруг стали ватными. Они беззвучно скользили по отполированному дереву...

«Эрик! — мысленно кричала она. — Эрик!!!»

— Гав!

— Гав! Гав! Гав!

Помогли Грон и Эльза. Дверь открылась, и она упала в объятия мужчины.

— Агата! Агата, что с вами?

Вдруг все закончилось. Она снова почувствовала руки и ноги, вернулись голос и... решимость.

Она смотрела на барона до тех пор, пока его личина не исчезла. Обвила руки вокруг шеи. Подставила лицо.

Настоящий мужчина не раздумывает. Настоящий мужчина действует.

Бывший канцлер его величества, артефактор, барон Эрик фон Гиндельберг никогда в своей жизни не был так счастлив.

Они лежали, обнявшись, боясь пошевелиться.

Эрик гладил женщину по спине и морщился. Ее волосы щекотали...

— Апчихи!

— Ха-ха-ха...

— Тсссс! Тихо, любимая...

— Ты простудился! Я заварила чай, но он, наверное, уже остыл. Мы... заснули?

— Не помню...

— А что ты помнишь?

— Счастье... А ты?

— Я тоже... Что это? Ты слышишь?

В дверь гостевой комнаты постучали. Потом еще и еще.

— Агата! Агата, что происходит?

Людвиг фон Лингер барабанил в дверь, то и дело с опаской оглядываясь на двух собак. Псы сидели рядом и буквально буравили его блестящими глазами.

«Слушай, дружище... Ты проиграл. Шел бы ты отсюда, а?» — Грон тяжело вздохнул и лег на пол.

«Какая бестактность! Вы же видите, вам не открывают! Неприлично проявлять такую настойчивость». — Эльза негромко рыкнула.

— Агата! Агата! Ты одна? Открой же! Агата!

— Как ты думаешь, он уйдет? — Барон потянулся за поцелуем.

— Вряд ли... Что будем делать?

— А что бы сделала твоя героиня?

— Сбежала.

— Готова?

— Что?

— Сбежать?

— А... как?

— Одевайся! Только тихо...

Они бесшумно оделись, вздрагивая от стука в дверь и криков. К Людвигу присоединилась фрау Берта, Ульрих пытался что-то им объяснить, стараясь перекрычать звонкий собачий лай.

Когда все было готово, барон достал блестящую пластину, нажал несколько кнопок.

— Майер! Лестницу к моей комнате. Мобиль. И отвлеките всех. Отступление должно пройти незаметно.

Взрыв! Дом не вздрогнул, как в прошлый раз, но хлопок был громким. Вопли. Собачий лай... Солдаты с криками:

— Пожар! Пожалуйста, все выйдите во двор! Ради вашей же безопасности!

— Пошли! — Эрик схватил ее за руку и потащил к окну.

— Подожди! Что это? Там же...

— Это обычная дымовая шашка. Чтобы отвлечь внимание. У нас мало времени. Лингер — военный. Он быстро догадается.

Она никогда в жизни не спускалась по приставной лестнице со второго этажа! Страшно... Ветер. Высоко!

Они прыгнули в мобиль. Какая скорость! Так, наверное, несутся только тогда, когда ловят преступников...

— Куда мы едем?

— К морю.

— Почему?

— А ты не хочешь?

— Хочу!

— Ну вот... Поэтому и едем!

Глава 20

Море...

Больше всего он любил его именно в это время года. Стальное, грозное, холодное. С мокрым твердым песком, пустынными пляжами, пронизывающим ветром.

Конечно, летом море другое. Синее, песок золотой, солнце светит, тепло...

Наверное, женщины больше любят разгар сезона. Корзинки с фруктами, мороженое, соломенные шляпки в цветах. Но свою... Свою! Уже два часа как СВОЮ женщину он почему-то представить в этом образе не мог...

Дул сильный ветер, пробирающий до костей. Эрик нашел в мобиле свое пальто и отдал его Агате.

Она стояла на огромном плоском валуне, в опасной близости от края, раскинув руки и улыбаясь в жемчужное небо. Длинные рукава и развевающийся подол делали ее похожей на ребенка. Маленькая веснушчатая девочка. Его девочка...

— Эрик! Эриииик!!! Иди сюда! Посмотри! Посмотри, какая красота! Как же я люблю море... зимой!

— Агата... — Счастливый, он обнял ее со спины, прижал к себе.

Конечно, она не будет сидеть в шляпке с цветами среди отдыхающих, жалуясь на нестерпимую жару. Она побежит прямо в воду — плавать на спине, подставив лицо солнцу. А оно оранжевой кистью нарисует новые веснушки, от которых баронесса фон Гиндельберг станет милее прежнего...

Женщина извернулась под его руками, забавно и очень явно подставив губы для поцелуя.

— Ветер. — Мужчина с сожалением провел кончиками пальцев по соблазнительным губам. — Потрескаются.

Агата рассмеялась:

— Ты такой правильный.

Он лишь пожал плечами:

— Послушай... вот мы с тобой сейчас...

— Тссс, — она прижала свою ледяную ладонь к его губам, — не надо, Эрик... Пожалуйста, не говори ни о чем! Я счастлива. И я ни о чем не жалею!

— А руки почему такие холодные! — Он закутал хрупкую фигурку поплотнее в пальто и стал растирать ледяные покрасневшие пальчики. — И нос! Нос — почему такой холодный?!

Эрик вспомнил неумную жадность губ, словно ее никто никогда не целовал... Трепетную нежность рук, запрокинутое лицо, счастливые глаза... И сердце сжалось.

Любить! Любить каждый день, до тех пор пока она не согреется, пока не привыкнет к тому, что так будет всегда. Нельзя, невозможно, немыслимо по-другому!

— Агата, я так хочу...

— И я хочу! К тебе...

— Твой муж...

— Эрик, я не шутила, когда говорила следователю Майнцу еще при первой беседе — что буду подавать прошение о разводе.

— Ну... хорошо.

— Он предал меня.

— Ты... не думай о нем...

— Эрик! Нет... Ты же не сделаешь ничего...

— Послушай... То, что я сделаю или не сделаю, — это не должно тебя волновать. Просто... не думай. Он больше не помешает.

Маленькая женщина решительно вывернулась из объятий и рассерженно посмотрела на господина барона:

— Я должна знать!

— Давай договоримся вот о чем. Будущая баронесса фон Гиндельберг знает ровно столько, сколько необходимо для ее благополучия и душевного равновесия.

— Ах... так?!

— И никак иначе. Ты не замерзла?

— А как же... равноправие, партнерство? Любимый человек должен быть мне другом...

— А я твой друг...

— Он должен считаться с моим мнением!

— Считаюсь...

— А... а... А с чего ты вообще решил, что я выйду за тебя замуж?

— А ты попробуй не выйти.

— Что? Да... ты...

Они носились по пляжу. Падали в мокрый песок. Целовались. Агата собирала все, что попадалось на глаза — обточенные волнами стеклышки бутылочного стекла, камни причудливой формы. Карманы от всего этого

стали тяжелыми, а пальто еще длиннее.

— Эрик!!! Эрик, смотри! Ну, посмотри же!

Она развернулась перед ним и стала идти спиной вперед, чтобы удобнее было разговаривать, глядя в глаза.

— Смотри, что я нашла!

— Что это?

— Окулус! — Она с гордостью показала увеличительное стекло зеленоватого цвета в изящной медной оправе и ручкой из недрагоценного камня.

— Ну... это вполне обычный прибор для увеличения. Артефакторы пользуются другими. И потом... Оно зеленое. Это для детей, чтобы рассматривать что-нибудь. Смотреть на солнце.

— Ты не понимаешь! Это... это знак!

— Какой?

— Это чтобы мы друг к другу так относились, понимаешь? Чтобы... Чтобы каждая мелочь — как будто увеличили в сто раз. Чтобы не обидеть...

— Послушай... Ну как я могу тебя обидеть?

— Случайно. Но этого не случится, потому что я нашла вот это! Смотри... Смотри! — Она поднесла стекло к лицу, споткнулась, но он успел ее подхватить.

Прижимая к себе, канцлер понес Агату в машину, стараясь не слушать всякие глупости про увеличенные в десять раз обиды и спасительное зеленое стекло. Поцеловать свою женщину хотелось нестерпимо.

Притянуть на колени, найти ее губы: сладкие, манящие. Удивиться — как он раньше жил без этого. Испугаться — он же не сможет без этого жить...

— Давай уедем, — выдохнул он в пахнущие морским ветром волосы, — прямо сейчас. Развод я тебе и так вытребую. Поместье — если ты его захочешь — выкупим у Лингеров. Пожалуйста...

Она лишь отрицательно покачала головой.

— Нет, Эрик. Нет. Если я исчезну, это спугнет преступников. И мы можем так и не узнать, кто они. А за мной все равно придут. Я не хочу всю жизнь жить в страхе. Оглядываться. И потом... Возможно, поместье Лингеров сейчас самое безопасное место. Любая передислокация жертвы, даже ради ее же собственной безопасности, — на руку охотнику. А еще — мы влюблены. Нас захлестнули эмоции, а значит, мы уязвимы.

— Плохо, когда твоя женщина мало того, что пишет остросюжетные романы, так еще и обладает незаурядным аналитическим умом.

— Это был комплимент, или мне обидеться? — задрала подбородок Агата.

— Я тебя люблю, — сказал он. И вздрогнул от того, насколько это естественно и правильно прозвучало.

Агата погладила его по щеке, прижалась к нему всем телом и прошептала:

— И я... Тоже. Очень. Очень-очень тебя люблю...

* * *

Если уж его маленькая смелая женщина приняла решение, надо было возвращаться.

— Я проберусь к тебе в спальню. Ночью, — грозно сообщил он.

— Буду ждать! — улыбнулись рыжие веснушки.

Они почти всю дорогу молчали. С одной стороны, было жаль возвращаться в реальность, с другой...

— О чем молчишь? — Эрику нестерпимо захотелось вновь услышать ее голос, даже если она продолжит теорию влияния зеленого увеличительного стекла на их будущие отношения.

— Вспоминаю Эльзу и Грона. Насколько они умнее нас с тобой.

Что мог ответить бывший канцлер королевства Отторн? Только кивнуть, на этот раз соглашаясь со своей спутницей полностью, без тени иронии.

* * *

Стоило им заглушить мобиль, как навстречу выбежали собаки:

— Гав! Гав!

— Гав! Гав! Гав!

«Вот что это за безобразие! Почему без нас? А безопасность? О чем только думали, сладкая парочка, а?» — надрывался Грон.

«Сколько ждали! Вот... Все самое интересное, самое романтическое и... мимо! Как же так? Нам же тоже интересно!»

Грон, услышав такое, даже замолчал.

Потом уселся и внимательно посмотрел на подругу, дескать, «ну ты, мать, даешь...».

«Да они все равно ничего не понимают! И даже если соображают, то

очень медленно».

«Ну... как показывают последние события, все же не совсем».

— Гав! Гав! Гав!

— Гав! Гав!

— Эльза! Грон!! — бывший канцлер бросился обнимать своих любимцев.

Агата хохотала, целуя по очереди самых умных существ на земле.

«Ты смотри, что творится, а? И стоило столько мучиться? Как же у этих несчастных людей все сложно». — Эльза улыбалась, подмигивая Грону.

«Думаю, нам с тобой сегодня пировать! Сейчас они будут по очереди бегать за нами с яблоками! Счастьем делиться! Спорим на твою долю?» — Грон старательно вилял золотистым хвостом.

«Вот еще! Зачем же мне спорить, когда ты абсолютно прав!» — Эльза лизнула Агату в щеку.

«А почему?» — Грон победоносно посмотрел в янтарные глаза подруги.

«Потому что ты самый умный и самый красивый!» — уткнулась Эльза в золотистую шерсть.

— Агата! — раздалось с крыльца. — Объяснись, пожалуйста. Что происходит?! Куда ты исчезла? Почему на тебе это пальто?!

Женщина медленно подошла к дому. Поднялась по ступенькам. Вплотную подошла к мужчине. Выпрямилась. Вдохнула, глубоко, с силой втянув в себя воздух. Сжала кулаки под длинными рукавами пальто. Хорошо, что не видно.

Подошел Эрик. Они переглянулись.

«Нет, — прочитал он в ее глазах. — Это мой разговор».

— Эльза, охранять! — приказал барон и нехотя исчез в доме.

Раз она хочет поговорить с бывшим мужем наедине, так тому и быть. Он же побеседует с Людвигом фон Лингером позднее. С глазу на глаз...

— Да о чем с ней разговаривать! Гнать ее надо из дома! — раздался из-за двери визгливый голос.

Собаки зарычали.

— Уважаемые фон Лингеры, — тихо, но так, чтобы было слышно, мягко, почти с нежностью проговорила Агата, — разговор о том, чей это дом, мы будем вести лишь после того, как на мой счет вернутся деньги, оставшиеся от родителей. А пока... Я — не заявляю в полицию. Вы — ведете себя прилично. Надеюсь, мы договорились.

— Может быть, тебе все же стоит вспомнить о приличиях? —

прошипел Людвиг.

— Думаю, нет. Оно того... не стоит!

— Господин Эрик! — распахнулось окно чердака. — Две машины на подъезде к дому.

— По местам! — скомандовал Эрик. — Агата, в дом!

— Агата! Что происходит? — Людвиг попытался схватить жену за руку, но грозное рычание собак заставило мужчину отпрыгнуть.

Эльза растянулась на полу подле той, что признала за хозяйку, всем своим видом показывая, что порвет любого. А некоторых «любых» порвет с удовольствием.

Грон сидел у входа в подвал, куда по распоряжению Эрика были вынуждены спуститься все обитатели поместья, за исключением солдат. Пес снисходительно смотрел на происходящее: «Знаешь, Эльза... Не думаю, что хозяин рассердится, если ты его все-таки укусишь... Ну, может, совсем чуть-чуть. Давай я, а? И всю вину на себя возьму?»

Эльза с восхищением посмотрела на друга: «Не стоит, милый. Мало ли что там наверху случилось. Вдруг наша помощь понадобится? Надо быть в форме. Так что не рискуй здоровьем. Нечего брать в рот всякую гадость».

«И то верно». — Грон лег, не сводя внимательного взгляда с Лингера. Мало ли что... Пусть только дернется!

Агата огляделась. Подсобные помещения было не узнать!

Новая дверь поражала своей массивностью. Словно вела она не к вареньям-солениям, а как минимум берегла королевские реликвии! Стены облицевали деревом. Отгородили ту часть, где некогда прятался Конрад, огнеупорной стеной. Судя по восторженным звукам, что доносились оттуда, Агата поняла, что Эрик распорядился оборудовать мальчику лабораторию.

Эрик... Мысли о нем отбросили на второй план все происходящее. Осталась лишь тревога — что там происходит и все ли с ним в порядке. Ему пора пить лекарства. Она вдруг почувствовала, какое это счастье, готовить ему лекарство...

— Почему нас заперли в подвале? — спросил Людвиг, усаживаясь в кресло. Фрау Берта опустилась на один из диванчиков, что стоял посреди помещения.

Вернувшись к реальности, стараясь, чтобы сердце так бешено не билось от недавно случившегося, Агата продолжала разглядывать подвал. Полки с припасами. Вина. Все на своих местах. Идеальный порядок! Касс просто волшебник. Даже мягкая мебель появилась. Не слишком громоздкая, правда, но очень уютная. Правда, не рассчитана на габариты фрау Берты.

Писательница с сочувствием покосилась на диванчик.

Вилла стояла у противоположной стены, делая вид, что прислушивается к возне Конрада в лаборатории. На самом деле она просто не знала, куда сесть. Людвиг развалился в кресле, не обращая внимания на то, что сестра стоит, никакого внимания, а бедный диванчик явно не выдержал бы двоих. Агата подвинулась, сделав еле заметный пригласительный жест.

Они с Виллой кое-как угнездились на одном кресле.

— Агата! Может, ты, наконец, объяснишь... — начал Людвиг.

— Мы на осадном положении, — вздохнула Агата, понимая, что игнорировать просьбы мужа ввести его в курс дела она больше не может. — Сначала меня пытались отравить. Как раз тогда, когда ты... исчез. Потом на нас с Эриком напали. Мы чудом остались живы. А теперь — два незнакомых мобиля, поэтому объявили тревогу. Эрик и солдаты охраняют меня и дом.

— Глупости все это, чушь! — насмешливо посмотрела на невестку фрау Берта. — Сама-то подумай! Кто ты такая? Кому ты нужна?

— Вам же зачем-то понадобилась, — грустно улыбнулась она свекрови.

— Что? О чем это ты? — Людвиг не сводил с жены непонимающего взгляда.

Было видно, что мужчина никак не ожидал попасть в этот театр абсурда! Он вернулся, чтобы жена, как всегда, поработала над текстом. Бросилась, как герою, на шею. Сделала ему чай от головной боли. Нет, чай она, конечно, сделала, но...

— Перед тем как ты исчез, фрау Берта пыталась меня отравить. Хорошо, что твоя мама понятия не имеет, чем ядовитые растения отличаются от просто вредных.

— Очень жалею, что так получилось, змея подколотая! — прошипела дама.

— Мама!

— Вы не жалеете. Вы — радуйтесь, потому что так вами будет заниматься психиатр, а в противном случае — это был бы уголовный розыск.

— Агата! Прекрати немедленно угрожать! И... верни маме чек! Что ты удумала! Это же моя семья!

— Ты совершенно прав, Людвиг. Это ТВОЯ семья.

— Что ты такое говоришь?

— Правду. Ульрих — игрок. Фрау Берта его покрывает. На своем

состоянии она экономит. А тебя — не жалко.

— Не смей!

— Все деньги, что мы заработали, ушли на оплату карточных долгов твоего младшего брата. Те, что ты давал Вилле. Те, что лежали на моих личных счетах. Те, что нам заплатили за книги. Все, Людвиг! Все!

— Постой. Но... Вилла?

Бледная старшая сестра кинула быстрый взгляд на мать, но собралась с силами и кивнула.

— Это правда, Людвиг. Деньги нужны были не мне. Я боялась открыть правду...

— Предательница! Забыла, чем я все это время держала тебя за горло? Раз так, я всем расскажу, что твой...

— Прекратите! — схватилась за голову Агата.

Вилла задрожала. Но решилась:

— Рассказывайте, мама. Мой сын все знает. Конрад уже вырос. Он талантливый артефактор. У него большое будущее! Он понял меня и простил. Мой законный муж тоже знает. И он не отказывается от ответственности, несмотря на то, что особой близости с сыном у него никогда не было.

Агата не могла оторвать глаз от бледного лица Виллы. В свете спиртовок, что горели по углам, ее лицо вдруг стало... прекрасно. Как будто... сбросило личину! Личину скорби, отчаяния. Боли и страха. Сколько же она натерпелась за все это время.

Раздался звук разбитого стекла. Все вздрогнули и повернули головы. Конрад разбил одну из своих пробирок. Юноша стоял бледный, но не испуганный, и смотрел на мать. Агате вдруг стало жарко в холодном подвале. В этом взгляде было все — любовь, прощение, забота. Конрад уже не ребенок. Он — мужчина, готовый защищать то, что ему дорого, — мать.

— Людвиг! Людвиг, почему ты молчишь?! — Фрау Берта, понимая, что теряет рычаги управления, бросилась к сыну за помощью.

— Я знал, мама, — опустил голову Людвиг.

— Людвиг! Ты?! Ты... знал?

— Мама, как ты могла! Я же был уверен, что спасаю сестру.

— Но брату тоже нужна твоя помощь!

— Фрау Берта считает, что только младший заслуживает доброго отношения. Старших можно унижать или разорять!

— Агата, прекрати! Я тебя просто не узнаю!

— Люди, после того как их предают, бросают и пытаются убить, очень меняются.

— Перестань! Тебя никто не бросал! Я не бросал! Я... — Он сжал виски ладонями.

Агата вздохнула. У Людвиг может начаться мигрень. Надо сделать отвар. Не хочется... Неужели она действительно так сильно изменилась? Куда делось ее сострадание? Желание помочь? Наверное, в ней просто говорит обида. Желание отомстить. Это не дело. Надо попросить Касса спустить ей все необходимое.

— Вилла, — поднял Людвиг бледное, измученное лицо, — я же знал... Почему ты мне не сказала?

— Ты знал. А сын — нет... Я боялась.

— Да кого ты слушаешь, Людвиг?! Падших женщин? У твоей сестры — незаконнорожденный сын, у твоей жены — любовник! Кого ты слушаешь, я тебя спрашиваю?! Ты должен слушать меня! Меня! Я — мать! — не смогла удержаться фрау Берта.

Агата рассмеялась про себя: любовник! Кто бы мог подумать, что она когда-нибудь будет настолько счастлива от того, что так низко пала!

— Мама, ну что ты такое говоришь? Агата — и любовник... О чем ты...

Агата с трудом заставила себя сдержаться. Муж говорил о ней с таким пренебрежением... Захотелось встать, дать пощечину, бросить правду ему в лицо! Но нет. Не сейчас. Это разговор для двоих. Да и свекрови она такого удовольствия не доставит.

— Ты никогда не слушаешь меня, Людвиг!

— Как выяснилось, я слишком хорошо тебя слушал!

— Да как ты... смеешь! Ты! Щенок!

— Мама! Замолчи! Замолчи хоть на минуту!

На какое-то время и правда наступила тишина. Конрад встал за спиной матери, положив ей руку на плечо. Было слышно, как шипят спиртовки. Людвиг посмотрел на жену долгим, испытывающим взглядом.

— Так... тебя неудачно отравила мама?

— И это тоже. Однако была еще одна попытка. Более удачная.

— Но ты...

— Как видишь. Я жива. Мне повезло, мимо проходил очень хороший военный врач.

— Военный?

— Меня отравили не простым препаратом. Но все вопросы к следователю Майнцу. Я устала, Людвиг...

— То есть если я правильно понимаю... На тебя ловят, как на живца. Ты попросила за это что-нибудь, я надеюсь? Заплатить долги по поместью?

— Я попросила... развод.

— Что? — вскочил Людвиг. — Да как ты до этого додумалась!

— Ты же как-то додумался меня бросить. Со всеми проблемами, что возникли! Ты просто удрал! К другой женщине! — Слезы брызнули, но не от того, что муж до сих пор был ей дорог, а от того, что сорвалась, не выдержала...

Страх, боль и обида всех этих дней вдруг навалились разом, вместе с неожиданным да негладным счастьем. Оказывается, счастье — тоже больно. Страх потерять любимого человека, не оправдать его ожиданий... Что сказал бы Эрик, если бы увидел, как она вышла из себя? Он бы вспомнил ее героиню. Разведчицу. Хладнокровную. Не чета ей...

Агата так задумалась, что не сразу услышала, что кричит ей в ярости Людвиг:

— Аделинда искренне любит мое творчество! Она чудо! С ней рядом нет проблем! Рядом с ней пишется! И...

— И что же ты вернулся?

Людвиг замолчал.

— Чтобы я вычитала рукопись? Подготовила ее к изданию? И такой мелочи, как обычно, никто бы и не заметил?

— Фон Бикк уже видел рукопись. Я привез ее с замечаниями.

— То есть у владельца издательства ты уже побывал?

— Он считает, что после редакции это будет шедевр!

— Моей редакции, полагаю?

— Агата, я тебя не понимаю...

— Сейчас поймешь, Людвиг. Я хочу развод — это раз. Как редактор, я стою недешево — это два.

— Ха-ха-ха-ха-ха... Да кем ты себя возомнила? Ты себя слышишь?

— Я — да. Услышь и ты меня. Пожалуйста. Можешь вычитывать рукопись с кем угодно. Хоть с фрау Бертой, хоть с Аделиндой. Но не со мной.

— Как ты можешь... Предать все, что у нас было?

Агату просто затрясло. Она вскочила, но тут тяжелая дверь отворилась, впуская слепящий глаза свет. На пороге стоял растерянный Касс с подносом, на котором... ничего не было:

— Госпожа Агата... там... пришли. Велели подать поднос. И... вот.

На огромном подносе (Касс обычно оставлял на нем свежие булочки) лежала маленькая карточка. На глянце плотного картона золотыми буквами было выведено: Аделинда фон Генгебах.

Глава 21

Эрик прикрыл глаза. Низерцвейги в подвале, но это не так уж и далеко. Он их чувствует. Собаки напряжены. Не более. Солдаты рассредоточены по основным позициям вокруг и внутри здания. Все вооружены. Каждый — профессионал. Он сам тщательно подбирал команду. Просматривал личные дела.

Дорогой мобиль стоял возле поместья. Минута. Еще одна. Ничего... Агата и остальные обитатели дома в подвале. Что бы ни случилось, они не должны пострадать. С кем именно сейчас придется столкнуться?

Все это время он каждый день анализировал имеющуюся информацию. Подключал связи, а они у него были. Но... ничего. Ни одной личности вокруг этого темного дела, которая хоть как-то могла быть связана с «Водяной Смертью». Возможно, сейчас что-то...

Дверца мобили открылась. Высокий мужчина вышел, обогнул черный сверкающий корпус последней модели и помог... Не может быть. Женщина?

Он уже решил, что это подруга Виллы или фрау Берты, а может, любовница Ульриха, и такой переполох подняли зря, но чем ближе подплывала к дому богато одетая женщина, тем больше бывший канцлер чувствовал, что что-то тут не так.

— Спрячьтесь! — приказал он солдатам. — Не высовываться! Ганс, Касс, вы должны встретить даму по всем правилам.

— Это... как? — Касс побледнел.

— Ну не знаю... Приготовь поднос для визитной карточки! Из подвала никого не выпускать! Пока ничего не ясно, будем тянуть время. Ганс, встречаешь, но с задержкой. Дай мне несколько минут.

Барон спрятал огнестрел, усилил артефакт личины. Вышел с черного входа для слуг. Сделал вид, что занимается садом, выбрав место, откуда будет хорошо видно лицо незнакомки.

Дама медленно шла по аккуратно посыпанной песком центральной дорожке сада, стараниями солдат содержащимся в идеальном порядке. Плавные движения, горделивая осанка, дорогая ткань платья модного покроя. Аристократка. Плотная вуаль скрывала лицо, но силу кристаллов не скроешь. На женщине, что решила нанести визит семейству Лингеров, было несколько очень мощных артефактов. Эрик знал эти артефакты... Более того, один из них делал лично. Не может быть... Откуда? Как?

— Дзинь-дзинь. — Дама раздраженно позвонила в колокольчик, явно недовольная тем, что слуги не вышли встречать немедленно, согласно статусу посетителя.

Никто не отозвался. Молодец, Ганс! Женщина окинула взглядом сад. Барон пригнулся, чтобы она его не заметила. «Ну же... Подними вуаль!»

Будто услышав его мысли, затянутые в перчатки пальчики изящным быстрым движением тронули прозрачную ткань... Всеблагое... Не может быть! Но ведь не было информации... Убить мало Майнца и весь его отдел...

Дверь открылась.

— Простите за задержку, мадам. — Ганс поклонился.

— Мне необходимо видеть госпожу Агату фон Лингер.

Бросившись через черный ход к подвалу, барон столкнулся с поваром, что спешил навстречу уважаемой гостье. Касс, желая угодить, неизвестно где достал массивный серебряный поднос (видимо, фамильное наследие Лингеров), который с диким грохотом выпал у солдата из рук и упал на пол.

— Господин ба...

— Тихо! — Эрик зажал несчастному рот с такой силой, что Касс покраснел.

— Слушай меня внимательно. Тяните время! Предложи ей что-нибудь. Чай. Вина. Мне нужно предупредить Агату! И еще... Будьте осторожны. Эта женщина опасна. Вызовите еще людей. Пусть будут поблизости, но без моей команды в поместье не суются. Понял?

— Да, гос...

— Выполнять!

* * *

Будто сытая, ленивая кошка с полузадушенным мышонком играло с канцлером прошлое. То прижмет, то отпустит. Хочешь побыть землевладельцем? Прогулки с собаками, бифштекс средней прожарки в обед, бокал вина у камина вечером, артефакторика по ночам в прекрасно оборудованной лаборатории. Одиночество. Тишина. Пожалуйста! Ты заслужил передышку. Вот только... ненадолго.

Кем он возомнил себя? Частным сыщиком? Смешно... Он — бывший канцлер. Безжалостный убийца среди таких же безжалостных убийц.

Чоу погибла из-за того, что ее постоянным клиентом был канцлер

Отторна. Казалось бы, кому было дело до обычной портовой проститутки? Нашли. Завербовали. Приказали убить его. Но она этого не сделала.

Они убили ее, как только он ушел. Он никогда не забудет этой ночи. Ее глаз. Она прощалась ним. Тихо. Безропотно. А он-то был уверен! И в своем инкогнито. И в ее безопасности. Считал себя всемогущим...

Это его боль, его вина. Смерть, в которой виноват только он. С тех пор он... поклялся, что больше не допустит.

Но судьба решила по-другому. Разведчицы. Слишком много знающих, молодых, очаровательных, романтических и прекрасно подготовленных на убийство и соблазнение девушек просто нельзя было оставлять в живых. И он кивал, соглашаясь. Но когда решено было убрать Невидимку — взбунтовался. Подключил связи, использовал все свое влияние и оставил девочке жизнь.

Островитянка. Талантливая. Его артефакты отзывались на ее кровь. Чуть раскосые глаза, приплюснутый носик, широкие скулы. Нет, они не были близки. Оба понимали, что это... слишком опасно.

Он не смог подписать ей смертный приговор. Черная папка с кристаллом, вызывающим иллюзию, под номером восемь дробь четыре до сих пор стояла перед глазами...

Адель-Невидимка. Легенда. Никто не знал, кто ее родители, известно лишь, что по описи незадолго до войны она прибыла в Отторн в поисках работы. В ее деле самая скромная биография происхождения и самая богатая — непосредственно деяний. На ее счету не одно серьезное, рискованное задание, выполненное разведчицей с блеском. Никаких следов. Ни одного провала. Проведенные операции реализованы безукоризненно и с особой жестокостью. Адель-Невидимка никогда не оставляла информатора в живых. И хотя это допускалось в крайних случаях, но обязательным не было. Все-таки чем меньше следов, тем... Но Адель следов не оставляла.

* * *

— Как прикажете доложить? — Ганс неуклюже поклонился.

— Всеблагое... что за манеры? Скажите, милейший, вы давно работаете в этом доме? — Узкие глаза снисходительно окинули обстановку, которая явно не удовлетворяла изысканному вкусу гостя.

— Я, мадам, да... нет... — Ганс совсем растерялся, и посетительница решила ему помочь.

— Подайте поднос, я передам визитку. Живее! — проявила нетерпение гостья.

Из двери вынырнул Касс, быстро вытирающий огромный начищенный поднос. С поклоном протянул гостье. Она обронила карточку с золотыми буквами.

— Позвольте, я провожу вас в гостиную.

Ганс провел гостью. Закрыл за собой дверь.

— Не желает ли чего-нибудь уважаемая госпожа? Может быть, чай?

— Подайте мятной воды.

* * *

Жуткий, режущий уши звон с кухни выдернул барона из воспоминаний. Касс, весь красный, обогнал его и бросился с огромным, обо все задевающим серебряным подносом, на котором лежала визитная карточка, к подвалу. Эрик жестом приказал не закрывать дверь и прислушался к тому, что будет происходить внизу.

Вдова Аделинда фон Генгебах желают видеть госпожу фон Лингер. Лично. Это значит, что именно она последнее время являлась покровительницей литературного гения современности, автора детективных историй про агента фон Церга. Все сходится. Вот она. Личность, с которой можно связать такой секретный препарат, как «Водяная Смерть». С Невидимкой можно связать что угодно. Однако он должен убедиться в том, что все именно так, как он думает. Доказательства не заставили себя ждать. Через минуту он услышал то, что хотел. А именно визгливый голос фон Лингера, шею которого нестерпимо захотелось свернуть сию же секунду...

* * *

— Это ко мне! — Людвиг подскочил, будто ужаленный, и вырвал карточку из рук Агаты. — Эээ... наверное, от издательства. Подожди меня здесь!

— Сожалею, — Касс преградил мужчине путь, — но гостья ясно дала понять, что желает видеть именно госпожу Агату фон Лингер.

Повар в своем белоснежном накрахмаленном фартуке выглядел очень грозно. Агата улыбнулась. Вспомнила тех, кто рядом. Касс, Ульрих, Ганс,

Густав и Майер. Следователь Майнц и доктор Фульд. Верные Грон и Эльза. Эрик...

Она вдруг почувствовала, сколько людей делают все для того, чтобы вернуть ее разрушенную жизнь на место. И делают они это искренне. С любовью.

* * *

— Уволен! — Громкий голос Людвиг заставил Агату вздрогнуть.

Она не сразу поняла, в чем дело, а когда поняла, заговорила тихо, но твердо:

— Не ты нанимал этого человека, Людвиг. Не тебе его увольнять.

— Допустим, но Аделинда приехала ко мне!

— Аделинда? — Агата посмотрела на мужа, затем, кивнув Кассу, взяла с подноса карточку и вышла.

— Агата! Ты не...

Дверь за хозяйкой довольный накрахмаленный повар закрыл перед самым носом господина фон Лингера.

— Касс, пожалуйста, побудьте здесь. Проследите, чтобы оставшиеся в подвале обитатели поместья не перегрызли друг друга... Эрик!

— Тсссс! — теплая ладонь накрыла лицо.

Касс открыл было рот, но, поймав на себе убийственный взгляд барона, исчез. В то же мгновение со стороны кухни раздался грохот — злополучное фамильное серебро Лингеров снова выскользнуло из рук.

— Агата... любимая, послушай меня. — Он взял ее голову в ладони, быстро проговорил то, что она должна сделать, и, ничего не объясняя, поцеловал.

Агата судорожно ловила ртом воздух. Вот ведь... Чуть не задушил! Сумасшедший... Голова кружилась, сердце билось от счастья, карточка с золотыми буквами смялась, упрямый локон выбился из без того пострадавшей от прогулки у моря прически. Но выхода не было — надо было идти на встречу с... как ее... ах да, вот тут написано: «Аделинда фон Генгебах».

* * *

— Простите, долго мне ждать? Это, в конце концов, неприлично.

Госпожа фон Лингер таким образом показывает мне...

— Что вы, конечно, нет! — Ганс, как мог, пытался успокоить гостью. — У нас... возникли некоторые сложности в хозяйстве... К сожалению, решение вопроса требует личного присутствия хозяйки дома, и...

— Хозяйки дома? О чем вы? Этот дом принадлежит господину фон Лингеру. Странно, что вы не в курсе...

Солдат вытер платком выступивший на лбу пот. Он не знал, как себя вести. Эта богато одетая, ухоженная дама с мягким, властным голосом, гордой осанкой (сразу видно — настоящая аристократка) и перстнями на пальчиках явно пыталась устроить скандал. Он не хотел конфликтов, и потом, барон приказал тянуть время. Вот он и старается. Тянет. Но лучше бы госпоже Агате поторопиться! Потому что...

— Добрый день, — появилась наконец хозяйка поместья, — госпожа фон Генгебах?

— Именно. Я отправила вам карточку. Надеюсь, вам передали. В этом доме отвратительная прислуга! Такой не место в приличном доме.

— Простите, но я довольна моими людьми и не нуждаюсь в вашей оценке. Чем обязана?

Повисла пауза. Женщины молча разглядывали друг друга. Наконец госпожа фон Генгебах заговорила:

— Вы, должно быть, догадываетесь. Не так ли? Может быть, не будем ходить вокруг да около? Перейдем сразу к делу?

— Я не имею ни малейшего понятия о цели вашего визита, госпожа фон Генгебах. Присаживайтесь.

— Благодарю, — ответила дама и изящно пристроилась на краешек стула.

— Чаю?

— Нет, спасибо.

— Итак, я вас слушаю. — Агата улыбнулась гостье.

— Ваш супруг.

— А что с ним такое?

— Все это время он был со мной.

— Мой муж писал книгу. Он уехал из города в поисках вдохновения! И даже если он и был у вас, не обольщайтесь. Людвиг всегда возвращается. Я — единственная женщина, которую он любит!

— Я представляла вас совсем другой, — неожиданно проговорила гостья.

Аделинда фон Генгебах посмотрела Агате в глаза. На какое-то время

все мысли вылетели у писательницы из головы. Захотелось спать. А потом вдруг она почувствовала к этой женщине, сидящей напротив, такую симпатию... Она не может сказать, какое у нее лицо, но наверняка очень доброе... Она, наверное, замечательно умеет слушать...

— Гав! Гав! Гав!

Лай со стороны кухни заставил ее вздрогнуть и вспомнить, что происходит. Посетительница же, как оказалось, собак не любила:

— Неужели вы держите собаку в доме? Хотя... С такой прислугой больше ничего не остается...

— Простите, но я уже сказала вам, что в подобных замечаниях не нуждаюсь. — Агата пришла в себя, как будто кто-то заботливой рукой снял с глаз искусно наведенный морок.

— Простите меня, госпожа фон Лингер. Действительно, невежливо с моей стороны... А какая порода собаки?

— Вальская пастушья.

— У вас только одна собака?

— Две. Вы говорили?

— Ах да. Я сказала, что представляла вас себе совсем по-другому. Вы выглядите лучше, чем... я ожидала.

— В каком смысле? — насторожилась Агата.

— Я подозревала, что затяжная неизлечимая болезнь — не что иное, как шантаж. Попытка удержать Людвиг подле себя.

— Болезнь?! Но я не...

— Милая, таким образом мужчину не удержать. Письмо о том, что вы умрете, если он не вернется, — это было жалко. Унизительно. Неужели у вас совсем не осталось гордости? Вы не производите впечатления сумасшедшей, хотя Людвиг... Но не будем об этом. Научитесь проигрывать достойно, мой вам совет.

— Никаких писем я не писала, госпожа фон Генгебах. Если Людвиг вернулся назад, то это не потому, что его шантажировали.

— Что вы хотите этим сказать? — Женщины, не сговариваясь, вскочили со своих мест, и далее их словесный поединок продолжался уже стоя.

— Правду. Людвиг любит меня. Он вернулся домой. К семье и женщине, которая является его законной супругой. Мне жаль. Но, как вы правильно только что выразились, проигрывать надо достойно. Я вас больше не задерживаю.

— Что? — Госпожа фон Генгебах посмотрела на Агату так, будто у той отросла вторая голова.

— Людвиг любит меня. Он останется со мной.

— Вы лжете! Где он? Я хочу его видеть!

— Это невозможно!

— Вы... вы удерживаете его силой! Неужели вы не понимаете, что губите талант? Людвиг — гений! Вам не подрезать ему крылья! Я этого не допущу!

— Повторяю. Я вас больше не задерживаю.

— Дайте мне с ним поговорить! Одну минуту! И если он скажет, чтобы я ушла, вы меня больше никогда не увидите. Обещаю.

— Сожалею, но это невозможно, госпожа фон Генгебах.

— Где он? Он здесь? В доме?

— Он в подвале. — Агата искренне сказала правду и только потом поняла, насколько абсурдно это прозвучало. Повисла пауза.

Юбка Аделинды ядовитой змеей шипела по паркету. Дверь за женщиной, которая больше не проронила ни слова, закрылась абсолютно бесшумно, отчего по позвоночнику липким холодом пробежал страх. Агата не могла пошевелиться. И только когда Эрик с грохотом открыл дверь в гостиную (никогда она так не радовалась громкому звуку!), женщина без сил опустилась в кресло.

— Как ты?

Агата подняла на него совершенно измученный взгляд.

Он вытащил любимую из кресла, усадил к себе на колени и крепко-крепко обнял:

— Агата, ты умница! Ты была великолепна!

— Я... все сделала... правильно? — От напряжения на бледном веснушчатом личике выступили слезы.

— Может, подать что-нибудь? — неожиданно решился спросить Касс.

— Да. Что-нибудь. И вина. Мы будем наверху.

— Мне надо сделать тебе лекарство, и... — Агата встала, сделала несколько шагов и упала, подхваченная бароном.

— Касс! Ульрих! Ганс! Эльзу и Грона ко мне! — Барон отдавал приказы, а сам бежал со своей драгоценной ношей наверх, в спальню.

Положить на кровать, приставить охранять собак, а самому... Куча дел. Надо все подготовить. Если он правильно все понимает, развязка близка. Только бы разобраться со всем этим до конца, а там он ее увезет. Куда? Не знает. Но он не допустит, чтобы с ней что-нибудь случилось. Он уничтожит всех, кто может так или иначе принести вред Агате фон... Агате. Его Агате. И если после того, как он уничтожит всех, опасность будет исходить от него самого — он уничтожит сам себя.

Политика. Заговоры. Ложь. Ревность. Жадность и зависть. Все это не должно коснуться растрепанной женщины с веснушками, что раскинула руки, приветствуя море. В его пальто. Огородное пугало — душа нараспашку. Вот она я! Агата фон Лингер. Меня предал муж, меня пытались отравить, пользовались моим талантом, потом обокрали, но я люблю этот мир и дарю ему свое сердце! Дурочка. Какая же... дурочка!

— Эльза...

— Гав! Гав! Гав!

— Агата! — Оказывается, пока он приник поцелуем к холодным пальчикам, пришли собаки, и женщина очнулась.

— Эрик... Эрик, я не понимаю...

— Тихо. Тихо, любимая. Я все тебе объясню.

Грон просто буравил хозяина взглядом: «Ты нас позвал зачем? Мы тебе должны помочь ей что-то объяснить? Уверен, что сам не справишься? Может, нам уйти, а? Мы с Эльзой не обидимся...»

— Эльза, Грон! Охранять!

— А ты... — Агата приподнялась, но тут же снова откинулась на подушки.

— Отдыхай. Я скоро. С тобой будут собаки, Ульрих, Касс и Ганс. Потерпите, госпожа фон Лингер! Скоро вы все узнаете!

— Женщины не так любопытны, как вы думаете, господин барон.

На бледном веснушчатом лице мелькнула слабая, но все же улыбка.

— А что с остальными делать? — Ганс поймал барона уже в дверях.

— То есть?

— Они же так и сидят в подвале.

— Ну и пусть сидят! Целее будут. Ваша задача — оберегать госпожу Агату. Я скоро вернусь.

* * *

— Господин следователь?

К Майнцу заглянул молодой помощник, вчерашний стажер.

Мальчишка ему нравился. Толковый.

— Что тебе, Пауль?

Майнц отложил отчет для прокурора о профилактике преступлений, который мучил вот уже без малого два часа, потер глаза тыльной стороной ладони и с наслаждением потянулся до хруста в кости.

Парень мялся на пороге.

— Говори!

— Я по поводу того дела о пропавшем писателе.

— Да, да... проходи. — Майнц тяжело вздохнул.

Если бы бывший стажер знал, как ему эта история не нравилась! За столько времени они и на шаг не приблизились к разгадке! И каждый день ждали, что «Водяная Смерть» где-то объявится.

— Меня насторожило, что писатель явился домой в том же самом автомобиле.

— Погоди... В каком «том же самом»?

— Который мы обнаружили после его исчезновения. Я проверил регистрационные номера используемых кристаллов. Они совпадают.

— Точно... — Майнц снова потер глаза. — И как я это упустил?

— Он ведь должен был быть у нас, верно?

— Верно, Пауль. Не томи — кто распорядился?

— Сержант Кромм.

— Тааак...

Майнц ударил ладонями об стол, встал и подошел к окну. Как же он позволил обвести себя вокруг пальца? Сержанту было поручено узнать, куда исчез писатель. Именно он привез вести о том, что Лингер сидит в домике под столицей с нанятой стенографисткой. Справка о личности той самой стенографистки лежит у него на столе. Ничего интересного. Студентка филологического факультета Оклеровского университета. Единственная дочь. Отец — библиотекарь, сотрудник Большого Архива. Вдовец.

— Я съездил в тот городок возле столицы, — прервал его мысли Пауль.

— И?

— Лингера там никогда не было. Госпожа Ева Беккер понятия не имеет, кто он такой. Более того, девушка не считает приключения агента фон Церга стоящими ее внимания. Предпочитает более серьезную литературу. Адама Иттена, например, или...

— Хорошенькая?

— Простите?

— Хорошенькая, говорю? Ева эта? Мне ее литературные пристрастия ни к чему! Можете говорить о литературе сколько угодно в нерабочее время. След ложный — это понятно. С кем на самом деле развлекался Лингер, выяснил? Или ты с этой...

— На самом деле Людвиг фон Лингер проживал в особняке вдовы Аделинды фон Генгебах. — Уши Пауля мгновенно стали пунцовыми.

Майнцу стало стыдно. Парень выяснил очень важную информацию. Поработал на славу. Достоин похвалы и премии. А то, что ему понравилась девушка, так дело молодое. Он бы обязательно сказал помощнику что-нибудь ободряющее, но информация, которую выдал парень, заставила задуматься. Аделинда фон Генгебах... Что-то он слышал...

— Хорошо. Пока свободен. И... держи язык за зубами. На всякий случай.

— А что будет с сержантом?

— С Кроммом?

— Да.

— Расследование — что же еще?

Майнц выпроводил стажера и чуть не выронил вибрирующую блестящую пластину из рук Изобретение барона фон Гиндельберга использовали пока только спецслужбы. Следователя этим чудо-артефактом бывший канцлер одарил исключительно в интересах расследуемого дела. А он... Никак не привыкнет! Вот и сейчас. Надо было сразу связаться с бароном.

— Господин барон?

— Как вы могли пропустить такую информацию, Майнц?! Берите Фульда — и в столицу! Немедленно поднимайте все дела, все смерти хоть отдаленно напоминающие те, что бывают от «Водяной Смерти»!

— Да, господин фон Гиндельберг. Мы...

— Что — вы?! Выполнять! Сыщики...

Глава 22

— Благодарю, Ульрих. Вы свободны. — Барон кивнул солдату, что по его просьбе привел Людвиг фон Лингера в комнату для гостей.

— Остальных выпускать?

— Из подвала? Нет пока. Пусть посидят. Как госпожа фон Лингер?

— Отдыхает. Эльза и Грон с ней.

— Хорошо, Ульрих, спасибо.

Эрик фон Гейдельберг смотрел в окно второго этажа дома Лингеров, спиной чувствуя, как его хозяин буравит спину раздраженным взглядом. Огромными хлопьями падал снег. Тихо, величественно. Скоро Ночь Семи Вестников. Праздник. Подарки.

Только бы успели. За новой печатной машинкой он отправил. Кое-что придумал для Конрада, надо только вырваться в столицу.

Артефактор улыбнулся. Надо же... Он думает о подарках для тех, кто стал ему дорог. С тех пор как умерла мама, такого с ним не бывало. Лакомство для собак, бутылка дорогого вина для Фульда. Все. А теперь...

Сзади недовольно кашлянули.

— Присаживайтесь, господин фон Лингер.

Барон даже не обернулся. Еще несколько минут. Как же красиво падает снег, и как не хочется разговаривать с этим... Интересно, что сейчас делает в своей комнате Агата? Наверное, тоже смотрит в окно. Он представил себе, как она улыбается. Гладит собак. Настроение немного поднялось.

— Простите... Как вас там... — Людвиг фон Лингер заметно нервничал.

— Эрик.

— А что, собственно, происходит? Кто дал вам право распоряжаться в моем доме?

— Ни кто, а что. Необходимость обеспечивать безопасность госпожи фон Лингер.

Барон развернулся, взял стул, сел на него верхом и вплотную придвинулся к Лингеру. Писатель попытался отодвинуться, но чуть не упал, чудом удержав равновесие. Руки и ноги будто свело судорогой, и отвести взгляд от этого человека он не мог.

Грубый, беспардонный мужлан, нахально вторгшийся в жизнь семейства Лингеров, будил в писателе какой-то безотчетный страх. Это раздражало. С какой стати? И... кто он такой? Откуда такая уверенность в

том, что он обладает полномочиями распоряжаться в его доме?

С другой стороны, опыт подсказывал бывшему военному, что подобное поведение на пустом месте не бывает. И несмотря на то, что внешне этот хам ничем себя не выдавал, Лингер интуитивно чувствовал, что имеет дело с кем-то высокопоставленным. Если бы он писал книгу... Так вел бы себя человек, вынужденный по тем или иным причинам скрывать свое истинное положение. Интересно...

— Смотрите сюда, Лингер! Внимательно смотрите! Видите?

Сказано это было таким тоном, что бывший офицер с медалью за личное мужество испугался.

Но охранник всего лишь показал на печатную машинку.

— И что? — не понял Людвиг.

— Садитесь и печатайте.

— Но...

— Я сказал, сядьте за стол, господин Лингер. Вставьте чистый лист и печатайте!

— А что я должен...

— Изложите ваши личные данные. Имя, звание. Перечислите награды, премии. Что-то вроде краткой биографии.

— А вам зачем? — В голосе писателя чувствовался интерес.

Эрик поморщился. До чего же тщеславен был этот человек.

— Это необходимо, господин фон Лингер, как смягчающие обстоятельства в случае, если вы окажетесь виновны.

— Виновен? Я?!

Лингер испугался. Судорожно стал вставлять бумагу в машинку, но оказалось, что это не так просто. Неисправный механизм безжалостно сжевал чистый лист. Один, второй, третий... Наконец он не выдержал, схватил перо и стал быстро писать от руки...

— Скажите... Над книгами вы работали вместе с женой?

— Ну, — не отрываясь от своего занятия, начал Людвиг, — можно и так сказать. Авторы редко записывают текст самостоятельно, на это уходит слишком много времени, а мысль... Ее так легко потерять! Агата — прекрасная стенографистка и очень грамотный редактор. У нее специальное образование.

— Нам это известно. — Эрик спокойно наблюдал, как Людвиг почему-то вздрогнул от этих слов, и по листу медленно расплылась чернильная клякса.

— Агата работала на этой машинке все это время? — Эрик смотрел на Лингера в упор.

— Ну... да. А в чем, собственно...

— Ни в чем. Просто мне интересно — вам не приходила в голову светлая мысль купить жене новую? На которой можно печатать? Сами вы не смогли даже лист вставить. А если бы смогли и стали печатать, то наверняка бы почувствовали, как сводит пальцы от того, что клавиши слишком тугие. Агата не жаловалась?

— Что-то говорила. Кажется. У нас тогда были финансовые трудности, и... Да в чем, собственно, дело?! — Лингер вышел из себя, смял испорченный лист и вскочил, уронив при этом стул. — Как вы смеете вести со мной беседу в таком тоне? При чем тут какая-то машинка? Я вообще не обязан вам отвечать! Это что — допрос? Я требую присутствия адвоката, я...

— Сядьте, Лингер!

Голос бывшего канцлера отразился от стен, и дом замер. Его хозяин медленно поднял стул и тихо сел, не произнеся ни слова.

— Вот так. Уже лучше. Я постараюсь вам кое-что объяснить. Боюсь, вы плохо понимаете, в какую историю оказались замешаны.

— Не понимаю! И понимать не хочу!

— Придется, господин Лингер. И знаете? Я вам даже сочувствую. В некоторой степени.

— Да что вы? Я не нуждаюсь...

— Боюсь, что нуждаетесь. И если вы будете все время меня перебивать, придется вас просто задержать, без предварительного опроса. Полномочий у меня для этого достаточно. Можете вызывать своего адвоката. Но если вы все же готовы меня выслушать, то...

— Хорошо. Я вас слушаю. — Лингер тяжело дышал, лицо покраснело, нервным движением мужчина рванул шейный платок, стараясь облегчить дыхание.

— Агату пытались отравить «Водяной Смертью». Это...

— Я знаю, что это такое. — Лицо писателя, только что напоминавшее вареную свеклу, вновь пошло белыми пятнами.

— Мы ищем того, кто мог это сделать. Кому это было выгодно.

— Я?! Вы... меня подозреваете?

— Ну, судя по тому, что вы не заботились о своей жене, — Эрик кивнул в сторону машинки, не отрывая от собеседника глаз, — вы ее не любили. У вас любовница, и если вспомнить, что родители Агаты оставили ей приличную сумму, то...

— Нет! Нет, что вы, это не так! Я действительно потратил деньги жены, но... Я верну! Все верну! Поэтому я ушел. Писать книгу! Это

огромные деньги!

— Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с Аделиндой фон Генгебах?

— В день, когда получил Королевскую премию. Год назад.

— Где это произошло?

— Во дворце.

— То есть? — На этот раз побледнел бывший канцлер.

— Аделинда была во дворце. На приеме.

Эрик даже головой помотал, в надежде, что ослышался. Этого... просто не может быть. Адель-Невидимка на приеме, и в ее видимости король Карл, не считая остальных более-менее значимых персон королевства. Да как она осмелилась! Как пропустила охрана? А он? Он сам? Почему он ее не заметил?! Он лично обеспечивал безопасность Карла в тот день... Немыслимо.

— Как она выглядела? — хрипло выдохнул барон.

— Прекрасно, — мечтательно сказал писатель. — Яркая. Живая. Величественная. Просто королева!

— Какого цвета был на ней наряд? Вы помните?

— Не... ннет... Не помню. Но... она была в нем обворожительна!

— О чем вы говорили?

— Говорили? Мы... Я... Нет... Не помню. Но она умна. При этом с ней так легко! Она понимала меня с полуслова...

— Начальника охраны — расстрелять, — вырвалось у канцлера в отставке.

— Что?

— Продолжайте. Ваша связь длится?

— С того самого времени. Поймите меня правильно, — неизвестно почему попытался объяснить Людвиг. — Агата, конечно, умница. И я ее, конечно, люблю. Но все, что умеет моя жена, — это править книги. А тут — такая женщина! Я писатель! Мне нужно вдохновение. Страсть.

— Зачем же вы вернулись? — Эрик сжал спинку стула с такой силой, что дерево скрипнуло.

— Книга, — со вздохом сказал Людвиг, отодвинувшись подальше от охранника.

— Простите?

— Агата! Она мне нужна, — Людвиг развел руками, — увы, я не могу без нее! Бикк просто влюблен в ее редактуру! Я перепробовал все, что мог. Аделинда не нуждается в деньгах и высоко ценит мой талант. Мы сменили трех редакторов! Последний — неоправданно дорогой, но издатель... Все

ноет про то, что рукопись утратила какой-то неповторимый узнаваемый стиль, что был раньше. Он сам посоветовал мне обратиться к жене. Это унижительно! Теперь придется терпеть ее нотации.

— Вы говорили об этом Аделинде?

— Нет! Это невозможно.

— Почему?

— Аделинда... она... Мой талант — вот что подогревает страсть!

— То есть вы боитесь признаться любовнице в том, что без жены ваш успех ничто?

— Нет! Конечно, нет! Что вы несете! Вы забываетесь!

— Как вам будет угодно. — Эрик уже не слушал Лингера, он думал о другом...

— Послушайте! Как вас там...

— Эрик.

— Ну да. Эрик. Вы же понимаете, что ни я, ни Аделинда не могли этого сделать! Мы совершенно ни в чем не виноваты! Я ни в чем не виноват!

— Расследование покажет, господин Лингер. Я попрошу вас не покидать поместье. В интересах следствия. И постарайтесь не причинять беспокойства госпоже Агате.

— Но как же...

— Вы свободны.

* * *

Мобиль мчался в столицу, на лету целуясь с крупными снежинками. Как красиво падает снег! Скоро Ночь Семи Вестников. Праздник...

Доктор Фульд нервничал, недовольно поглядывая на Майнца. Да... Артефактор за управлением мобиля и обычный человек — все-таки это колоссальная разница! Но старший следователь не виноват, и врач тактично молчал, подпрыгивая на поворотах. Майнц старался изо всех сил. Видно было, как ему хочется поскорее добраться до столичных архивов.

— Не переживайте вы так, — в который раз повторял Фульд. — Кто ж знал, что сержанта завербовали?

— Я взялся за это дело! Я должен был все проверить. И перепроверить! А еще с такой гордостью говорил господину барону об опыте и допусках секретности!

— Поверьте мне, барон переживет, — отмахнулся патологоанатом. —

Разведчица! Надо же... Немудрено, что нас переиграли. Если бы Эрик не опознал ее лично. Не узнал артефакты... Туго бы нам пришлось!

— Откуда ее знает господин барон?

— Барон — единственный, кто может связать эту даму с ее прошлым. Вы понимаете, о чем я? О ее реальной личности никто не знал. Никто, кроме канцлера Эрика фон Гейдельберга. Вы представляете уровень заданий, которые на счету этой женщины?

— И... ее оставили в живых?

— Боюсь, это было ошибкой. Очень большой ошибкой канцлера.

Какое-то время мужчины ехали молча. Майнцу казалось, что даже эти крупные снежинки и те смеются над ним! Как он мог так опозориться? Как красиво падает снег. Скоро праздник Ночь Семи Вестников...

— Аделинда фон Генгебах. Вдова. А ее муж? — повернулся следователь к Фульду.

— Скорее всего, — обронил тот, выразительно посмотрев Майнцу в глаза.

Мужчины поняли друг друга.

— Похищение «Водяной Смерти». Диверсия? Заговор?

— Вот не уверен. — Доктор потер ноющие виски. — Как правило, разведчики — патриоты. И никогда не пойдут против страны. Опасность заключается не в том, что кто-то из них способен предать свою родину.

— А в чем?

— Степень секретности. Она слишком высока. Это опасно. Плюс неустойчивое психическое состояние. После того, что им пришлось пережить... Что же касается конкретно этого случая, то...

— Что?

— Видите ли, Майнц... Я, к сожалению, тоже. Слишком много знаю. Давайте оставим этот разговор. Нас ждут архивы! Посмотрим, кто умер за эти полгода. Наша задача связать их с «Водяной Смертью».

— Но... как?

— По заключениям судмедэкспертов, конечно! Смерть готова делиться информацией. Нужно только знать ее язык...

* * *

У камина, позвякивая кристаллами на медальонах, возились Эльза и Грон. Вздыхали, фыркали, стучали когтями по паркету, с тревогой поглядывая на женщину у окна. Агата стояла к ним спиной и, обхватив себя

руками, смотрела на медленно падающий снег. Красиво. Как в сказке. Как в детстве, когда ждешь ночи Семи Вестников. Надо было написать на листочке семь желаний и сжечь. В полночь выйти на улицу и подуть на ладонь, представляя, как пепел летит к самой яркой звезде! Каждый Вестник получит одно желание и обязательно исполнит его.

В государстве было мало по-настоящему религиозных людей. Все благостные жили при Башне и с обычными людьми общались редко. Ритуал вступления в брак, проводы в Последний путь и Седьмая ночь Нового года — три причины посетить Башню Благих.

Тем не менее Светлые Письмена знали все еще со школьной скамьи. В Седьмую ночь Нового года, во время звездопада, Семь Вестников спустились на Землю и принесли с собой Семь Благ: Свет Дня, Тьму Ночи, Любовь, Надежду, Раскаяние, Рождение и Смерть. С тех пор все живущие на Земле владеют этими сокровищами, отмечая Седьмую ночь Нового года как самый светлый праздник. В этот день всюду развешивают изображение Солнца и Луны, фигурки в белых одеждах с крыльями и звездами в волосах, изображающие сошедших с небес Вестников, вырезанные из алой бархатной бумаги сердца как символ любви и венки из веток рамитра и вейры. Рамитр — вечнозеленое небольшое деревце, усыпанное длинными мягкими иголками, а вейра — куст, что цветет крошечными белоснежными цветочками только три дня в году.

Ах, какие пышные венки приносил отец! Они всегда старались встать пораньше, чтобы украсить дом к маминому пробуждению. Она радовалась. Как ребенок. Хлопала в ладоши, кружилась по комнате. А потом пекла традиционный пирог — День-Ночь. Кекс из ванильного и шоколадного бисквита, узор которого никогда не повторялся, но всегда был очень красивым.

Надо будет попросить Касса испечь на праздник такой. И спросить, как это делается. Она столько раз просила маму научить, но все было некогда. Мама говорила — успеем еще... Не успели.

«Как ты думаешь, она знает о том, что хозяин любил Адель?» — Эльза с тревогой посмотрела в глаза Грону.

«Не думаю, что он рассказал ей. Хозяин не дурак. Зачем? Они даже не были близки с той женщиной. Просто... взаимная симпатия. А с Агатой были».

«Откуда ты знаешь?»

«Ты сомневаешься в том, что хозяин и Агата?..»

«Нет... Это я знаю. Я про Адель?»

«Все же женщины лишены способности логически мыслить...

Определенно!» — Грон положил голову на вытянутые лапы и прикрыл глаза.

«Грон! Ненавижу, когда ты так делаешь... Говори толком, что ты имеешь в виду?» — Эльза недовольно ходила вокруг пса, с равнодушным видом развалившегося у камина.

«Дурочка... Ты чувствуешь Агату. Я — хозяина... Ну... в этом смысле. Поняла?» — Во взгляде друга было столько снисхождения, что Эльза и правда устыдилась. Могла бы и догадаться... Собака вздохнула, подошла к Агате, уткнулась мордой в колени — не переживай, все будет хорошо. Женщина опустилась рядом, прижалась к теплему боку. Потрепала по голове.

«Грон?» — Эльза повернула голову в сторону камина, но так, чтобы Агате было удобно чесать ее за ушком.

«Ну что еще?»

«А когда ты почувствовал... Хозяин... он... был счастлив?»

«Очень. Ничего подобного раньше с ним не бывало. Мы должны оберегать Агату, потому что... Он не переживет, если что. А она?»

«Тоже. В их чувствах я не сомневаюсь. Но вот какую очередную глупость выкинут они в следующий раз...»

«Да. Люди непредсказуемы. Очень уязвимы. И, к сожалению, не очень умны».

Грон благодушно посматривал на женщин, а сам прислушивался к тому, что происходило в доме. Сосредоточенность солдат. Тревога Эрика. Надежда Виллы и Конрада. Дикая злоба Берты. Растерянность и страх Людвига. Все это вибрировало сквозь стены, и все это чувствовал низерцвейг — удивительная магическая собака с огромным ресурсом невероятных возможностей.

Стук в дверь не застал собак врасплох. Они почуяли Касса еще на первом этаже. И, конечно же, дело было в бдительности, а вовсе не в том, что повар нес в кармане белоснежного фартука лакомство: нарезанные ломтики яблока.

— Госпожа Агата, можно?

— Конечно, Касс. Входи.

— Я принес ужин. Господин Эрик распорядился — сказал, что вы поужинаете вдвоем. Со всеми этими событиями я не успел ничего особенного. Тут тушеные овощи, холодная говядина... Я принес вина. Хлеб свежий, утренний. Госпожа Агата, может, вам бы хотелось чего-нибудь особенного? Я ведь многое умею! Но от обитателей дома, да и от вас, — никаких распоряжений! — Касс обиженно уставился на хозяйку.

Агата улыбнулась. Касс выглядел очень несчастным. Мол, совсем меня забросили. Не дают проявиться таланту... Что же для него такое придумать?

— Касс... А вы умеете печь «День-Ночь»?

— Спрашиваете, госпожа Агата! — Повар только что не подпрыгнул от счастья. — Конечно! Скоро ночь Семи Вестников... Но если вам хочется, я испеку сегодня! Вы только скажите — часа через четыре будет готово, его остудить надо по правилам. Но знаете? Бабушка пекла и всегда давала кусочек на пробу — горячий еще. Так он и горячий вкусный! Бабушка моя по части выпечки большая мастерица была. У меня и рецепт ее остался! Пальчики оближете, госпожа Агата! И барону наверняка понравится...

— Тише, Касс, — Агата поднесла палец к губам, напоминая, что барон в доме инкогнито, мало ли кто услышит, — нет, сегодня ничего печь не нужно. Лучше к празднику. Но у меня к вам будет просьба.

— Все, что вам будет угодно, госпожа Агата!

— Позовите меня. Давайте вместе. Мама пекла... На праздник. Всегда. А научить... не успела.

Солдат кивнул, и было в его добрых глазах столько тепла и света, что, когда он ушел, Агата не выдержала. Заплакала. От воспоминаний. От счастья. От любви. И от страха все это потерять.

Она села в кресло, и сразу две золотистые мордочки пристроились к ней на колени. Касс передал ей салфетку, в которой лежали дольки яблок. Ароматные кусочки исчезли, как по волшебству, за одно мгновение! Собаки очень любили яблоки. Агата улыбнулась, полезла в карман платья — вдруг там есть еще? Она теперь так часто носила с собой нарезанные яблоки для собак, что могло и повезти.

— Нет, — вздохнула Агата, погладив Эльзу по голове, — больше нет...

Яблок в кармане не было. Вместо них на ладони красовалась визитная карточка. Золотые буквы на атласной, шелковой бумаге кремового цвета: «Аделинда фон Генгебах».

Эльза чихнула. Грон зарычал.

Эта женщина... Красивая. А какое на ней было платье! Интересно, ей самой бы пошло? Даже если и так Она не умеет все это носить. Так... элегантно. Таинственно. Эрик сказал, чтобы она была осторожна. Что Адель опасна. Он сказал: «Адель». Барон, видимо, знал ее раньше. Эта женщина украла ее мужа. Ну и пусть! Пусть забирает! А... Эрик? Он... тоже увлечен этой... Генгебах?

Агата попробовала неприятное имя на языке. Зачем ей понадобилась

моя жизнь? Мой муж? Что же произошло? И... когда? Как давно Людвиг изменяет?

От этих мыслей стало холодно и гадко. Она вспомнила ночи с Людвигом. Ей казалось, это были ночи любви. Казалось. А на самом деле он... Всеблагое, как она была глупа! И что теперь?

Захотелось поговорить с Людвигом, вытрясти из него правду. Всю правду! Выпить эту боль до дна, залпом. Выпить, забыть и больше никогда к этому не возвращаться. Развод. Она хочет развод! Никогда! Больше никогда и никому она не поверит.

Да, ей хорошо с Эриком. Так хорошо, что даже дышать в полную силу страшно, ну и что? Пусть будет как будет. Счастье — мотылек. Бабочка. Села на мгновение, раскрыла яркие крылышки и упорхнула. Она будет помнить его всю жизнь. Но она больше не будет надеяться. Хватит! Это... слишком больно. Сейчас она пойдет, поговорит с мужем, а потом найдет Эрика и скажет ему, что...

Госпожа фон Лингер, не обращая внимания на ворчание собак, решительно направилась к двери и столкнулась с бароном.

— Агата. — Мужчина обнял и замер, уткнувшись лицом ей в шею.

Разом растеряв все свои вопросы и боевое настроение, она стала осторожно поглаживать по закаменевшей спине, шептать банальные слова о том, что все будет хорошо.

Эрик... Скоро праздники, и она будет печь с Кассом кекс. Загадает желание. Барона тоже обязательно заставит жечь в камине записку! Будет верить. Надеяться. Любить. И никакое предательство не заставит ее отказаться от счастья. Даже если придется пережить его снова. Ну и пусть! Жаль только... Вот если бы у нее был ребенок. Агата вдруг вспомнила, какое у Виллы было лицо. Тогда, в подвале. Бесстрашное.

— Агата... ты здесь? — прошептал Эрик. — О чем задумалась?

— Я? — Она покраснела.

— Ты. Что случилось?

— Ничего.

— Ну я же вижу... Что?

— Я хочу ребенка. От тебя...

Они целовались так долго, что даже совершенно счастливые от умиления собаки начали беспокоиться...

«Это все, конечно, прекрасно...» — Грон закатил глаза к потолку.

«Ну да. Мило и романтично», — вторила ему Эльза.

Низерцвейги переглянулись, и хором подумали: «Но если так будет продолжаться, мы останемся без ужина!»

— Гав! Гав!

— Гав! Гав! Гав!

* * *

— Ты голодный? — спросила Агата, вздрогнув от возмущенного лая.

— Да, — выдохнул барон, нехотя отрываясь от ее губ, — и Эльзу с Гроном надо покормить. Эльза! Грон! Идите, Ульрих вас уже ждет.

Они быстро разделили все, что принес Касс на ужин. Агата пожалела, что ее не пускают на кухню — она бы заварила Эрику бодрящий чай. И сама бы выпила что-нибудь от тревог...

Ели молча. Агате очень хотелось расспросить об этой женщине, о том, что происходит, но от мужчины веяло такой усталостью, что она не решалась.

— Агата, — Эрик налил им вина, — пожалуйста, потерпи. Завтра тяжелый день. Аделинда наверняка придет спасать Людвига. Эта женщина очень, очень опасна. Я не могу допустить, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Обещаю, когда ты будешь в безопасности, мы обо всем поговорим. Я все тебе расскажу.

— И меня пустят в архивы.

— Куда?

— В архивы. Хочу поработать с личными делами разведчиц, чтобы дописать книгу.

— Я сам предоставлю тебе информацию. Эти дела засекречены. В архив тебя никто не пустит.

— Даже с тобой?

— Агата, — он усадил ее к себе на колени, — ну... посмотрим, что можно сделать... За поцелуй!

Эльза и Грон уже поели. Ужин был бесподобен, настроение прекрасным, поэтому собаки не стали мешать. Пусть целуются, сколько хотят. Еще бы! Столько времени зря потеряли исключительно по собственной глупости.

— Ты ее любишь? — вырвалось у Агаты, хотя она собиралась молчать и подобного вопроса не поднимать. Во-первых, это жутко неприлично. А во-вторых, страшно услышать ответ.

— Кого?

— Аделинду фон Генгебах.

Барон фон Гиндельберг посмотрел на ревниво вздернутый носик и

невесело, но рассмеялся:

— Я люблю тебя. И мне порой кажется, что Всеблагие нарочно не дали мне возможности испытать это чувство раньше. Чтобы я понял, как это бывает, лишь рядом с тобой... Это, конечно, не значит, что у меня не было женщин. Были. Это не значит, что я не думал, что любил. Это значит, что теперь я знаю точно — никогда раньше я не испытывал ничего подобного. И теперь, зная, что это такое, я не смогу от этого отказаться.

— Эрик...

Лицо Агаты вспыхнуло. Она уткнулась барону в плечо.

— Прости меня, — прошептал барон. — Во всем, что происходит, виноват я...

Глава 23

Эрик ненавидел ту черную папку. Ненавидел секретаря, что ее приносил, ненавидел Отдел Безопасности, который готовил материалы и постановления. Себя, подписывающего приговоры, ненавидел...

И пусть его убеждали в жестокой необходимости. В том, что огульно никого не убирают и у служб безопасности имеются очень и очень веские причины... Что силовики на службе короны: убийцы, разведчики, диверсанты — люди с расшатанной, не поддающейся коррекции психикой, слишком опасны. В первую очередь для мирного населения. Что не все смогли вернуться с войны.

Он внимательно изучал дела. Да он разведданные столько не перечитывал! Все пытался зацепиться... Что бы такое придумать... Как помочь.

Он вспомнил дело одного капитана. Герой Отторна. Около сотни операций. Легенда. Человек беззаветной отваги. После войны... наемный убийца. Самый дорогостоящий на континенте.

Еще один. Полковник из внешней разведки. Вернулся домой, узнал, что семья погибла. Запил. В таком состоянии человек, обученный убивать голыми руками и всем, что есть в поле зрения, — бомба замедленного действия. Барон Гиндельберг приказ о ликвидации не подписал. Изолировали. Лечили. Сейчас трудится. Преподает в военной академии.

А другой диверсант после этой же самой клиники — работали с ним по тем же самым методам и те же самые специалисты — сорвался. Добыть оружие для него проблемы не представляло. Потери. И в воинской части, и среди гражданского населения. Несмотря на то что психологи считали программу реабилитации весьма успешной, а у этого конкретного пациента отмечали заметные улучшения, в последний день перед выпиской он отправился мстить всему миру.

Сколько их было?

Катрин Лаутгер (Чулок) разбилась на мобиле вместе со своим женихом. Несчастный случай.

Лили Бильдерлинг (Мотылек) умерла в госпитале под попечительством Башни Благих Отторна от острой сердечной недостаточности.

Грета Кох (Цветочек) утонула при странных обстоятельствах. Дело о

нападении не раскрыто.

Мод Келлер (Солнце) сгорела при пожаре. Дело о поджоге не раскрыто.

Катрин Лаутгер. Любовь. Он — оклеровец. А быть уверенным в том, что девушка не проговорится... И можно было бы попытаться спасти, если бы не родственники жениха. Там... политика. Этим влюбленным не было места под солнцем. И это при том, что война закончилась. Война закончилась, а смерть осталась. Время разбрасывать камни. Время их собирать.

Лили Бильдерлинг действительно умерла своей смертью. У девушки было больное сердце. Когда это произошло, все вздохнули с облегчением.

Мод Келлер и Грета Кох сами подписали свой смертный приговор. В прямом смысле этого слова. Они слишком хорошо осознавали, что их не оставят в живых. Им обещали легкую смерть. Топили и жгли уже остывшие тела.

Пятьдесят три приговора. Пятьдесят три черные папки...

И все равно это было предательство — как бы старательно он ни пытался убедить себя в том, что рационализм в силовых структурах должен превалировать над всем остальным.

Адель... Адель-Невидимка. Считалось, что женщина не может быть артефактором в смысле создания магических вещей. Но если ее кровь отзывается на кристаллы, она может ими пользоваться. В случае с Невидимкой он сомневался. Артефакты, что он делал ей сам, работали совершенно непредсказуемо! Он был уверен, что девушка сама их совершенствует. Она не просто соблазняла. Ей открывали все самые сокровенные тайны, ради нее шли на самоубийство, ее не могли ни забыть, ни... вспомнить. Многих она просто свела с ума в прямом смысле этого слова. Кристаллы в ее руках были жестоки.

Из Оклера она уходила чисто, с блеском обставив свою мнимую смерть. Когда прибыла в Отторн, работать дальше на канцлера отказалась. И он отпустил. Более того, приказал всем забыть про нее.

Невидимка составила изумительно удачную партию. Генгебах, будучи человеком влиятельным и неприятным, — Эрику он всегда напоминал покойного отца — вместе с тем был баснословно богат. Госпожа фон Генгебах заблестала в высшем свете, как будто награждая себя за все, что пришлось пережить. Однако и года не прошло, как Адель стала вдовой. Уголовный розыск ничего не доказал. И как ни ярились родственники — все состояние отошло скорбящей вдове.

Но Фульд не был бы Фульдом, если бы не раскопал правду.

И перед канцлером появилась черная папка.

Он никогда не забудет, как просидел над бумагами всю ночь. Был ли он влюблен в шпионку? Сейчас ему кажется, что нет, но тогда...

От власти над миром кружилась голова. Самая высокая степень секретности. Магия, бурлящая в крови. И он, и она могли многое. Решали судьбы. Лишали жизни. Ее глаза из-под неизменно плотной вуали. То, как она носила наряды, артефакты, драгоценности. Как держала голову. А голос? Низкий, завораживающий. Широкие скулы. Слегка смугловатая кожа. Все это сводило с ума любого. И конечно, сводило с ума его.

Им казалось, они птицы одного полета. Очень высокого полета. Взглядами делились друг с другом невысказанной страстью, но так и не решились. Не было подходящего момента. А потом... потом оба осознали, что проблем появится слишком много — игра не стоит свеч.

Он должен был подписать приказ. И... не смог. Просто не смог.

— У нее столько заслуг перед Отторном, что... посчитаем это разумной самообороной.

Начальник Службы Безопасности посмотрел тогда с насмешкой. Как же... самооборона! Да против Невидимки можно было выставить роту. Доктор Фульд покачал головой. А секретарь — тот самый нелегал, который вскоре погиб, закрыв собой канцлера, с явным облегчением. Он, как и барон Гиндельберг, крайне болезненно относился к подобного рода приказам.

— А вот как получилось... — вслух сам себе сказал барон, и его хриловатый шепот пауком пополз по стенам, убегая прочь от тоски и холода в душе того, кто это произнес.

Дом спал. Или притворялся.

Солдаты заступили в караул. Все ждали. Барон был уверен, что Адель и ее люди нападут среди белого дня. Дерзко. Коварно. Он хорошо знал стиль Невидимки. У этой женщины сама Смерть была на побегушках — собственноручно заметала за хозяйкой следы.

Значит, ночь нужно было использовать для подготовки.

Артефактор зашел в свою комнату, взял саквояж. Если откинуть второе дно, то там можно было найти много чего любопытного.

Он еще раз взвесил небольшой, выполненный под заказ огнестрел. Как раз под женскую руку. Под ее руку.

Эрику вспомнился день, когда он отвез Агату на полигон. Ее улыбка. Горящие глаза. Надо же... Никогда не думал, что процесс стрельбы может доставить одной маленькой женщине так много счастья! Как она смешно хмурилась, сосредоточиваясь на мишени. И как... метко она тогда

стреляла! А как радовалась своим успехам...

Ну все. Хватит мечтать, пора проверить, насколько хорошо оборудован теперь подвал. Он не оставит Агату без защиты. К утру артефакт должен быть готов.

Кристаллы отозвались почти сразу. Голова от потери крови кружилась чуть больше, чем обычно. Странно. Он вроде бы все продумал, хотя... Если честно, такую работу делал первый раз.

Что-то разбилось за спиной, заставив барона вздрогнуть. Связь с кристаллом была прервана. Всю работу придется теперь делать заново... Итак, кому он обязан?

— Конрад...

— Простите. Простите меня. Я не знал, что вы тут...

— Ты должен был бы уже спать в своей постели, Конрад. Разве нет?

— Ну... я часто сюда прихожу.

— Ночью?

— Да. Понимаете, ночью...

— Никто не мешает! Конечно, понимаю, Конрад. Сам такой. Вот видишь, понадеялся.

— Простите.

— Ладно. Придется дать тебе возможность искупить свою вину. Я должен сделать вот этот огнестрел. Посмотри.

Мальчишка подошел, осторожно взял в руки оружие. Осмотрел безнадежно испорченный кристалл.

— Изумруд? А что вы хотите сделать?

— Противник должен видеть стреляющего в другом месте.

— Это... сложно.

— Бесспорно.

— «Черная мантия» справился бы с этим лучше.

— Согласен. У меня есть один, но он очень маленький. Боюсь, не хватит.

— А если сделать еще три искусственных? В качестве поддержки? Чтобы работали по принципу зеркал?

— Использовать твои наработки?

— Ну... я не знаю...

— Да нет, идея неплохая, конечно. Поможешь мне?

— Конечно! А знаете... Я ведь догадался, что вы не тот, за кого себя выдаете. Но я никому не скажу!

Бывший канцлер закрыл лицо руками. Всеблагие... Он снял личину, чтобы направить все силы на работу, и... Старееет. Он определенно старееет.

Хватка уже не та.

— Ты прав. Я не тот, за кого себя выдаю. Я...

— Вы барон фон Гиндельберг, один из лучших артефакторов королевства! Неужели вы думаете, я не знаю?

Барон вздохнул. А юноша, кажется, не на шутку обиделся. Ладно. Из всех Лингеров он симпатизировал ему больше всего. Мальчик, как выяснилось, ни в чем не замешан. А еще начинающий химик весьма талантлив. Ну что ж Вот и попробуем его потенциал. Если, конечно, сил хватит.

— А как ты догадался?

— Медальоны собак. Я когда гладил, просмотрел решетку кристаллов. Надо было кристалл спрятать внутрь. Так безопаснее.

— Еще одна неплохая идея. Но... Ты что, с окулузом подошел к собаке? Чтобы Грон или Эльза это позволили... Прости, не поверю!

— У меня есть вот это. — Конрад вытянул руку, чтобы лучше было видно кольцо на среднем пальце.

Обычная медная оправка. Специальное увеличительное стекло, с помощью которого можно просмотреть сетку кристалла-артефакта, искусно замаскировано под камень.

— Умно. Браво! Отличная вещица. Откуда у тебя это?

— Выменял у старшекурсников на реактивы.

— А реактивы стащил у отца?

— Ну... да. Только вы не говорите никому. Пожалуйста.

— Не скажу. Мы с тобой теперь, брат, повязаны. Ты хранишь мою тайну, я — твою. А сейчас давай попробуем сделать это для госпожи Агаты. Необходимо обеспечить ее безопасность. И начнем мы с воплощения твоего проекта. Уговорил. Тем более что предыдущий кристалл испорчен. Между прочим, по твоей вине.

* * *

— Я подам на вас в суд! — заявила фрау Берта фон Лингер. — Вы удерживаете меня и мою семью в доме насильно!

Касс, не отвлекаясь, быстро поставил поднос с едой на столик и молча пошел к выходу.

— Я распахну окно и буду звать на помощь, — грозно пообещала дама.

— Не простудитесь, — вздохнул повар и закрыл за собой дверь.

Касса, как и всех в доме, напрягало ожидание атаки. И с чего господин барон решил, что в поместье полезут средь белого дня? Конечно, он готов защищать госпожу Агату! К хозяйке они сердцем прикипели. Во-первых, все уже поняли, что женщина дорога барону фон Гейдельбергу, а преданность ему была безгранична. Бывший канцлер Отторна подарил им новую жизнь. Во-вторых, уж больно чудесная женщина их хозяйка — госпожа Агата фон Лингер! Добрая, милая. Улыбка... что первый лучик солнца воскресным днем!

Солдат улыбнулся было про себя своим мыслям, но тут же помрачнел. Воевать снова... Как же он устал от этого. И — в глубине души — ненавидел. Огнестрел привычно лег в руку. Если бы все хорошо кушали, войн было бы меньше! Это все от нерегулярного и несбалансированного питания...

Сегодня им надо продержаться минут двадцать. И в поместье барона Гиндельберга, и в госпитале (он был ближе) было много военных, готовых прийти на помощь. План, разработанный бароном, таков: атака — сигнал о помощи — арест преступников с поличным. Храни Всеблагие барона и госпожу Агату!

— Ну, что? — спросил он у Густава.

От бессонной ночи и нервотрепки ожоги на лице приятеля ходили ходуном.

— Ульрих на чердаке. Наблюдает. Пока никого.

— Может, зря Лингеров по комнатам заперли? Сидели бы в подвале. Там безопаснее.

— Приказ барона. Придут освобождать Лингера, значит, сунутся в подвал. Госпожа Агата вчера сказала Аделинде Генгебах, что держит мужа именно там.

— А там?

— Ганс. И господин барон. Выглядит барон плохо. Бледный. Всю ночь просидел в подвале с молодым Лингером.

— Конрадом?

— Да.

— Славный мальчуган! Иногда помогает на кухне от нечего делать. Скучно ему тут. Барон обещал пристроить его в столицу, продолжать обучение. И то дело.

— Да. Из всех Лингеров он, пожалуй, самый славный, — согласился Густав.

И снова медленно-медленно потекли минуты, нарочно сдерживая стрелки на часах перед каждым движением по кругу, будто проверяя

выдержку солдат.

— Фургон на дороге! — слышался вдруг сверху голос Ульриха. — Доставка из города.

— Внимание. Готовность, — раздалась команда Эрика.

Бывший канцлер вышел в холл — подтянутый, спокойный.

— Мне доложили, что они выехали из Орна вовремя. Мобиль нигде не перехватывали. Идет он к сроку, — отчитался Густав.

— Я заказывал продукты, — пожал плечами Касс, отказываясь верить, что налет будет организован вот так — в открытую!

— Мне так же должны привести печатную машинку для Агаты, — проговорил барон, — но... Я уверен.

— По местам! — скомандовал Ульрих. — Подъезжают!

Густав и Майер остались в холле. Ульрих — наверху. Ганс — в подвале. Касс и Эрик двинулись через кухню в сторону входа для прислуги, чтобы, как ни в чем не бывало, встретить прибывших. Доставку всегда разгружали именно там.

— Сильно не подставляйтесь, — еще раз напомнил канцлер в отставке. — Задача — заманить в дом. Заставить раскрыться и напасть.

И все-таки он ошибся. У нападающих не было огнестрелов. Они были вооружены дротиками. Любопытно: с ядом? Или Невидимка решила пощадить охрану и приказала начинить маленькие стрелы снотворным?

Как бы то ни было, использовали это нестандартное оружие люди Невидимки мастерски. И если бы не перестраховка, то все бы и погибли, не успев ничего предпринять.

Кроме защиты от огнестрелов каждый солдат был снабжен артефактом-противоядием. Приказ барона. Эрик мысленно поблагодарил маму. После того как ее отравили, о возможной опасности с этой стороны он думал всегда. Невидимка все же предполагала, что противник может быть готов дать отпор, поэтому использовала яд.

Все произошло быстрее, чем они ожидали. Помощь со стороны не потребовалась.

* * *

Агата во все глаза смотрела на появившуюся из воздуха фигуру. Вот только что она была в этой комнате совершенно одна, и вдруг...

Эльза бросилась в сторону мелькнувшей у окна тени и, как-то по-человечески всхлипнув, обмякла. Грон завис в прыжке и... упал. Несколько

судорожных движений, и два золотистых тела застыли.

Агата вскочила, хотела закричать, но голос не слушался, лишь хриплый, свистящий шепот:

— Они?.. — Умоляюще посмотрела она на темный силуэт.

— Живы, — ответил знакомый женский голос, — только спят. Снотворное, не яд. Собак я люблю больше, чем людей. Убивать их просто так — жестоко...

— Слава Всеблагим!

Фигура сделала несколько мягких, бесшумных шагов ближе к свету. Женщина была в мужском костюме. Волосы полностью убраны под шляпу, поля которой бросали такую густую тень на лицо, что узнать ее было совершенно невозможно. Но это была она. Стройная, гибкая, бесшумная... Агата снова почувствовала симпатию к этой женщине. Она сделала несколько шагов навстречу. Ближе. Еще ближе. Ей вдруг захотелось что-то для нее сделать. Что угодно! Все, что попросит...

— Вы странная, — заметила тем временем любовница мужа. — Я пришла вас убить! Вы же переживаете за собак.

— Они... ни в чем не виноваты.

Агата закрыла глаза, сделала несколько вдохов, незаметно опустила руку в карман... Эрик предупреждал. Он умолял ее следить за своим настроением. На этой женщине артефакты. Они заставляют ее любить, ей подчиняться. Она не будет. Она не станет. Она не должна!

— Вина — понятие весьма относительное. И кстати, совершенно не обязательное! Мыслить нужно другими категориями. Вы многого не добьетесь, если будете размышлять, виновен ли тот, кто мешает вашей цели... Он мешает — этого вполне достаточно! Ваши нерадивые слуги там, внизу — тоже ни в чем не виноваты! Но, как я уже сказала, собак я люблю больше, чем людей.

— Они...

— Мои люди все сделают так, чтобы ограбление выглядело правдоподобно. Стрелять будут уже в мертвые тела. Я использую дротики с ядом. Очень удобно. Тише и быстрее. Единственный, кто умрет сегодня от выстрела, — это вы. Нет времени дарить легкую смерть. Тем более вам я не симпатизирую.

Агата замерла. Ее накрыла волна какого-то безразличия. Эта женщина сейчас убьет ее. Жаль, конечно. Но, с другой стороны... Может быть, так лучше? Она была счастлива. Там, у моря. Ночь с Эриком. Когда он учил ее стрелять. Стрелять...

— Что это? — Адель повела огнестрелом в сторону кровати,

заваленной исписанными листами.

— Книга.

— Рукопись Людвига?

— Нет. Моя.

— Ваша! Интересно, о чем? О вышивке крестиком?!

— Нет. О разведчице.

— Отличная идея, браво! Ну хоть кто-то догадался! Похвально, госпожа фон Лингер, похвально. Обещаю вам, когда Людвиг напишет об этом, а у него будет рядом прекрасный консультант в моем лице, мы посвятим самый успешный проект года вам! Так и напишем: «Памяти моей покойной жены, Агаты фон Лингер». Так вы войдете в историю! Потому что это, — женщина с отвращением бросила взгляд на разбросанные листы, — никогда никто не напечатает и читать не будет!

— Можно задать вам один вопрос?

— Только быстро. Мало времени.

— Как вы считаете, в романе о жизни и судьбе разведчицы может быть счастливый конец?

— Если она не полезет на рожон, не сорвется и будет держать язык за зубами — все может быть, — невесело усмехнулась Адель-Невидимка. — Но это редко бывает. Простая жизнь обывателя — это так скучно!

Агата и не заметила, как за разговором разведчица перезарядила огнестрел.

— Я не знаю, как пишете вы, — с сожалением проговорила она, — но Людвиг — гений. И он должен быть свободен! Так что...

Агата не стала дожидаться конца тирады. Она выстрелила через карман юбки, не вытаскивая огнестрела. Практически в упор.

* * *

— Посмотрите, господин барон, с чем они к нам пожаловали! — Ульрих протянул длинную черную трубку.

Отполированное дерево слегка поблескивало, когда артефактор поднимал этот удивительный предмет к свету. Силу кристаллов он почувствовал сразу. Такую нельзя не заметить, главное удержаться на ногах. Непонятно только, где они... Жаль, сейчас не время, а так бы он рассмотрел под...

Рука сама потянулась в карман. Окулус. В трещинку на ручке забились песчинки. Перед глазами снова встал тот день. Море. Мокрый песок. Агата

в его пальто. Волосы треплет ветер... Ее голос: «Это чтобы мы друг к другу так относились, понимаешь? Чтобы... Чтобы каждая мелочь — как будто увеличили в сто раз. Чтобы не обидеть...»

Радуюсь тому, что любимая в безопасности, Эрик все же заставил себя вернуться к реальности.

Артефакторы пользовались более мощными стеклами, но даже под этим барон видел, какая тонкая, изящная работа у него в руках. Он бывал на Острове Висельников и поэтому знал, что это. Плакучий тростник. Торчащие в небо полые трубки чуть выше человеческого роста. Растут, как правило, на побережье. Насекомые прогрызают кору, образуя дырочки и щели, а ветер поет в них. Чуть слышно, тоскливо. Будто плачет ребенок.

Гулять в тростниковой роще опасно. Дело в том, что в его корнях обитает аринья. Аринья бело-розовая, или «нитка счастья», как зовет эту небольшую змейку местное население. Ее укус не смертелен, но вызывает сильные, хотя и кратковременные галлюцинации. На острове известны случаи, когда люди держали змей дома, постоянно подвергая себя их укусам. Ниточки. При определенной концентрации яда смерть наступает достаточно быстро, и не просто безболезненно, а с ощущением счастья. Яд ариньи запрещено ввозить в Отторн.

— Чем стреляли?

— Вот. — Кто-то протянул ему дротик — тонкую иглу было еле видно.

Эрик потер шею. Рана еще зудела, несмотря на то, что доктор, прибывший с военными, ее обработал. Думать о том, что было бы, если б не артефакты... не хотелось. Вряд ли дротик начинен ядом змей, обитающих на островах. Слишком дорого. Что это конкретно — скажет Фульд. А вот трубка — произведение искусства. Кристаллы так изящно встроены в дерево...

— Ни у нас, ни у оклеровцев я такого не видел, — заметил Ульрих.

— С Острова Висельников, должно быть. Есть еще?

— Да. Вот. — Ганс протянул еще две.

— Удивительно!

Барон не верил своим глазам — каждая трубка была уникальна. Не похожая на остальные, она сохраняла форму, созданную самой природой.

— Ульрих, спрячьте, пожалуйста, все это как можно дальше. Соберите все дротики. Помните, что они смертельно опасны и могут, если что, попасть в руки кому угодно из обитателей дома. Позже я всем этим займусь.

В доме тем временем стало шумно: грузили арестованных, прочесывали территорию. Барон фон Гиндельберг связался с военными —

госпожа фон Генгебах находилась у себя в поместье, под наблюдением. Как только арестованные дадут первые показания, у них появится основание навестить поклонницу таланта Людвиг фон Лингера.

Успеть бы. И обойтись бы без жертв. Эта женщина просто так не сдастся...

— Господин барон! — В холл влетел возбужденный повар.

— Что еще?

— Там такое! Уроды эти!!! Они...

У Эрика замерло сердце: вроде же без потерь обошлось!

— Они разбили печатную машинку госпожи Агаты! Новехонькую!

— Каааасс!!! — выдохнул канцлер в отставке.

— Ну, как вы тут? — В холл вошел Вален Ницкендэйр.

— Господин полковник! — Эрик устало улыбнулся.

— Все обошлось?

— Да. Все закончилось. Спасибо.

— Обращайтесь, если что. И жду вас на полигоне с госпожой Агатой!

Кажется, барышне очень понравилось стрелять...

Оглушительный выстрел раздался со второго этажа.

Эрик и Вален бросились вверх. Солдаты схватились за оружие. Но все понимали, что... опоздали...

— Агата! — Эрик первым ворвался в спальню и застыл.

На полу лежала, не шевелясь, Адель-Невидимка. Разведчица. Профессионал. Убийца.

Рядом стояла бледная госпожа фон Лингер. Женщина рассматривала изящный огнестрел, почти полностью утонувший в маленькой ладони так, как будто не понимала, что это такое...

— Агата! Любимая... — Он хотел ее обнять, прижать к себе, но не решился.

— Я выстрелила, — очень удивленно проговорила Агата. — Я выстрелила. Понимаешь? Я смогла.

— Ты не ранена? Врача?!

— Я выстрелила...

Барон опустил голову и увидел... На полу лежали Эльза и Грон. Не может быть... На собаках были артефакты противоядия... Огнестрел? Тогда... где же кровь?

Мысли лениво шевелились в сознании, что-то очень холодное коснулось щеки. Он вздрогнул. Агата. Какие... ледяные у нее пальцы, губы. Она ими еле шевелит...

— Эрик, они живы! Она сказала, что людей любит меньше, чем собак.

Она выстрелила снотворным. Как и я... Она... Она ведь тоже спит, да? Ты же...

— Конечно. Конечно, она спит. Иди ко мне... — Сердце от счастья готово было выпрыгнуть из груди.

Живы!

Он прижал к себе маленькую напуганную женщину. Женщину, которую поклялся защищать до последнего вздоха! Как же так получилось, что он допустил это...

Как Адель проскочила мимо них? За помещьем же наблюдают... Всеблагие! Там наверняка ее двойник. Излюбленный прием. Он и сам нередко им пользовался. Как же он пропустил? Болван...

Полковник Ницкендэйр склонился над нападавшей. Приложил пальцы к шее:

— Она жива? — вырвалось у полковника.

— Огнестрел Агаты был заряжен снотворным. Я сделал это, чтобы она не колебалась — стрелять или нет в живого человека. Хотел быть уверенным, что она применит оружие в случае необходимости.

Полковник кивнул и крикнул в коридор:

— Наручники! Быстрее!

В комнату вошли люди. Спящей сковали не только руки, но и ноги. Сверкнула длинная цепь. Агата не могла отвести взгляд от безжизненно свисающей головы. Шляпа упала. Волосы были аккуратно убраны назад. Даже в таком виде женщина была прекрасна... Даже сейчас хотелось ей подчиниться...

— Не смотри. Это действие артефактов. — Эрик еще крепче прижал любимую к себе.

Шок прошел, и по веснушкам потекли слезы. Стало холодно. Надо найти шаль. Где-то она была...

Адель-Невидимку унесли.

— Подгоняйте отдельный фургон, — приказал барон фон Гиндельберг, усаживая Агату в кресло. — Всех в столицу. Будем разбираться там. Я подъеду.

Щелкнули каблуки. Раздалось дружное:

— Слушаюсь!

— Позовите врача, надо осмотреть собак.

— Внимание! — послышался голос сверху. — У нас гости!

— Останься здесь! — приказал барон. — Здесь безопа...

Посмотрел на по-прежнему не подающих признаков жизни собак, на доктора, что хлопотал над ними. И растерянно замолчал.

— Я пойду с тобой.

Агата вдруг перестала дрожать. Поднялась с кресла. Медленно вытащила из кармана огнестрел и быстрым, решительным движением перезарядила оружие. Щелкнул затвор.

— Пойдем, — кивнул барон.

— Я требую, чтобы мне объяснили, что здесь происходит! — Гневный, хорошо поставленный голос разносился по всему дому. — Почему в мирное время в поместье Лингеров явно развернута военная операция? И где госпожа Вилла фон Лингер?!

— Это же наш сосед! — обрадовалась Агата.

Эрик тоже узнал мужчину, которого видел тогда на заснеженной дороге. Такое чувство, что это было... в другой жизни. Его жизнь разделилась на до и после. Жизнь, в которой не было Агаты, теперь казалась сном...

— Подполковник Брукс! — шагнул он навстречу военному, до конца еще не веря, что тот ни при чем.

— Кто командует?! — поджал губы подполковник.

Эрик вспомнил молодость, щелкнул каблуками. В гражданских туфлях получилось не так выразительно.

— Что здесь происходит?

— Расследование, которое закончилось задержанием. — Холодность в голосе Эрика должна была объяснить отставному военному, что подробностей ему не дожидаться.

— Гражданские, — начал он раздраженно, но вдруг замер и спросил: — Вилла не пострадала?

— Агата, пожалуйста. — Эрик кивнул, предлагая пригласить для беседы Виллу.

— А остальные? — спросила Агата.

— Выпускайте всех, — вздохнул господин барон, решив разом покончить со всем семейством Лингеров. Все равно пора собирать вещи. К ночи надо быть в Лаутгарде, а он понятия не имеет, где остановиться.

Конрад стоял рядом с мамой, они оба молчали. Людвиг был бледен, задумчив, но во взгляде нет-нет да и сверкала ненависть. Фрау Берта... кричала и проклинала. Впрочем, как всегда:

— Всеблагие, Людвиг! Мальчик мой, посмотри, что с нами сделала эта женщина, твоя жена!

— Вилла, — властный голос подполковника с легкостью перекрыл все звуки. — Собирайтесь с Конрадом. Немедленно. Мы уезжаем.

Повисла тишина.

— Куда? — выдохнула Вилла, схватив за руку сына.

— Домой. Я... получил разрешение на брак.

Вилла растерянно посмотрела на Конрада. Тот светло улыбнулся. И, взяв маму за руку, отвел к мужчине.

— Только я с вами не поеду! — заявил он. — Мне в университет надо. Учиться. Надо еще Королевскую премию выиграть!

— Но... — беспокоилась Вилла.

— Я за ним присмотрю, — пообещал барон, обнимая Агату.

— Да кто вы такой! — взвизгнул Людвиг, у которого на этот раз получилось почти так же выразительно, как у фрау Берты. — Вы ворвались в нашу жизнь, сломали наш уклад, разрушили мою семью! Отчего вы считаете, что вам это позволительно?!

— Я спасал женщину, попавшую в беду. А свою семью... разрушили вы сами.

— Кто. Вы. Такой?

Барон фон Гиндельберг не устоял перед искушением и... скинул личину.

— Гав!

— Гав!

Из-за спины бывшего канцлера Отторна, портрет которого знал в королевстве каждый школьник, выросли две огромные собаки. Редкая порода — низерцвейги...

Глава 24

Женщина бесшумно опустилась на стул. Барон фон Гиндельберг отдал приказ освободить Аделинду от наручников. Свои были на особом положении, и заслуги перед Отторном задержанной вполне это позволяли.

Мужской костюм шел ей невероятно. Волосы слегка растрепались. Прямой, насмешливый взгляд, дерзкая полуулыбка.

Это-то и напрягало. Адель явно получает удовольствие от происходящего. Заигралась. Поймала кураж. Он, конечно, попытается помочь. Все, что сможет. Нет, ей он уже не симпатизирует. И за риск, которому подвергалась Агата, никогда не простит. Но за жизнь собак будет вечно благодарен. Невидимка... Опомнись! Пожалуйста...

— О чем задумались, господин барон? — Адель откинулась на спинку стула, закинула ногу на ногу.

— Разговор будет серьезным. Серьезным и очень для тебя неприятным.

— Догадываюсь, — Адель ухмыльнулась, — в память о прошлом, Эрик... Угостишь? — И меж тонких, длинных ухоженных пальчиков появился длинный мундштук.

— Хорошо. Сейчас принесут. Я распоряжусь. А пока... Прочти. Прочти это, Адель! — Бывший канцлер бросил на стол бумаги, подошел к двери и крикнул солдата.

Вполголоса попросил, чтобы доставили папиросы. Лучше — островной табак. Графин с водой. Хотел было отчитать, потому как задержанная, что прошла перед допросом строжайший осмотр, с легкостью демонстрирует длинный мундштук, которым при желании убить ничего не стоит, но понял, что бесполезно. Адель-Невидимка пронесет огнестрел в одиночную камеру голая и в кандалах.

В Отторне курили мало. В основном моряки. Женщины — еще реже. Тем не менее одно время это было даже модно среди дам высшего света. Адель курила всегда, когда они обсуждали детали предстоящего дела. И всегда у нее это получалось изящно. А сейчас, в мужском костюме...

Происходящее просто не укладывалось в голове. Умна, красива... Зачем? Сейчас она ознакомится с материалами, и он постарается вытащить свой последний козырь. Но если не сработает, тогда... Он поднес ей огонь.

— Спасибо, дорогой! Итак, что тут у нас? «Водяная Смерть»! Ну надо же... Это же запрещенный препарат? Разве возможно было его достать?

Его охраняют строже, чем самого короля Карла! Вы в это верите, господин барон?

— Вполне. Ваш муж умер от этого секретного препарата. Мне тогда стоило огромных усилий сохранить вам жизнь!

На лице женщины не дрогнул ни один мускул. Но... она побледнела.

— Меня отпустили за неимением доказательств!

— Это ты так думаешь.

Бывший канцлер налил себе воды. Жестом предложил задержанной. Та отказалась. Чувствуя, что начинает наконец владеть ситуацией, продолжил:

— Фульд не был бы Фульдом...

— Это всего лишь догадки. Доказать это невозможно.

— Ты прекрасно понимаешь, что никому ничего не нужно было доказывать. «Водяная Смерть» начала свой путь с несчастного фон Генгебаха, но это было только начало...

— Я не замышляла ничего против властей, Эрик! Ничего против тебя!

— Это верно. Но этого недостаточно.

— У вас ничего нет. Доказать, что за всеми этими убийствами с использованием «Водяной Смерти» стою именно я, — невозможно.

Она говорила равнодушно, даже как-то раздраженно. Так, будто ее это совершенно не касается.

— Ты отравила Агату фон Лингер. У тебя был мотив.

— Отравила? Она жива!

— Ее спас Фульд.

— Ха-ха-ха-ха-ха... Нет, он, конечно, гений, но от «Водяной Смерти» невозможно спасти.

— Агата почувствовала себя плохо. Вышла на улицу. В тот день было очень холодно. Собаки нашли женщину в кустах недалеко от моего поместья. Я вызвал Фульда. Все.

— И Фульд вылечил бедняжку?! Эрик, она просто отравилась. Чем угодно, только не... От «Водяной Смерти» нет противоядия!

— Есть. Экспериментальный образец. Один. Теперь успешно опробованный.

— Понятно... А почему ты... Погоди-ка... Твое поместье! Оно рядом... Собаки! Личины... Ну конечно! Но кристаллы... Я не почувствовала их силу?

— Низерцвейги имеют способность блокировать отдачу артефакта. Даже я не чувствую. — Барон пожал плечами и выпил воду залпом.

Он решил играть в открытую. Во-первых, с ней по-другому просто нельзя, а во-вторых, смысла что-то скрывать во всей этой истории он не

видел совершенно.

Адель затаилась, запрокинула голову, и тонкой струйкой выпустила голубоватый ароматный дым в потолок. Улыбнулась. Как-то... обреченно.

— Спасибо...

— За что?

— За осознание того, что я проиграла самому канцлеру фон Гиндельбергу. Будь противник менее достойным, я бы не пережила.

Эрик встал, подошел к шкафу и вытащил оттуда что-то длинное, завернутое в бумагу. Раздраженно сорвал печать — министерство уже опечатаło вещдоки, хотя он просил дождаться его личного распоряжения! Формально он в отставке и подобные указания направлять официально не может. Ему на это указали...

— Ты сама это сделала? — Барон протянул бывшей разведчице черную трубку, мерцающую на свету.

День выдался солнечный. Бывают такие зимние яркие дни — синее небо, белый снег и ослепительное, радостное солнце. Барон встал. Подошел к окну и плотнее задернул гардины. Уж очень все это было сейчас... неуместно.

Адель протянула ему папиросу. Он загасил ее и убрал, наблюдая, как она гладит отполированное дерево. Изящная инкрустация вспыхнула синеватыми искорками. Красиво... А какая мощь! Какая сила...

— Я задал тебе вопрос, Адель. Ты сама сделала этот артефакт?

— Я?! Ха-ха-ха-ха-ха... — Ее смех дротиками с ядом впивался в виски. — Я — женщина. Женщина не может быть артефактором! Вам ли не знать об этом, господин барон?

— Я знаю. Но, видимо, те, кто в этом так уж уверен, ошибаются. Либо у тебя есть очень талантливый сообщник. Адель, подумай. Если это сделала ты, я смогу убедить министерство в целесообразности использовать твои способности в военной артефакторике. Это будет трудно. Очень трудно! Но я попробую. За каждым твоим шагом будут следить. Но ты сможешь работать. И... ты будешь жить.

— Жить? Ты называешь это жизнью? Эрик...

Воздух стал плотным, тягучим. Запах ее духов. Странно. Ни при задержании, ни до этого запаха не было. Глаза... Цвета орехового варенья. Мама накладывает варенье в вазочку для короля Карла. Что-то прохладное касается его щеки. И голос:

— Давай уедем! Вдвоем... На острова. Купим замок у моря, оборудуем в подвалах лабораторию. Только подумай, что мы вдвоем сможем сделать! Это я делала эти артефакты, ты прав. Представь, какие возможности

откроются, если объединить наши силы! Кровь. Чувства. Помнишь, Эрик? Я же нравилась тебе. Всегда нравилась, я знаю. Я чувствовала. Видела, как ты смотрел на меня. Но тогда была война. И если Отторн позовет, мы снова встанем на его защиту, но сейчас мы ему не нужны! Нас просто выбросили, но мы — живы! Давай возьмем то, что заслужили. Ты и я. Я буду твоя, Эрик. Только твоя...

— Нет.

Женщина змеей вернулась в себя. Морок исчез. Надо же... Если бы не Агата, если бы не свет внутри, что подарило ему это чувство, он бы поверил. Поверил и пополз бы за Невидимкой, таким же склизким гадом — шипеть в подвалах над кристаллами, по капле продавая свою душу за призрачную иллюзию властителя мира. Он спас Агату, а она спасла его от страшной, чудовищной ошибки. От смертельного яда.

— Уведите!

Адель смотрела на бывшего канцлера так долго, что он уже готов был сам опустить глаза, но она отвела взгляд первой. Проиграла. Теперь уж точно. Почему не идут конвойные? Он же позвал!

— Скажи, Эрик. Это из-за нее? — Адель была настолько удивлена, что на какое-то время ее лицо стало... почти детским.

Барон фон Гиндельберг смотрел на эту совсем еще молодую женщину так, как будто видел первые. Она... совсем другая. Без нагловатого прищура, саркастической полуулыбки, с откровенным, ничем не прикрытым страхом в глубине расширенных зрачков. Он вдруг почувствовал вину за то, что сделала война с этой девочкой. Война и он, как ее неотъемлемая часть.

— Из-за нее?

— Да.

— Надо было ее убить... Такая невзрачная, серая мышка. Отобрала у меня всех мужчин.

— Господин барон! — Молодой солдат щелкнул каблуками.

— Где вас носит! Увести.

* * *

Наконец-то этот день закончился! Бывший канцлер с наслаждением вышел на улицу. Втянул в себя морозный, свежий воздух.

Солнечный свет слепил, отражаясь от нестерпимой белизны снега. После полутемных помещений заслезились глаза. Вокруг снова

возбужденные предпраздничной суетой люди, хотя до Седьмой ночи оставалось еще почти полмесяца. Может, купить вина? Или... цветы?

Он вдруг понял, что совершенно не знает, что делать. Как это — просто жить? Думать о том, что кто-то, кроме собак, ждет его возвращения. Отмечать праздники. Пирог. Подарки.

— Скажи... У тебя никогда не было ощущения, что ты не умеешь жить?

— Это как?

Курт привлек Эвелин к себе. За окном отеля уже начало светать. Пора уходить. Так долго задерживаться на одном месте опасно. Уставшие от страсти, они курили и пили вино. Станный вопрос. Но это была первая фраза, произнесенная девушкой с тех пор, как она выстрелила. Прямо в сердце противнику. Они ушли. Спаслись.

— Ну... Просто — жить. Переживать из-за погоды. Бояться простуды?

— Гулять с собакой. Читать детям сказки, — продолжил Курт, выпуская дым и улыбаясь.

— Печь пироги. Дарить подарки!

Они передавали друг другу одну папиросу на двоих и придумывали все новые и новые вещи, из которых, по их мнению, складывалась «просто жизнь». Им было хорошо вдвоем. Ее волосы пахли порохом и сладковатым дымом табака.

— Нам пора. — Ему очень не хотелось выпускать ее из объятий, но уже светает.

— Сейчас. Ты так и не ответил.

— Да. У меня было такое ощущение, — он развернул ее к себе и поцеловал, — нам пора.

Мобиль летел по горной дороге, а над горизонтом огромным раскаленным диском вставало солнце. Красное. Как кровь.

— Зачем?

Все это время Эвелин молчала. Он, не отрываясь, смотрел на дорогу и было подумал, что она спит.

— Что?

— Зачем ты крикнул: «Стреляй!» Я восприняла как приказ. Если бы не...

— Я был не прав?

— Курт! Как ты не понимаешь?! Это был чей-то сын. Внук Отец. Любимый...

Он остановился так резко, что мобиль занесло. Еще чуть-чуть, и они могли слететь в обрыв.

— Ты что?! Ааааааа!

От страха она стала кричать, бить его кулаками, задыхаться. Он гладил ее по голове, целовал, уговаривал, а потом взял ее голову в свои ладони и сжал так крепко, как только мог. Она зажмурилась от боли, но он не отпускал, крича ей в лицо:

— Ты тоже чья-то дочь, ты будешь чьей-то матерью, ты моя, понимаешь? Моя возлюбленная, и я не хочу тебя терять. Ты выстрелила только потому, что если бы не выстрелила ты, выстрелили бы в тебя!

— Гав! Гав!

— Гав-гав-гав!

Агата вздрогнула. Она была заплаканная, потому что сама недавно испытала все то, о чем сейчас пыталась написать.

Ее огнестрел был заряжен капсулами со снотворным. А если бы нет? Она бы... выстрелила? А если бы выстрелила... Как? Как бы она с этим жила? А на войне? На войне люди убивают друг друга. И у них нет выбора. Нет капсул с безвредным снотворным...

«Слушай, философ? Вообще-то к тебе пришел любимый мужчина. И не какой-нибудь, а барон! Может, хватит уже самобичеванием заниматься? Может, встретишь? Чай заваришь? Он, кстати, устал. У него был тяжелый день. Очень». — Эльза смотрела на нее с нескрываемым недовольством.

— Не сердись, милая, — Агата поцеловала низерцвейга в черный блестящий нос, — я уже иду встречать твоего хозяина!

Но она не успела. Барон фон Гиндельберг вошел, не снимая пальто, бросил на кровать два каких-то свертка и сгреб любимую в охапку.

— Я соскучился, — выдохнул он после долгого поцелуя, — я так соскучился, что не стал тратить время на поиск цветов.

— Какой ужас! Господин барон, что вы себе позволяете! — Агата притворно нахмурила брови. — Немедленно уходите! И без цветов не возвращайтесь!

— Прости меня, — улыбнулся он, — я купил гранатового вина и сыра.

— Правда?! — Агата, взвизгнув, подпрыгнула от счастья. — Какой ты молодец! Как ты угадал? Так хочется вина и сыра... Но если Касс узнает, что мы с тобой перебиваем аппетит, он очень рассердится.

— Он не узнает. Мы тихонько...

Грон и Эльза переглянулись.

«Слушай, а это не диверсия, часом? Это наш хозяин? Может, личина?

Он... ВОШЕЛ В КОМНАТУ В ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЕ! Ты это видела?» — Если бы низерцвейги могли открыть рот от удивления, Грон бы это сделал.

«Это еще не все. Он БРОСИЛ ПАКЕТЫ НА КРОВАТЬ и сейчас на полном серьезе собирается открыть бутылку с вином и покромсать собственноручно карманным ножом сыр!» — Эльза покачала головой.

«ЭТО ЛЮБОВЬ», — хором решили собаки и завиляли хвостами. Потому что яблоки — это, конечно, очень вкусно, но сыр...

* * *

Они пили вино и ели сыр, угощая по очереди низерцвейгов. Не яблоки, конечно, но, кажется, им понравилось. Он читал то, что она написала. Хмурился, прижимая ее ладонь к себе. И это было абсолютное счастье, до тех пор пока...

— Господин барон! Госпожа Агата! Это ж разве дело аппетит-то перед ужином перебивать!

— Касс, мы съедим все, что ты скажешь! Тем более я голоден.

— Госпожа Агата ничего не ест, пока вы не придете. Все пишет, пишет... Я уж ее уговаривал-уговаривал, а она...

— Касс, не ябедничай!

— Молодец, Касс. Будешь докладывать мне каждый раз, когда госпожа...

— Эрик! Этого еще не хватало! У меня книга, а вы тут...

— Гав! Гав!

— Гав-гав гав!

— Что за шум?

— Фульд! Вы как раз к ужину.

Глава 25

Эрик проснулся в полной уверенности, что спал очень долго. Посмотрел на часы — пятый час всего.

Наверное, все дело в том счастье, что дарила ему Агата. Щедро, как родник. Чудесный, чистый родник в лесу. Он как-то видел такой. Кругом война, а он бьет, переливаясь на солнце всеми цветами радуги... Так и она. Стоит только закрыть глаза, и увидишь ее улыбку, россыпь веснушек, нежные, ласковые руки. Эрик приподнялся на локте, поправил сползшее с плеча одеяло. Любимая сладко спала, подложив ладошки под щеку.

Неделя. Целых семь дней счастья!

Небольшой дом, который они сняли. Ничего особенного — только что расположение удобное. Достаточно тесновато (на взгляд бывшего канцлера). Но... не в ненавистный же фамильный склеп вести любимую женщину.

Любимую...

Барон не мог себе представить, что подобное может произойти с ним. Нежность. Коснуться плеча, провести кончиками пальцев за ушком, словно бы заправляя непослушную прядь, дотронуться до любопытного носика. Забота. Думать о том, как она себя чувствует, не нуждается ли в чем-либо.

Пока его не было дома, Агата просиживала за новой печатной машинкой целыми днями. Спасибо Кассу, Ульриху и собакам — они не оставляли неутомимую писательницу. Кормили, отвлекали.

Повар жаловался, что хозяйка выучилась рычать Грону на зависть! Барон подумал — и добавил бывшим солдатам жалованья.

— Ты почему не спишь? — не открывая глаз, спросила Агата. — Ворочаешься...

— Думаю.

— О чем?

— О том, какой я счастливый.

— А... Думай. — И она повернулась на другой бок.

Эрик с сожалением посмотрел на любимую. Все-таки неприлично рано. И она же... спит?

— Слушай, — недовольно проворчала женщина. — И вот как тебе намекнуть? Вроде старалась...

Барон рассмеялся и склонился над ней:

— Я — самый счастливый человек во всем Великом Отторне.

— Только в нем? — Глаза Агаты лукаво блеснули.

— Нет. Не только. — Он потянулся к губам.

Она нежно провела ладонью по его щеке и улыбнулась.

— Что?

— Ты — само совершенство.

— В каком смысле?

— Совершенство — и все!

Ну, не рассказывать же, как она удивляется каждый раз, просыпаясь рядом с ним после того, как они, казалось, страстно целовались на пороге спальни, срывая друг с друга одежду...

Нет, ее одежда, действительно, живописно валяется по всей спальне. Кружево нижнего белья в лучах утреннего солнца, пробивающегося сквозь светлые, полупрозрачные гардины. Очень... пикантно. Вот только одежда самого барона фон Гиндельберга ровной, аккуратной стопкой лежит на стуле. Безупречно. И как это у него получается? Он же... все время был с ней! Магия артефактов, наверное. Надо будет как-нибудь все же спросить. Очень полезный навык.

Но она не спросила. Не успела...

Усталые, с горящими от недавнего счастья глазами, они завтракали вместе, лениво кивая Кассу, что суетился вокруг, подкладывая хозяевам то оладушки с вареньем, то яйца с беконом.

Эльза и Грон лежали под столом, тоже, в свою очередь, наслаждаясь своим собственным, собачьим счастьем. Завтрак был великолепен. Ульрих мяса не пожалел, да и приготовлено оно было отменно! Хозяин и Агата наконец-то ведут себя вполне прилично, а уж сегодняшнее утро...

В эти дни зимнее солнце просто сходило с ума. Яркое, оно слепило глаза, заглядывало в окна, намекая, что до последней предпраздничной недели осталось всего ничего.

Бывший канцлер шел на очередной допрос, а перед глазами она... Маленькая, смешная, в его халате. Поднялась на цыпочки, поцеловала, помахала рукой, а у самой носик уже тянется к печатной машинке. Нырнуть в свою историю и пропасть там до того момента, как он вернется домой. Он гордился своей маленькой писательницей. Ему нравилось, что Агата так увлеклась и как минимум не скучает в его отсутствие. Вот только... Ее никогда не напечатают под женским именем. Это исключено. Под именем мужа? Она на это не пойдет. Да и он не позволит! Под мужским псевдонимом, при его непосредственном влиянии — возможно. Но даже если и так. Что если книга не вызовет интереса? Это будет сильным разочарованием. Ладно, в конце концов, он просто купит весь

тираж. Заплатит журналистам. Напишут несколько статей. Он сделает все, лишь бы она была счастлива!

Солнечные зайчики плясали на стеклах до блеска вымытых витрин магазинов. Перед глазами встала писательница. Она хмурилась, сложив руки на груди и качая головой. Он рассмеялся, прогоняя видение. Ну конечно! Агата не позволит ему вмешиваться — маленький, бесстрашный мастер остросюжетных историй...

Он зашел в табачную лавку, спросил островной табак. Думать о работе не хотелось, но сегодня он должен уговорить Адель согласиться перейти в отдел военной артефакторики. Неограниченный контроль ее жизни со стороны министерства неизбежен. Но это единственный шанс оставить Невидимке жизнь.

* * *

— Вам не кажется, господин барон, что ситуация начинает отдавать фарсом? — Сладкий дым островного табака тонкой струйкой вился вокруг тонких длинных пальчиков.

Элегантность. Таинственность. Утонченность. Барон смотрел на Адель и думал о том, сколько же в этой хрупкой молодой женщине силы. Неделя допросов. Грозит смертельный приговор. А она курит так, чтобы у мужчины, который на это смотрит, ныло внизу живота. И у нее... получается.

— Отчего же? — взял себя в руки бывший канцлер.

Каждый следующий допрос он начинал с того, что беседовал с разведчицей. Зачем? Она не сообщала никакой важной информации, ничего не объясняла в мотивах своего поведения. Это даже допросом было нельзя назвать — так, светская беседа.

Но тем не менее каждый день барона фон Гиндельберга начинался именно с этого.

Наверное, в тайне от самого себя он надеялся, что в один прекрасный день солдаты, пряча глаза и отчаянно злясь, сообщат ему, что госпожа фон Генгебах... сбежала?!

— Я устала, Эрик. — Ее низкий, красивый голос вывел бывшего канцлера из задумчивости.

— Пока вы скучали, я руководил любопытнейшей операцией.

Адель покачала головой, словно сомневаясь в способности мужчины ее услышать.

— Вам неинтересно узнать — какой именно?

— Не все женщины любопытны.

На мгновение барон вздрогнул, услышав любимое высказывание Агаты. Надо же...

— Фульд провел титаническую работу. Он изучил все смерти в столице за полгода — именно тогда в ваших руках оказалась «Водяная Смерть». И обнаружил два десятка трупов, подходящих под наш случай.

Адель грустно улыбнулась.

— Один из них — убийца, вина которого так и осталась недоказанной. Тем не менее следователь уверен, что аристократ похищал детей и убивал их.

Та же грустная улыбка. Ни один мускул не дрогнул на красивом лице... «К Всеблагим твое самообладание, Невидимка! Ты же не на допросе врага, Адель. Ну же, помоги мне!» — мысленно взмолился бывший канцлер.

— Следом погибли несколько теневых воротил. — Барон, не теряя надежды, продолжал, не отрывая взгляда от задержанной.

— Они контролировали карточные притоны, публичные дома и... наемных убийц. На их место пришли вежливые и крайне жестокие... военные. Часть подручных они поставили под контроль. Другую, большую часть пустили в расход. Тех, кто торговал наркотиками, — просто уничтожили.

— Да, — спокойно проговорила разведчица, — все верно.

— Верно?! Как и уничтожение нескольких неуловимых банд, которые терроризировали население и которых никак не могли задержать? Все верно?! То есть вы признаете, что за всем этим...

— За всем этим стояла я. — Она жестом попросила дать ей еще одну сигарету. — Порядок наведите в Министерстве внутренних дел. Ловили бы их так, как рассказывали...

— Смерть нескольких чиновников и ряда полицейских?

— Всецело на моей совести! — кивнула разведчица, подмигнув.

— Взять под свою руку преступный мир Отторна... Зачем?

Женщина рассмеялась:

— Могла бы сказать, что желала помочь родной стране. Или лично вам, господин канцлер...

— Я — частное лицо, — оборвал ее Эрик фон Гиндельберг.

Адель насмешливо проронила:

— Если вам нравится так считать, пожалуйста.

— И все же?

— Мне стало скучно.

— И все?

— Все. Разве этого мало? Страшнее скуки может быть только поражение.

— То есть смерть? Вы боитесь смерти, Адель?

— Если ты проиграла, это... Это все равно что смерть, Эрик. А я проиграла. Проиграла тебе...

— То, что ваша вина доказана, — начал было Эрик, — не отменяет возможности.

Но женщина его не слушала:

— Если можно проявить снисхождение к моим людям, то... я прошу!

Барон задумался. Подручные Адель, все как на подбор, — боевые офицеры. Она смогла их увести за собой. Более того — и она, и они делали это на благо Отторна. И если разобраться, в чем-то были правы.

— К ним — понятно. А к вам, Адель?!

— Я проиграла. — Невидимка замолчала, склонив голову набок, и после очень длительной паузы неожиданно произнесла: — Все же я не понимаю, что Людвиг и ты нашли в этой женщине?

— Думаю, Людвиг фон Лингер нашел в ней соавтора. Но отчаянно не желал этого признать.

Эрик не понимал, почему разговаривает с Невидимкой об Агате. Нужно было зацепиться хоть за что-нибудь. Ее холодное безразличие ко всему происходящему просто пугало.

— Глупости. Людвиг — гениален.

— Не стану спорить, но без жены книга бы не получилась, поэтому он и вернулся.

— Это вздор. Ты говоришь мне назло. — Адель равнодушно отмахнулась.

Женщина загасила сигарету. Посмотрела канцлеру в глаза. От ее взгляда позвоночник сковало холодом.

— Ничего подобного.

Адель долго молчала, потом усмехнулась:

— Мне жаль вас, Эрик. Вы влюбились. А таких людей, как мы с вами, чувства ни к чему хорошему не приводят. И все же я желаю вам счастья. Искренне. Прощайте...

Больше она не проронила ни слова.

Барон фон Гиндельберг вышел на улицу. И снова: яркое солнце, синее небо, нарядные люди в предпраздничной суете. Каждый день он шагает из сумрачного министерства, где допрашивает убийцу, в Счастье. Каждый

день Счастье ждет его в съемном доме, постукивает печатной машинкой, заваривает чай, гладит собак и кормит их яблоками. Счастье должно быть рядом. Рядом с ним. Всегда.

Он думал о том, что до сих пор не получил документы о разводе госпожи фон Лингер. Безобразие! Ничего. Разберется. Добьется перевода Адель-Невидимки в ООВА (Особый отдел военной артефакторики). И развода Агаты тоже добьется. А потом... Потом он сделает ей предложение. Хотя почему потом? Зачем же откладывать, когда он может сделать это сейчас? За ужином.

Барон достал тонкую блестящую пластину и стал нажимать на кнопки. Попросить Касса приготовить что-нибудь особенное, отдать распоряжение Ульриху — пусть пришлют корзину цветов. Мысленно приказать Эльзе не проговориться. Что еще? Ах да... Какой же он болван — кольцо!

Золото и камни высшей пробы в Лаутгарде можно было достать только у одного человека — Анхеля Ювве. Островитянин неблагородного происхождения пользовался в среде артефакторов большим уважением. Анхель с детства был болен. Вполне развитое, немного грузное тело пожилого мужчины он с трудом перемещал на маленьких кривых ножках. Однако более жизнерадостного и светлого человека было не найти во всем Отторне! Ювве прекрасно разбирался в ювелирном деле, артефакторике, был настоящим экспертом и очень порядочным, честным человеком. Редкий случай в подобном бизнесе.

* * *

— Мне нужно кольцо.

— Какое? — Глаза Анхеля, как и всегда, радостно блестели.

Они встретились очень тепло. Барон отметил, что друг постарел. Передвигался Ювве на кресле с высокими колесами. Значит, уже не ходит. Надо будет посоветоваться с Фульдом. Наверняка они вместе смогут помочь.

— Господин канцлер, вы меня слышите?

— Я бывший канцлер, Ювве.

— Уже в отставке? Как летит время. Так какое вам нужно кольцо, господин бывший канцлер?

— Я собираюсь жениться.

— Ну что ж...

Ювве покати́л вперед, жестом приглашая гостя следовать за ним. Эрик

не был тут, наверное, года три. За это время помещение, в котором Анхель торговал кристаллами и украшениями, расширилось. Теперь это были два больших, светлых зала.

— Ну что ж — прошу! Выбирайте. Все очень дорогое. И все — высшей пробы! Вы меня знаете.

— Конечно. Никогда в вас не сомневался.

Канцлер смотрел на кольца. Красивые. Дорогие. Смотрел и... не мог выбрать.

— Эрик... Могу я задать несколько личных вопросов, несмотря на то, что это не мое дело? — Анхель склонил голову набок и посмотрел барону в глаза так, что тот на секунду растерялся.

— Конечно.

— Вы собираетесь жениться по любви?

— Да. В это практически невозможно поверить, но... Да!

— И вы не можете выбрать ни одно из предложенных изделий?

— Кажется... нет. — Барон пожал плечами.

— Знаете что... Там, откуда я родом, влюбленные стараются дарить на помолвку простые кольца. Нежные, трогательные. Но обязательно — недорогие! Простой металл или золото невысокого качества. Кристаллы, цена которых просто смешная. А знаете, почему?

— И почему же?

— Чтобы не спугнуть Любовь... Мой вам совет, господин барон. Идите и в любой ювелирной лавке Отторна купите кольцо, которое напомнит вам ее. Сожмите в ладони. Закройте глаза. Услышите стук своего сердца, а в нем — стук сердца вашей возлюбленной. И поверьте старому калеке Анхелю — мощнее артефакта в вашей жизни вы не сумеете создать! А брак ваш будет счастливым. Уж поверьте старому Ювве...

Барон наклонился к коляске, и они обнялись. А потом...

Потом он гулял по Отторну, заходя во все ювелирные лавки подряд и покупая по пути все, что попадалось на глаза. Засахаренные цветы, шоколадные фигурки вестников, подвеску на ошейник в виде снежинки для Эльзы, блокнот, на каждой странице которого в нижнем углу был изображен низерцвейг. Если листать быстро, пес глубокомысленно склонял голову набок — совсем как Грон. Агате понравится! Он так увлекся, что не заметил, как вошел в очередной ювелирный магазинчик.

Честно говоря, барон фон Гейдельберг уже и не надеялся найти что-либо подходящее. Метод Ювве работал из рук вон плохо — ни одно кольцо не подходило. Вдруг его взгляд упал на тоненькое колечко с рубинами. Кристаллы искусственно выращенные, да и золото наверняка низкого

качества, но... Россыпь крошечных алых камней напомнили гранатовое вино. Он представил себе, как это простенькое, в общем-то, колечко будет смотреться на пальчике будущей баронессы фон Гиндельберг, и ему понравилось. Не раздумывая, он купил кольцо. Тонкая металлическая пластина в кармане завибрировала.

— Что случилось, Касс?

— Господин барон, госпожа Агата отказывается есть до вашего прихода, а уже...

— Я понял. Скоро буду.

Домой! Кормить, целовать, дарить кольцо...

* * *

Он уже поднимался по ступеням, когда услышал:

— Господин барон Эрик фон Гиндельберг?

За спиной щелкнули каблуки. Барон дал себе несколько секунд. Унять сердцебиение. Он знал, кого увидит, если обернется. Молодого, розовощекого адъютанта в форме королевской гвардии с пакетом на имя канцлера фон Гиндельберга. Лично в руки. Бархатная бумага, золотое теснение и гербовая печать короля Карла...

Глава 26

Эвелин горько, по-детски плакала, закрыв лицо руками, словно это могло помочь. Сил взять себя в руки не было, да и зачем? Хорошо, что никого нет. Она с детства любила крыши. Когда-то детские шалости со временем превратились в очень полезную для разведчика привычку: где бы она ни была, первым делом проверяла выход наверх. Прекрасная возможность уйти незамеченной.

Тихо. Тихо и холодно. Лишь начинающиеся сумерки да спрятавшийся за трубой серый кот — свидетели ее позора. Не узнать врага, из-за которого погиб любимый, из-за которого пришлось скрываться в Оклере те несколько страшных недель. Это по ее вине чуть не погибли люди. Если бы она узнала шпиона раньше, скольких проблем можно было бы избежать. Но она его не узнала... Не узнала! О чем только думала? Курица! Жалкая курица! Разведчица называется...

Небо стремительно темнело, словно соглашаясь с бледной девушкой, что решила вылить на него всю свою боль. Если бы слышали Вестники, они бы простили? Нет! Такое не прощается. Не прощается! Вестники нахмурились, серая тень кота дрогнула и тут же исчезла, наступила темнота...

— Эви! Эви, Эвелин, очнись! Очнись! Ну давай, давай! Открывай глаза, ну же! Вот... Вот. Вот так Молодец...

Он с ног сбился, пока отыскал ее. Если бы не кот, что неожиданно стал отчаянно мяукать, пока Курт носился по чердачным помещениям (все остальные уже были проверены вдоль и поперек), выйти на крышу и в голову бы не пришло! В первую секунду мужчина решил, что девушку убили. В то же самое мгновение понял, что жизнь без нее не имеет никакого смысла. Несколько мгновений его собственное сердце молчало и откликнулось вновь лишь тогда, когда он услышал слабый стон.

Резкий запах около лица — чьи-то сильные мужские руки не дают вырваться, отвести голову, горечь лекарства на языке. Курт! Какой-то незнакомый мужчина рядом с ним... Он что-то говорит. Губы шевелятся. Но она не слышит. Почему? Почему она ничего не слышит? Курт! Курт, что со мной?

— Не волнуйтесь. С Эвелин все будет хорошо. У нее шок. От сильного переживания. Пусть отдыхает. Успокоительные. Тишина. Покой. Длительный сон, хорошее, я бы даже сказал, интенсивное питание.

Прогулки на свежем воздухе. Но не долго. Обязательно — режим. И все.

Курт кивал, слушая, как внизу смеются военные из группы захвата. Смерть прошла мимо, и любая шутка, даже самая пустяковая, кажется удивительно забавной. Голос начальника контрразведки — он лично прибыл на задержание, чтобы познакомиться наконец с неуловимым шпионом.

— Как ты?

Эвелин почувствовала тепло его рук.

— Я... Курт... Я его не узнала.

— Ты видела его мельком много лет назад. За это время он достаточно сильно изменился.

— Это не важно. Не оправдание для разведчика. Я видела его в Оклере. Видела! Я же все помню, Курт... Каждую мелочь. Так, как если бы это было вчера. Цветочная улица. Лепестки шоколадных деревьев под ногами. И запах. Этот проклятый сладкий запах. С тех пор я его ненавижу... Слышишь? Ненавижу!

— Эвелин... Милая моя, успокойся. Не терзай себя так. Все хорошо. Все закончилось. Когда это было? При каких обстоятельствах вы встречались?

— Человек, руководивший операцией...

Прошло много лет. Разведчик, к которому ее тогда отправили связной, давно погиб, но она все равно прикусила язык и опустила глаза, не в силах выносить взгляд Курта.

— Позор! Он все время был рядом. И он меня опознал!

— Его все равно арестовали. И на него указала ты!

— Да. Но только после того, как услышала его голос. Я должна была...

Курт накрыл ее губы поцелуем, решив, что самобичеваний на сегодняшний день более чем достаточно. Врач сказал — покой. И усиленное питание. Завтра он поведет ее на пикник, сделает предложение и застрелится, если она не скажет: «ДА»...

* * *

Агата дописала развязку, откинулась на спинку стула, завела руки за голову и потянулась. Плечи затекли, голова немного кружилась, но она закончила эту главу! Последнюю!

Эвелин опознала вражеского шпиона, который после войны стал работать на могущественную корпорацию, что планировала захватить

контроль над всеми месторождениями магических кристаллов. Курт ее героически спас. Враги повержены, влюбленные живы! Все хорошо...

Писательница вздохнула, выпрямилась и решительно напечатала вверху нового чистого листа: «ЭПИЛОГ». Замерла на мгновение. Улыбнулась каким-то своим мыслям. И снова погрузилась в работу.

Курт и Эвелин поженятся на рассвете, тайно, и единственным свидетелем их клятвы в забытой Вестниками старой, полуразрушенной Башне будет не пойми откуда взявшийся тот самый серый кот. А в следующем романе обязательно будет собака! Или, может быть, две?

Эльза одобрительно посмотрела на Агату. Грон, кажется, тоже не возражал. Все лучше, чем какой-то серый кот! Довольно бесполезные создания эти коты, если разобраться. Хотя... у него в этой истории настолько второстепенная роль, что пусть будет. Но собаке необходимо будет уделить больше внимания.

— Конечно, конечно, — кивнула Агата низерцвейгам. — Я обязательно учту...

Осталось всего несколько страниц — и она закончит свой первый самостоятельный роман. Это будет достойным завершением сегодняшнего дня! Писательница с нежностью посмотрела на конверт из Министерства обороны, переданный посыльным еще утром. Отныне она — свободная женщина — госпожа Агата Энтин.

Неожиданно она почувствовала волнение собак. Внутри как будто что-то оборвалось.

Она бросила печатать, вскочила и понеслась к входной двери вслед за низерцвейгами.

— Слава Всеблагим! С тобой все в порядке? Эльза и Грон почему-то заволновались, и я... Эрик?

Агата подбежала совсем близко, захотела обнять, и... замерла. На мгновение любимый человек показался ей просто незнакомцем. Холодным и чужим.

Пренебрежительно поджатые губы. Ледяной прищур глаз. На самом дне зрачка — боль. Или... нет? Показалось?

— Добрый вечер! — протянул барон фон Гиндельберг. — Агата, милая... Нам надо поговорить. Думаю, в гостиной, у камина будет удобно.

— Эрик? Что... что случилось? Почему ты так...

— Сядь!

Его голос ее просто оглушил. Собаки... Собаки молчали. Она села в кресло, вжавшись в мягкую обивку всем телом. Жаль, что нельзя протиснуться внутрь так, чтобы исчезнуть совсем... Как в сказке про Чака-

Невидимку. Невидимка... Что-то это ей напоминает. Ах да, Адель... Интересно, что с ней? И почему Эрик... И снова его голос. На этот раз — еще громче прежнего! Ей вдруг нестерпимо сильно захотелось зажмуриться и прижать ладони к ушам, чтобы не слышать... Не слышать!

— Агата... Я считаю необходимым проговорить некоторые особенности сложившихся между нами отношений. Видишь ли, в последнее время я заметил, что ты... Как бы это помягче сказать? Увлелась своим положением.

— Я... не понимаю, Эрик...

— Именно об этом я и говорю, милая. Ты не понимаешь. Не понимаешь: кто я — и кто ты. Ты — содержанка. Я оплачиваю дом и, кажется, не жалею средств на прочие мелочи. Так почему же меня встречает бледная, растрепанная женщина с усталыми глазами?

— Эрик Что произошло? Почему ты так переменялся? Я пишу книгу, и ты это знаешь...

— Надоело. Надоело ждать, пока ты сама догадаешься, что все это... — он пренебрежительно дернул плечом, — не мой уровень.

— Но...

— Я, конечно, благодарен за то, что ты меня развлекла. Более того, я хочу продолжить наше... гmmm... общение. Оно приятное и взаимовыгодное. Однако этот разговор назрел, потому что я стал опасаться — ты можешь все неправильно понять и лелеять какие-то ложные мечты. Тем более мне хотелось бы, чтобы собственные увлечения в свободное от наших встреч время, против которых я, заметь, не возражаю...

— Скажи, — перебила Агата, сжав кулаки за складками юбки, — просто скажи мне. Только, пожалуйста, скажи правду. Почему?

— Я совершенно не понимаю сути вопроса. Ужин готов?

Женщина отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Ну, перестань. Мне не нравятся слезливые женщины. И потом — я же не выгоняю тебя на улицу! Более того, не урезаю содержание. Просто... надо навести порядок в твоих мыслях.

Агата вздрогнула. И тихо сказала:

— Уходи.

— Отчего же? — удивился господин барон. — Нам же хорошо вместе.

— Было...

— Что ж... Жаль. Дом оплачен на три месяца вперед, и прерывать содержание я не намерен. За то время, что мы были вместе, вы вполне это заслужили. Прощайте, госпожа фон Лингер.

Агата заставила себя смотреть, как он уходит. И снова показалось, что

тонкие губы барона не столько сложились в презрительной ухмылке, сколько пытались скрыть гримасу нестерпимой боли... Показалось... Просто сознание не хочет верить тому, что случилось только что. Не хочет признавать.

Все. Все закончилось. Вот так Внезапно...

Грон, повинуясь приказу, пошел вслед за бароном. Низерцвейг хмурил густые, недовольно торчащие во все стороны брови и старался не смотреть в сторону Агаты. Эльза же, напротив, металась, жалобно поскуливая, между мужчиной и женщиной. Потом тяжело вздохнула и уселась около ног Агаты.

— Иди к нему, — тихо прошептала та, опускаясь на колени рядом с собакой. — Ты же понимаешь, что его надо защищать. Ты ему нужнее, да и мне так спокойнее. Слышишь? Иди...

Блестящие янтарные глаза смотрели прямо в душу. Агата очень хотела заплакать, но почему-то не получалось. Эльза словно ждала, когда можно будет слизнуть с бледной щеки крошечную соленую капельку теплым, мягким языком, чтобы... Поддержать, что ли?

Но слез не было. Агата и сама удивлялась. Только пустота.

Входная дверь закрылась.

Она, наверное, очень долго стояла вот так, вполоборота, не отрывая взгляд от двери, потому что, когда ее тихонько окликнули, каждый мускул вздрогнувшего от неожиданности тела отозвался нестерпимой болью.

— Госпожа Агата...

— Да, Касс.

— А знаете. Я, когда мне грустно, пеку. Тесто оно такое мягкое. Его месишь, месишь. И успокаиваешься. Вы хотели, чтобы я научил вас, помните? Госпожа Агата? Агата... Агата, вы меня слышите? Пожалуйста, посмотрите на меня.

Касс вздохнул. В госпитале он видел и не такое. Проходил, как все, специальную подготовку, чтобы оказать своевременную помощь товарищу.

— Агата? — Ответа не последовало, и тогда повар, прошептав одними губами: «Прости», звонко шлепнул женщину по щеке.

Мгновение она испуганно смотрела ему прямо в глаза, но он тут же обнял, прижав ее голову к своему белоснежному фартуку.

Она рыдала. Громко. Долго. Ульрих принес успокоительные капли. Агата выпила, расплескав половину трясущимися руками на уже и без того насквозь мокрый от ее слез фартук. Майер заварил успокаивающий чай. Конечно, у самой госпожи получилось бы не в пример лучше, но хозяйка выпила, и слава Вестникам, кажется, помогло...

— Госпожа Агата, вы простите меня, — начал было Касс, но писательница его остановила, резко вытянув руку вперед.

— Спасибо, Касс. Спасибо вам. Большое. Простите. Простите за фартук.

— Госпожа Агата! — Повар был готов зарыдать сам.

— Я... мне надо собрать вещи и...

— Послушайтесь моего совета. Не торопитесь. Вас никто не гонит, а уйти в таком состоянии на ночь глядя... Нет, вы только прикажите. Мы соберем вещи и пойдем, куда прикажете. Только не стоит рубить с плеча. Оставайтесь. Оставайтесь на несколько дней. Как говорила моя бабушка: «Всеблагие Вестники не спят по ночам. К утру что-нибудь придумают».

— Спасибо, Касс. — Агата улыбнулась, вытерла слезы краешком передника, чудом оставшимся сухим, и спросила: — Что у нас на ужин?

— Картофель и индейка в клюквенном соусе, — удивился солдат, не ожидая подобного вопроса от женщины в таком состоянии.

— Прекрасно. А на десерт?

— Мороженое.

— Какое мороженое?

— Шоколадное.

— Отлично! Вот это все мне в комнату. Мороженого — побольше. Я должна дописать книгу. А утром, как говорила ваша бабушка: «Всеблагие что-нибудь придумают...»

* * *

— Господин барон?!

Доктор Фульд спешил за фон Гиндельбергом, но никак не мог догнать ни его, ни собак.

Пришел, называется, на ужин. А ведь его приглашали! И куда, интересно, летит этот неугомонный! На ночь глядя?!

— Эрик! Да постойте же вы!

Похоже, господин барон наконец услышал. Мужчина остановился, не оборачиваясь.

— Что случилось?

Фульду мгновения хватило, чтобы оценить состояние друга. Слишком долго они были вместе. Слишком многое прошли. Эти напряженные плечи он уже видел и прекрасно понимал, что за этим не стоит ничего хорошего...

— Читай.

Эрик протянул доктору конверт.

— Уже темно. Что в нем?

— Приказ явиться во дворец на встречу с его величеством.

— Зачем?

— Думаю, на кофе с десертом в ореховой гостиной. Тебе же не нужно объяснять, что это значит? Белый фарфор. Воздушный, изысканный десерт и... маленькая чашечка кофе.

— Перестаньте, Гиндельберг, — поморщился доктор, — привычка травить придворных, распивая с ними кофе, умерла вместе с императором Франциском Отторном ни много ни мало триста лет назад!

— Что ж. Думаю, король вполне вправе возродить старую, добрую традицию.

— Эрик, я уверен, что ты все это себе надумал. Это, во-первых. А во-вторых, раз уж я остался по твоей милости без ужина — ты угощаешь.

Фульд поднял руку, остановил экипаж. Последнее время эту более старомодную версию современных мобилей использовали в качестве такси, чтобы демонстрировать очарование старой части города туристам. Доктор буквально силой затолкал бывшего канцлера внутрь. Собак же уговаривать не пришлось. Холодно. Сыро. И они, кстати, тоже остались без ужина по чьей-то милости. Это не считая того, что Агата там одна...

— К «Сытому Висельнику», — бросил барон. — Заедете с черного хода.

— К чему такая конспирация? Закрытый клуб, с черного хода?

— Вот только не надо искать в моем поведении признаков начинающейся паранойи. Поужинаем вкусно и спокойно. Возможно, это последний ужин в моей жизни.

— Попался! Этой фразы вполне достаточно, чтобы положить тебя в клинику.

Барон улыбнулся, и это немного успокоило Фульда, но что-то было не так. Эрик был... прежним. Таким, как всегда. Но вовсе не таким, каким он был последнее время. Последнее время бывший канцлер был счастлив, и хотя каждый раз доктора это более чем удивляло, он к этому привык! И сейчас... Было по-настоящему больно констатировать тот факт, что все вернулось на круги своя.

Полутемный зал «Сытого Висельника». Зеленые портьеры. Круглый стол. Еда. Вино. Они немного помолчали, когда Фульд, нехотя, но все же вернулся к начатому на улице разговору.

— Так почему ты решил, что тебя хотят отравить?

— Я слишком много знаю. Людей моего уровня просто так в отставку не отправляют. Это логично. Естественно. Я сам лично подписал не один приказ о ликвидации. Теперь кто-то подписал мой. Вполне справедливо. Надеюсь, успею что-нибудь сделать для Адель. Но... надежды мало. Без меня ее вряд ли оставят в живых.

— А Агата?

— Агата, — грустно усмехнулся Эрик. — Я сделал все, чтобы она никогда меня не простила и ненавидела всю жизнь.

— Могу себе представить. — Фульд помрачнел.

— Надеюсь, ее персону не сочтут настолько важной, что... Как я мог забыть, что со мной рядом находиться опасно? Глупец! Влюбился, как мальчишка! Поверил в счастье. В то, что обо мне просто забудут. Я идиот, Фульд!

— И куда теперь?

— В фамильный склеп Гиндельбергов.

— Разве можно так над собой издеваться? Ты же ненавидишь этот ваш родовой особняк!

— Хорошее место, чтобы провести последнюю ночь, не находите, доктор? Спасибо, Фульд. Спасибо, что составил компанию. Однако пора.

Бывший канцлер попрощался с доктором Фульдом, в тысячный раз отклонив любезное предложение переночевать в его доме. Он отпустил экипаж чуть раньше. Захотелось немного пройтись с собаками.

Впереди показались очертания пятиэтажного белого особняка, окруженного чугунной оградой, украшенной семейным гербом. Щит, два скрещенных меча и корона. Какой... отвратительный пафос! Семейное гнездо не вызывало у последнего из рода никаких чувств. Даже как-то совестно, честное слово... Тем более что завтра, хочет он того или нет, ветвь прервется. Ну что ж, настало время сказать «прощай» духам его предков. Его ждет огромная холодная мрачная зала и пыльные, выцветшие портреты. Не совсем то, что ему хотелось бы в последнюю ночь, но... Выбора судьба не оставила.

Эрик фон Гиндельберг коснулся чугунной ограды. Ладонь прижалась к кристаллу, что украшал место пересечения двух мечей, и огромные ворота, покоряясь руке хозяина, с печальным стоном расступились.

А потом барон долго колотил в парадную дверь.

— Я вызову охрану! — Наконец в окнах зажегся свет, а шаги за дверью возвестили о том, что кто-то изволил откликнуться.

— Открывай!

— Да как вы смеете! Вы хоть знаете, чей это дом?!

— Мой!

— Что?! Да как вы сме... Господин... барон?!!

Дверь приоткрылась сначала на маленькую щелочку, затем поспешно отворилась настежь.

— Всеблагие! Господин барон! Простите, не признали... Что ж вы не предупредили? А мы и не ждали... Уж столько лет... Всеблагие...

— Совсем распоясались! Безобразие! — рявкнул барон фон Гиндельберг. — К завтрашнему утру навести порядок! Нанять прислугу!

— Гав! Гав!

— Гав-Гав-Гав!

Глава 27

Эльза ворочалась и вздыхала, сгребая лапами одеяло под себя. Ноги у Агаты всегда мерзли, и поэтому, когда она только засыпала, а собака ложилась на них — это было счастье! Просто блаженство. Но к середине ночи становилось нестерпимо жарко, и тогда она тихонько выползала из-под низерцвейга, стараясь не разбудить.

Наверное, так было и в эту ночь. Удивительно, но Эльза не спала. Она спрыгнула с кровати, чего не делала никогда, подошла к спящей Агате, лизнула в лицо. Почему-то шерсть ее стала белой, а потом и голубой, свет от торчком стоящих ушей россыпью маленьких ярких звездочек Млечным Путем заструился в открытое окно. Странно. Она же... не открывала окон?

Теплый, мягкий язык лижет лицо, по которому почему-то бегут слезы. Почему она плачет? Из-за барона? Ах да... Он же... Но она уже плакала! У Касса на плече. Его белоснежный, немного жестковатый накрахмаленный фартук пах ванилью. Эльза... Эльза, перестань! Но собака молчит, а в голове раздается:

«Он сделал это специально. Я знаю. Считает, что рядом с ним слишком опасно. Ты же видела, сколько боли было в этом спектакле...»

— Спектакль?! Но... Эльза?!

Агата села на кровати, тяжело дыша. Ночная рубашка промокла насквозь, волосы прилипли к лицу. Кажется, у нее жар.

— Эльза? — позвала она хрипло.

Собаки не было. Да ее и не могло быть. Вчера Эльза и Грон ушли. Ушли вместе с... ним.

Что еще? Ах, да. Теперь она — Агата Энтин. Никому не известная писательница, не имеющая никакого отношения к многочисленной семье фон Лингеров! Рукопись — на столе. Она встала, накинула халат. Все тело, от макушки до пяток, бил озноб. Дрожащими руками вставила чистый лист. Напечатала название. Псевдоним, под которым хотела издаться. Писательница придумала его давным-давно и менять, несмотря ни на что, не собиралась. Все. Теперь — умыться, позавтракать и навестить господина фон Бикка вместе с Розалиндой-Жозефиной. Или Жозефиной-Розалиндой?

— Госпожа Агата? Завтрак готов!

— Спасибо, Касс, я сейчас.

Касс сиял ярче утреннего солнца, белого снега, собственного накрахмаленного фартука и звезд над Вестниками! Повар что-то напевал, суется вокруг хозяйки.

— Касс! Умоляю тебя, я лопну, слышишь? То, что вчера я съела практически все, что было в доме, вовсе не говорит о том, что так будет всегда! Вчера... Это, видимо, был стресс. Живот, кстати, болит до сих пор, а ночью снились кошмары. Так что отставить меня перекармливать!

— Да что вы такое говорите, госпожа Агата! — Касс обиженно надул губы. — Да вы вчера впервые на моей памяти, можно сказать, поели нормально! И потом, у вас сегодня такой тяжелый день! Вы ведь идете в издательство?

— Да... Иду.

Наверное, она поделилась планами накануне, иначе откуда было Кассу знать о ее намерениях? То, что повар произнес это вслух, неожиданно испортило настроение. Внезапно стало страшно. Пришло осознание, что ничего не получится. Бикк не станет ее печатать под собственным псевдонимом, у Людвиг вот-вот выйдет новая книга, и, какая бы она ни была, — ее творение на фоне фон Лингера никто даже и не заметит. Так к чему это все? Мечты, надежды. На что она рассчитывает? Пора спуститься с небес на землю. Густав и Ганс наводят порядок в поместье. Но когда поместье начнет приносить доход? И начнет ли? Пятерым нанятым солдатам необходимо платить жалованье. Хорошо хоть фрау Берта отдала украденные Ульрихом деньги. Их нужно потратить с умом до того момента, как она найдет себе работу. Агата Энтин неплохо владеет стенографией, умеет работать с текстом, а за последнее время даже освоила кристаллическую печатную машинку. Профессионалов с таким опытом практически нет. Эрик где-то достал экспериментальный образец...

Эрик. Имя всплыло в памяти, и комок тут же подкатил к горлу. Нет! Не вспоминать. Держать себя в руках — сейчас не время.

Что еще? Она неплохо стреляет. Можно попробовать заработать в тире. Агата вдруг представила себя в окружении разгоряченных, подвыпивших мужчин, делающих ставки, и она бы разревелась, если бы повар неожиданно не прервал ее мысли:

— Не волнуйтесь вы так, госпожа Агата! Так чудесно, трогательно написано... Про кота...

— Что?! Касс?!!

— Вы уж простите, госпожа Агата... Не сердитесь на нас...

— На вас?!!

— Мы втроем и читали. Я, Ульрих, Майер. Вы уйдете спать, а рукопись-то вот она — лежит...

— Так... И... как? Только честно.

— Нам всем очень понравилось. Конечно, на войне так не бывает, но... Людям другое и не следует рассказывать. Вы талантливая, госпожа Агата! И мы... Мы все желаем вам удачи!

Провожали писательницу действительно все.

Солдаты хвалили ее роман! Люди, прошедшие через ад. Потерявшие все. Восставшие из пепла. Она доставила им вечер приятных эмоций. Заставила поверить в любовь и мечты! Что может быть чудеснее? Ей бы так хотелось, чтобы Ульрих, Майер, Ганс, Густав и Касс нашли свое счастье!

* * *

— Госпожа фон Лингер! Как приятно вас видеть, дорогая! Чай? Кофе? Знакомый кондитер утром прислал лимонные пирожные, как чувствовал, что к нам сегодня заглянет дорогая гостья, правда, Жоззи?

Собака слизывала с бархатной, расшитой золотом подушечки остатки крема. Почему-то это зрелище вызвало отвращение. Агата и раньше не испытывала к Жозефине-Розалинде нежных чувств. Это при том, что собак она любила. Писательница сделала несколько глубоких вдохов и, стараясь не смотреть в сторону литтл-херригана, как можно более дружелюбно произнесла:

— Спасибо, господин фон Бикк. Я, пожалуй, воздержусь. Завтрак был более чем плотным (и это, кстати, истинная правда! Спасибо Кассу...).

— Ах, какая жалость! Но ничего-ничего, мы завернем вам пару пирожных с собой! Правда, Жоззи-Роззи?

Жоззи-Роззи выразительно чихнула, отчего остатки пирожного разлетелись в разные стороны. Капелька крема попала на рукав Бикка, но он этого не заметил. Агата присела на краешек диванчика, стараясь не обращать на все это внимание.

— Итак, госпожа фон Лингер, с чем пожаловали?

— Госпожа Агата Энтин. Со вчерашнего дня. Мы с господином фон Лингером разведены, и я обращаюсь в ваше издательство как самостоятельное лицо. Я более не являюсь редактором Людвиг фон Лингера.

— Ах, вот как... Ну что ж, госпожа фон Лин... эээ... мм-м... госпожа... Агата. Я... Я весь, собственно говоря, к вашим услугам. — Издатель откинулся на спинку кресла и развел руками.

— Господин фон Бикк Я принесла рукопись.

— Чью?

— Мою рукопись.

— И вы собираетесь печататься?

— Под женским псевдонимом.

— Для вас это принципиально?

— Более чем.

— Я вас понял. А теперь, — Бикк встал, взял на руки собаку, вышел из-за стола и опустился в кресло прямо напротив Агаты, — теперь послушайте меня. Не надо. Слышите? Не надо устраивать революцию, дорогая. Вы не в том положении. Даже если бы ваша рукопись была подписана мужским псевдонимом, я не намерен тратить время на ее чтение. Время — деньги, милочка. Возвращайтесь-ка лучше редактировать тексты Лингера. То, что он пишет самостоятельно, отчаянно требует вашей редакции! Я признаю ваш талант! Бесспорно, признаю! Да, Жозефина?

— Но господин фон Бикк...

— Я еще не закончил. Вам ведь нужны деньги, так? Старина Бикк никогда не скупился ради выгодных проектов, госпожа фон Лин... эээ... да. Так вот. Не хотите жить с Лингером — извольте, дело ваше! Мы с Жоззи-Роззи никогда не лезем в частную жизнь, да закроют Всеблагие лица облаками! Какое наше дело? Мы ведь можем сотрудничать с вами совершенно самостоятельно, не правда ли? Сколько вы хотите за полную редактуру новой книги Лингера? Сколько? Заметьте, я готов на многое. Вы действительно вольны диктовать условия. Пока я добрый. Да, Жозефина?

— Хорошо. Вы печатаете меня под женским псевдонимом, а я редактирую все, что вы скажете.

— Э нет, госпожа фо... эээ... Агата. Во-первых, я не буду позорить уважаемое издательство женскими именами. Абсурд! Немыслимо! Вестникам и не снилось! Я столько лет добивался уважения и престижа! А во-вторых, у вас появится свой интерес. Вы почувствуете конкуренцию. Нет. Нет, нет и еще раз нет! Исключено!

— Рrrrrrrrrrrrr... Ау-ауууу! Тяф! Тяф-тяф-тяф!

— Не волнуйся, Жоззи. Госпожа... эээ... Агата сейчас подумает хорошенько и озвучит нам с тобой кругленькую сумму своего будущего гонорара! Правда, госпожа Агата? Ну не капризничайте, право слово! И учтите, второй раз я вам предлагать ничего не буду! Вы хоть и весьма

талантливый, опытный и добросовестный редактор, но не единственный! Далеко не единственный. Таких, знаете ли...

— Таких много. Уверена, вы с Людвигом найдете мне достойную замену. Всего доброго, господин фон Бикк.

Уже за спиной она услышала:

— Я даю вам время подумать!

Конечно, она подумает. Агата Энтин очень скоро будет нуждаться в деньгах. Крайне нуждаться. Но до чего же... Обидно. Больно. Столько работы. Бессонных ночей. И это все...

Она опустила на скамейку, все еще прижимая к себе толстую папку синего цвета с гербовой печатью короля Карла. Надо же... Она и не замечала раньше. Бархатная бумага, золотое теснение. Эрик дал... Ну да, какие еще папки могут завалиться у бывшего канцлера?!

Вдруг стало смешно. Неестественно весело. Неожиданно она запрокинула голову и рассмеялась в высокое, пасмурное небо, подставив лицо снежинкам. Несколько дней до этого небо было ясным, светило солнце, но сегодня шел снег, который, казалось, усиливался. В детстве она верила, что Вестники, готовясь к празднику, выбивали на небе перины.

— Агата! Я рад видеть тебя. — Голос над головой немедленно прервал все веселье.

— Людвиг? Здравствуй. Что ты здесь... Хотя странный вопрос, что ты делаешь возле издательства, правда? Скорее, ты должен был бы спросить, что здесь делаю я. — Она грустно улыбнулась, все так же крепко прижимая к себе папку.

— Агата, перестань. Дорогая, все не так плохо, как ты думаешь. Я готов простить тебя. Конечно, при условии, что твое дальнейшее поведение будет, как и раньше, безупречным. Мама, конечно, очень сердита. И есть из-за чего. Она находится под присмотром приходящего психиатра. Только чудом удалось избежать клиники! Как ты могла поступить так с нами, с твоей семьей. А поместье?! Нас выставили оттуда, как... нищих оборванцев! Но я все это готов тебе простить!

— О чем ты, Людвиг? За что тебе меня прощать, позволь спросить? За то, что у тебя все это время была любовница, которая едва не лишила меня жизни? За что я должна просить прощения у фрау Берты? За то, что ее сын украл мои деньги, а она пыталась меня отравить?

— Не начинай, Агата! Я надеялся, ты все осознала, пришла в себя! Я знаю, что нас развели. Вчера утром получил документы. Не понимаю, к чему весь этот фарс, дорогая, но... Считай, что ты отомстила! Сделала больно. Я страдал!

— Да, нас развели. Ты — Людвиг фон Лингер, я — Агата Энтин. Прощай, Людвиг. Я не держу на тебя зла. Искренне желаю счастья. Прощай.

— Но, Агата, я готов все вернуть! Ну... давай поженимся! Женщины любят красивые платья. Все будет по-прежнему. Обещаю!

— Не будет, Людвиг. Прошлого не вернешь. Я не смогу тебе доверять.

— Но ты сможешь редактировать мои книги! Нас ждет успех! Слава. Деньги! Подумай об этом, Агата.

— Так вот оно что...

— Да кого ты из себя строишь? Можно подумать, ты все это время...

— Не надо, Людвиг. Пожалуйста. Прощай.

И она ушла.

Людвиг фон Лингер смотрел на худенькую женщину в забавном маленьком цилиндре, прижимающую к груди толстую, увесистую папку. Чуть сгорбившись, женщина уходила все дальше, до тех пор, пока вовсе не растаяла в снежном вихре.

Погода портилась. Снег повалил стеной, подморозило.

Фон Бикк подошел к писателю. Все это время издатель прятался неподалеку и подслушивал в надежде, что эти двое все же договорятся.

— В такую погоду, Жоззи, надо сидеть у камина, попивая что-нибудь покрепче, так-то! Пойдем домой, девочка! Что, Лингер? Упустил? Поверь моему опыту, это серьезная потеря для нас. Но, думаю, она вернется. Деньги! Деньги, мой дорогой Лингер, решают все!

* * *

— Господин барон фон Гиндельберг к его величеству!

Звонкий голос адъютанта заставил вздрогнуть. Задремал он, что ли, ожидая приема бесконечно долгие — Эрик бросил взгляд на часы — три минуты?..

Высокие белоснежные двери с позолоченной лепниной в виде цветочных гирлянд медленно распахнулись — его величество принимал канцлера в рабочем кабинете.

— Доброе утро, господин барон, — Карл улыбнулся, — искренне рад вас видеть!

Должно быть, Эрик фон Гиндельберг за год отставки начисто растерял придворную невозмутимость, потому что в ответ на эти слова короля позволил себе усмехнуться.

Карл с укором взглянул на канцлера. Такого еще не бывало!

— Прошу прощения, — поклонился тот, взяв себя в руки.

Хотя... какая ему теперь разница? Остались считанные минуты, и все будет кончено. Завтра газеты известят о том, что у него случился сердечный приступ, следствие ишемической болезни, по причине которой он и ушел в отставку. Вспомнят заслуги перед отечеством. Попросить не трогать Агату? Проследить, чтобы все у нее было благополучно? Содержание? Карл не откажет ему в последней просьбе. С другой стороны — королю наверняка тяжело далось это решение. Стоит ли унижать друга тем, что он обо всем догадался? Лучше не стоит...

— Идемте завтракать, — вздохнул король. — Нам есть о чем поговорить.

Пока они шли через анфиладу комнат, Эрик думал о том, как отвык от всего этого: бесшумные слуги, тенью сопровождающие твое появление, торжественно распахивающиеся двери, тяжелые канделябры, витые, крученые свечи, немой укор во взгляде предшественников королевской династии с потемневших от копоти портретов и вечное, до зуда назойливое присутствие посторонних...

Как хорошо, что терпеть все это осталось недолго. Любопытно, отчего Карл тянул целый год с устранением бывшего регента, а потом и канцлера? Не решался? Выжидал подходящий случай? Возможно. Его можно понять. Будь он сам на его месте — ему тоже было бы... Хотя нет. Он бы не смог. Не смог. Наверное, поэтому он не король...

Барон бросил взгляд на Карла. Как-то тот осунулся и постарел... Постарел? Мальчишке же только двадцать один? Или двадцать два...

Синяки под глазами, землистый цвет лица. Надо вызывать Фульда и разбираться...

— Мы завтракаем в Ореховой гостиной, не возражаете? — ворвался в поток его мыслей голос его величества. — Кофе? Мне как раз доставили изумительный купаж.

— Как вам будет угодно, — отозвался барон фон Гильденберг, а про себя с раздражением подумал: зачем весь этот пафос? К чему? Прислали бы с вечера специального человека из отряда зачистки. Он ждал. Специально запер собак на другом конце дома, чтобы не пострадали.

Белый фарфор. Крошечные кофейные чашечки. Один глоток. Ему вдруг отчаянно захотелось не почувствовать горечи. Не из-за страха, нет. Просто... Он не почувствовал. Только облегчение, что все наконец закончилось. Не будет больше невыносимо болеть сердце за нее. Вот и хорошо...

Он откинулся на спинку кресла (какое неуважение к этикету) и устало прикрыл глаза.

— Господин барон?! Эрик?!!

— Что? — отозвался недовольно барон.

— Что с вами? Вызвать придворного врача? Может, Фульда?

— Ваше величество! — не выдержал подобного лицемерия отравленный. — К чему все это, Карл? Предложили кофе. Я, как и положено верному слуге, принял. Так зачем...

— Да. Как. Вы. Смеее? — тихо проговорил король. — Вы, которого я считаю старшим братом?! Вы, которого я отпустил отдыхать, хотя...

Несмотря на то что тело ждало удушья, предсмертной агонии, а сознание — спасительной пустоты, Эрик почувствовал в голосе короля столько горечи и обиды, что неожиданно смутился.

Карл поднялся и, сгорбившись, отошел к окну. В то же мгновение артефактор понял, что если кому из присутствующих и нужен доктор, так это самому Карлу. Судя по цвету лица, тот был близок к удару.

— Ваше величество! — вскочил канцлер в отставке, забыв о том, что смертельно отравлен негорьким кофе.

— После смерти тетушки я понял, что вы близки к срыву. Я отправил вас в отставку. Временно! Прийти в себя. Успокоиться. Подлечиться. Фульд лично обещал мне не спускать с вас глаз!

— Вы можете быть им довольны, — вспомнил барон друга.

— Отлично. Я рад. Но у меня и в мыслях не было... слышите вы?!

— Карл! — Эрик сорвался на названного брата, словно на мальчишку. — Что значит, «и в мыслях не было?!» Чему я вас учил? Разве можно просто отпустить такого, как я?

— Вы просто с ума сошли с вашей идеей об устранении! — зло ответил король. — И ладно, вы бы получали удовольствие от этого! Нет! Вы мучаетесь, пытаетесь найти выход в самых безнадежных ситуациях, лишь бы только не отправлять человека на смерть. Так почему вы считаете...

Эрик только качал головой.

— Между прочим, — по-прежнему с обидой проговорил Карл, — когда вы ушли в отставку и удалились в поместье, я категорически запретил всем: и сторонникам войны с Оклером, и сторонникам мира, и военным, и приверженцам королевы — всем! Хоть как-то беспокоить вас — молчим уже про покушения. И судя по тому, что вы спокойно отдыхали, — мне это даже удалось. И что я получаю в ответ вместо благодарности? Ваше ожидание удара в спину со стороны короны? В самом

деле? Я это заслужил?!

— Ваше величество...

— Я не закончил, Гильденберг! Когда мне доложили о ваших успехах в расследовании дела о «Водяной Смерти», я понадеялся, что вы...

«Всеблагие... Глупец... Что же я натворил?» — спрашивал самого себя Эрик фон Гиндельберг, вспоминая, как обошелся с Агатой накануне вечером. В висках стучало, голос короля стал вдруг гулким и далеким...

— Но дело даже не в том, что вы блестяще справились с расследованием, — продолжил его величество, нахмурившись. — Дело в том, что мне нужна ваша помощь.

— Рад служить, — прошептал, склонив голову, Эрик.

Она не простит. Никогда. Никогда не простит его. Что же он наделал...

— И вы не спросите, какого рода услуга мне от вас понадобится?

— Нет. Я просто выполняю все, что в моих силах. — Барон смотрел в одну точку перед собой.

Вазочка с ореховым вареньем, любимым лакомством короля, расплывалась в сознании огромной золотистой каплей. Ядро ореха казалось больше, чем на самом деле, — словно через увеличительное стекло. Обидел... Он обидел ее...

— Хорошо. Мне нужно, чтобы вы стали регентом при малолетнем Франце.

— Что? — выдохнул барон.

— А что вас так удивляет, дорогой друг? Подумайте сами, мог бы я найти кандидатуру лучше? Вы не предадите. Сделаете все, что в ваших силах. И даже больше. Ни королева, ни Совет с подобной задачей просто не справятся.

— Погодите, ваше величество. Я не понимаю!

— Вы обещали!

— Да. Но...

— Эрик. Дело в том, что я умираю.

— Диагноз? — канцлер побледнел.

— Меня отравили. Доктор удивляется, почему я не умер на месте, а...

Но Эрик фон Гиндельберг уже не слушал. Артефактор бросился к его величеству:

— Где?! Вы сняли?! Где он?

— Что именно? — опешил от такого напора его величество.

— Кулон! Кулон, который я дал вам, уходя в отставку? Вы обещали мне, что...

— Что не сниму. Да вот. Вот же он! В чем дело?

Король расстегнул ворот. Достал цепочку, на которой висел небольшой и, в общем-то, неприметный кулон — прямоугольник чуть голубоватого, холодного металла с ярко-голубым кристаллом в верхнем правом углу. Слеза моря.

Со вздохом облегчения Эрик опустился в кресло и залпом допил кофе из чашки самого короля — еще одно немыслимое нарушение придворного этикета за сегодняшнее утро...

— Гоните в шею и придворного артефактора, и доктора, и начальника охраны, кстати! — зло и весело прохрипел канцлер. — И... прикажите подать что-нибудь... покрепче — будем праздновать!

— Что именно?!

— Наши с вами неудавшиеся смерти, конечно! — негромкий смех канцлера. — Я думал, вы хотите меня отравить. Но у вас и в мыслях не было. Меня вызвали с тем, чтобы вернуть на службу. Вы думали, что травлены. Но это невозможно! Уходя в отставку, я дал вам очень сильный артефакт. От всех существующих ядов.

— Вот... этот? — Бледный король сжал в ладони кулон.

— Именно... Есть что отметить, ваше величество!

Глава 28

Снег. Он вдруг пошел такими огромными хлопьями — ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки. Прижимая папку с рукописью к себе, Агата шла вперед, и в голове было удивительно пусто. Иногда из снежной завесы выныривали ссутуленные люди, придерживая цилиндры и отряхиваясь на ходу.

Это, наверное, продолжалось бы вечно, но впереди показалась Башня Благих. Высокая, белая, украшенная венками к празднику, она заставила наконец остановиться.

В памяти тут же всплыли детские книжки с картинками: замки, принцессы... Мама всегда говорила, что человек тогда становится взрослым, когда перестает верить в чудеса. «Будешь верить до старости — не постареешь никогда!» Мама... Она так любила этот праздник. Мама. Мамочка, что мне делать?

— О! Ооооо... Ой, ой, ой... Милая барышня, я... Ой-ой-ой!!!!

Агата даже не успела сообразить, что произошло. Мгновение — и она смотрит в небо. Начинаются сумерки. Вокруг Башни, на площади, стали зажигать фонари — красиво... Ах, как красиво! Снег наконец-то стал немного реже. Он падал медленно и величественно, а листы ее рукописи... Что? Не может быть... Как же так? Ее роман!

Она вскрикнула. Невысокий толстенький господин, что поскользнулся и сбил Агату с ног, от неожиданности закричал тоже, и они вместе, не сговариваясь, стали ползать на коленях, собирая листы разлетевшейся во все стороны рукописи.

Наконец они собрали, кажется, все.

— Простите! Ради скорого праздника, простите меня! Госпожа...

— Агата Энтин.

— Агата! Какое красивое имя! Простите меня, но тут очень скользко! Конечно, всему виною вино... Но как не пропустить стаканчик? Я знаю, плохо... Очень, очень плохо! Всеблагие Вестники хмурятся на небесах! Вы знаете, мы — ракви. Мы не пьем. И я не пью! Я просто... просто... боюсь идти домой, понимаете?

Маленький, полный человечек с лысиной и торчащими во все стороны серебристыми волосами посмотрел на нее так печально, что она и думать забыла о недавнем падении. Захотелось помочь. Поддержать.

— А что случилось?

— Катастрофа! Райа не выдержит, понимаете? Моя жена. Моя Райа! Дороже нее у меня никого нет! Она не переживет... Понимаете? У нее нервы!

— Что именно произошло, господин...

— О! Я сбил даму с ног и даже не представился? Как невежливо... Всеблагие... Я Адам. Адам Шруттель. К вашим услугам, вот... Подождите... Вот!

И он протянул ей карточку. Агата сделала несколько шагов в сторону, чтобы свет от фонаря был ближе. Надо же, как стемнело... Уже, наверное, поздно. Сколько часов она бродила по городу?

Вдруг почувствовала, что хочет есть. Болят ноги. А еще... холодно. Как же холодно. Руки дрожали от холода и усталости, свет наконец-то упал на маленький квадратик плотной, глянцевої бумаги с изображением семи звезд в правом верхнем углу: «Адам Шруттель. Владелец частного издательства „Семь Вестников“».

— Вы... издатель? «Семь Вестников». Не слышала о таком.

— Конечно, вы не слышали... Кроме господина фон Бикка тут никто ни о ком не слышал! Я принял решение. Мы закрываемся. Ни одной рукописи за три месяца! Я закупил оборудование, а уж, поверьте мне, Адам Шруттель в этом что-то понимает! А мой друг? Кирри Шлэппс? Вы знаете, кто такой Кирри? Если вы никогда не видели его картин, как объяснить вам, что такое плакать от написанного кистью неба, госпожа Агата! Красивое имя... Знаете, как называл его «Королевский Вестник» пять лет назад? «Художник, рисующий облака». А кто писал эту статью? Вы знаете? Адам Шруттель ее писал!

— Погодите. Так у вас свое собственное издательство?

— Было, госпожа Агата, было. Ни одной рукописи за три месяца! Мы закрываемся. Райа... Она не переживет!

— А вы не могли бы прочесть мой роман?

— Роман? Вы... Это то, что мы с вами спасали?

— Да.

— Но вы...

— Я писательница. И хочу издаваться под женским псевдонимом. Я только что от Бикка. Он отказал. Я бывшая жена Людвиг фон Лингера. Может быть, слышали? Остросюжетные истории агента Церга. Все это время я редактировала его тексты. Фактически писала их.

Она смотрела в маленькие, красные от выпитого вина глазки этого совершенно незнакомого ей человека, не отрываясь, чеканя каждое слово и сжимая кулаки. Неожиданно он взял ее руку и сжал в своих. Стало... тепло.

Потом медленно, мягко забрал папку.

— Госпожа Агата, я прочту. Адам Шруттель что-то в этом понимает! Вы только... успокойтесь. Я чувствую, вам сделали больно. Я редко ошибаюсь в таких вещах. Я...

— Адам! Куда ты подевался, к Всеблагим?!

Подъехал кристаллический экипаж, и шумная подвыпившая компания затолкала издателя внутрь.

— Подождите! Адрес!..

— Я прочту! — только и успел крикнуть ракви.

Экипаж уехал. Она успела написать адрес на внутренней стороне папки. Свет кристаллов растаял в темноте, а пальцы все сжимали визитную карточку.

Агата огляделась. Никого. Окна Башни льют желтоватый свет. Чуть слышное пение. Наверное, поют гимны. Семь Вестников — семь гимнов. Она даже когда-то знала слова:

Иди туда, куда звезда
Укажет путь.
Нельзя отстать, нельзя свернуть,
Остановиться, отдохнуть.
Иди туда, куда звезда
Тебе укажет путь...

Это седьмой гимн. Последний. Кажется. В Башне было тепло. Свечи горели так ярко, что слепило глаза, а от растаявших на ресницах снежинок и вовсе ничего не было видно. К ней подошла женщина в белой одежде. Она не разглядела ее лица.

— Вы попали в беду? Вам некуда идти? Вы можете поесть и остаться на ночь. Башня примет, если вы действительно нуждаетесь. Предпраздничная неделя, мест не хватает... Может быть, вызвать экипаж? Госпожа, у вас есть дом? Как вас зовут?

— Агата Энтин. У меня есть дом, и есть чем расплатиться. Мне нужен экипаж. Пожалуйста. Понимаете, я просто...

— Вы не обязаны ничего объяснять, госпожа Энтин. Пойдемте, я провожу вас, и да не оставят вас Всеблагие Вестники.

«Что теперь делать? — Канцлер Великого Отторна, доверенное лицо его величества Карла стоял у окна и смотрел на хлопья падающего снега. — Всеблагое? Что?!»

Агата... Вздернутый нос на слишком бледном лице. Забавные, трогательные веснушки. Сурово поджатые губы, кулачки, спрятанные в складках юбки, сжатые до побелевших костяшек. Как она сказала тогда? «Предал. Этого довольно...»

Он оказался не лучше Лингера... И даже уверенность в том, как близко к возлюбленной опасность, сейчас уже не казалось оправданием. Имеет ли он право быть рядом, несмотря ни на что? Нет. Он не посмеет просить прощения. Тревожить ее снова.

— Не нравитесь вы мне, Гиндельберг. Такие встряски бесследно не проходят. Успокоительного? — раздался за спиной голос Фульда.

— Яду.

— Не получил от его величества Карла, не получишь и от меня. — Доктор сложил руки на груди и ухмыльнулся.

Господин барон вздохнул. Действительно. Если даже с Фульдом не вышло, придется жить дальше. А ведь он единственный, кто догадывается, каково ему сейчас. Друг называется...

Вновь вернувшись к своим обязанностям, канцлер понимал, что дел огромное количество. Удивительно, как разболтались во дворце и министерствах за этот год! Министерство внутренних дел в особенности. Полная анархия! Как бы ни хотелось в этом признаваться — Адель была права. Зато теперь, пожалуй, он знал, куда пристроить завербованных бывшей разведчицей военных. Количество должностных преступлений в министерстве не перечесть.

Неужели все эти годы порядок поддерживала его собственная железная рука, Смерть всему живому несущая? Не может быть... Что ж... Палач возвращается. Трепещите. Он исполнит свой долг, но он никогда не подойдет больше к ней. Чудищу нет места рядом с таким нежным...

— Что? — Эрик заметил, что Фульд не сводит с него пристального взгляда.

— Ничего. Но на успокоительном я настаиваю. Ты бледен, Эрик. Плохо выглядишь.

— Ерунда. Все в порядке. Как его величество? — спросил канцлер.

— Действительно, здоров, — с сомнением в голосе отозвался доктор. — Это... просто чудо! Удивительно... Прекрасная работа. Тебя можно поздравить. Без преувеличения и лишней патетики ты спас короля!

— А его пытались отравить не...

При мысли о том, что покушение может быть связано с «Водяной Смертью», канцлера бросило в жар.

— Нет, — поспешил успокоить его Фульд. — Это был другой яд.

— Как эта гадость проникла к Карлу?

— Следователь Майнц, которого мы вызвали, выяснил, что очень романтично. Во время бала два дня назад.

— Шампанское?

— Не угадали. Король танцевал с барышней, дочерью председателя совета министров, между прочим, и ее перстнем оцарапал себе палец. Эдакая досадная случайность.

— А что? Сейчас на придворных балах танцуют без перчаток?

— Почему же? — раздалось от двери. — В перчатках.

Узнав голос его величества, доктор и канцлер почтительно поклонились.

— Почему его величество выглядит больным? — недовольно посмотрел на короля господин барон.

— Во-первых, ему без усталости твердят, что он безнадежен и умрет в скором времени, — ответил за Карла доктор Фульд. — Это здоровья не прибавляет. А во-вторых, его активно спасали. Чуть было не спасли.

— Личный доктор? Он действовал по велению сердца или...

— Надо выяснять, — нахмурился Карл.

— Ладно, — Эрик обвел взглядом присутствующих, — выясним. С вашего позволения, господа, я хотел бы допросить начальника охраны. У меня к нему много вопросов, особенно касательно последнего награждения деятелей культуры.

— А в чем дело? — удивился Карл. — Насколько я помню, тогда не произошло ничего из ряда вон выходящего. Все было на уровне.

— На очень высоком уровне, ваше величество. Во дворце побывала Адель-Невидимка. Счастье, что она по-настоящему предана короне.

— Вот как...

— Именно. Кстати, а что с вашей отравительницей?

Король сел, закинул ногу на ногу и нехотя поведал пикантные подробности того злополучного вечера. С тех пор как выяснилось, что его величество не умирает, цвет лица короля Карла медленно, но все же улучшался, что с удовольствием отметили и барон, и доктор.

— После танца мы удалились.

— Вот только не говорите, что вы заводите романы с незамужними дочерьми высокопоставленных особ. — Канцлер нахмурился.

— Конечно, нет. Однако... девушка была мила.

— Речь идет только о поцелуях?

Король кивнул.

— И после всего вы обнаружили, что оцарапали руку?

— Да.

— Замечательно. Где я могу поговорить с задержанной?

— Я не стал отдавать приказ.

— Почему?!

— Во-первых, ее отец... От него можно вполне ожидать бунта, если мы арестуем и осудим его дочь. Во-вторых, эта дурочка, скорее всего, была не одна. Наверняка ее подельники — такие же представители «золотой молодежи». И это...

— Это не повод не наводить порядок в стране, ваше величество! — отчеканил канцлер.

— Она была не похожа на отравительницу. Такая милая. Я уже понадеялся, что у нас может что-то получиться...

— А ее величество? — осторожно спросил господин барон.

— Я ее не люблю. Она не любит меня. Наследник у нас есть.

Король отвечал просто и... холодно. Эрик фон Гиндельберг почувствовал, что он это заслужил. За то, что в свое время настаивал на этом браке, искренне не видя ничего дурного в том, что рядом с Карлом окажется нелюбимая женщина.

Тогда он не знал, что такое любить. Это сейчас ни за какие сокровища мира он не согласится отдать свое счастье с Агатой — пусть горькое, пусть потерянное, но... счастье... С другой стороны, король, наверное, был прав. Когда Карл полюбит, это будет больно. Очень. Как ему сейчас.

— Что с вами, Гиндельберг? — Глаза короля лукаво блеснули.

Возможно, его величество прочитал мысли канцлера по выражению лица. Они знали друг друга слишком хорошо, и эта встреча должна была бы быть более теплой, но не сейчас. Не время. Сейчас не до этого. Настроение короля улучшилось — это главное.

— Пойду я беседовать с доктором... — проворчал Фульд.

— А я допрашивать начальника охраны. И мне нужен следователь Майнц. Пускай задерживают вашу «милую отравительницу». Будем разбираться.

Глава 29

— Но... Райа. Может быть, мы все-таки поедem завтра? Если ты так хочешь, мы поедem! Если ты хочешь — я издам эту рукопись, но как я буду выглядеть перед этой женщиной? Здравствуйте, я Адам Шруттель, я еще не читал, но мне понравилось?

— Вполне достаточно того, что это понравилось мне! Ты что?! До сих пор не одет, Адам?!

В небольшом уютном домике издателя еще засветло кипели страсти. Он, конечно, виноват. Пришел домой поздно. Пил вино. Плохо... Очень плохо. Вестники хмурились на небесах, но Адам Шруттель страдал!

Одеваясь, мужчина пытался пробежать глазами хоть что-нибудь из того, что принес прошлым вечером. Он плохо помнил, как вернулся. Он сразу заснул. Но Райа! Его Райа не спала, она читала всю ночь! Слог, действительно, не плохой. Легкий. Даже... изящный. Он, правда, никогда не думал о том, чтобы заниматься подобной литературой, но...

Сколько лет прошло с тех пор, как они с Райей познакомились на выставке Рида Шойхо? Худенькая, немного нескладная девочка в черных кудряшках и с блестящими глазами. Они мечтали о том, что будут издавать книги по искусству.

И вот теперь жена стояла на пороге, и ее глаза горели еще больше, чем тогда, когда они вдвоем не могли оторваться от картины Шойхо: «Небо, падающее на меня». Конечно, если Райе понравилось, то... Но как же он поедет...

— Если ты сию секунду не будешь готов, я поеду одна!

— Иду, дорогая! Уже иду...

* * *

Привычное тепло и тяжесть в ногах. Агата улыбнулась. Сейчас она проснется, запустит руки в жестковатую черную шерсть, и они с Эльзой...

— Эльза?

Низерцвейга не было. Да и не могло быть. Собаки ушли с Эриком. Эрик... Больно вспоминать собак, но еще большее то, что за одним воспоминанием неизбежно приходит другое. И это ощущение каждое утро. Как будто Эльза по-прежнему спит с ней...

Все, хватит! Пора вставать.

Горло саднило. Агата быстро оделась. Накинула шаль. За окном шел снег. Она вспомнила ночь, пургу, холод. Желтый свет из окон Башни Благих. Как пели седьмой гимн, и...

Рукопись! Она, наверное, потеряла ее навсегда. Хотя... Можно, конечно, найти того ракви. Вот только зачем? Допустим, ей повезет и этот горе-издатель не потеряет папку по дороге. Что с того? Все равно не напечатают.

За дверью зазвенела посуда. Касс. Писательница вспомнила, как ее встретили солдаты, укрыли пледом, принесли теплое молоко. Вдруг стало стыдно. Им понравилось, а она взяла и отдала роман неизвестно кому. Лучше бы им подарила.

— Простите, но я не понимаю, что вам угодно? Госпожа Энтин еще спит. Нет, уж простите, но я не могу допустить, чтобы...

Агата вышла на лестницу и услышала, как Майер с кем-то спорил внизу. Пока она спускалась, к нему присоединился Ульрих, и вскоре, как только Касс, вытирая мокрые руки о свой белоснежный, накрахмаленный фартук обогнал ее, начался настоящий балаган! Она различала смутно знакомый мужской голос, который, кажется, бормотал сплошные извинения, и женский, куда более воинственный.

— Что здесь происходит? — громко спросила писательница, и от неожиданности все разом смолкли.

Майер, Ульрих, Касс, Адам Шруттель и...

— Вы? Вы написали вот это? Это написали вы?

Довольно милая дама в синей старомодной шляпке с вуалью прижимала к себе... ее роман! Папка удивительно подходила шляпке по цвету.

— Да. Это написала я. А в чем, собственно, дело?

А дело было в том, что ее верные слуги не хотели будить госпожу Энтин. Хозяйка ввечеру вернулись поздно и еще не завтракали... Понятно. Спасибо, конечно, но завтрак, похоже, придется отложить. А может, не стоит? Очень кушать хочется.

— Вы завтракали?

— О! Как невежливо... Мы рано. Мы столкнулись с вами вчера, и я...

— Я прекрасно помню, господин... Адам Шруттель? Издательство «Семь Вестников», если не ошибаюсь.

— О! Вы...

— Пожалуйста, проходите. Я вижу, что вы принесли рукопись. Так вы завтракали?

— Мы сразу к вам! Милая, я читала ваш роман всю ночь! Это потрясающе! Мой муж будет его издавать!

Этих слов было достаточно, чтобы Касс, Ульрих и Ганс тут же сменили гнев на милость.

С тех пор как Агата в тот злополучный вечер съела немногим больше, чем обычно, Касс готовил... Много он готовил. И вкусно. Поэтому завтракали все вместе. У четы Шруттель оказался хороший аппетит, что моментально расположило к ним повара. Агата настояла, чтобы солдаты тоже присоединились, и дело пошло.

Обсуждали ее роман. От Адама Агата узнала о том, что монополия фон Бикка в городе, оказывается, была достигнута успешным издателем не совсем честным путем. Гнев Шруттеля дошел до того, что, возбужденный, он чуть было не употребил относительно барона фон Бикка не совсем приличное слово. Одного взгляда его жены было достаточно, чтобы ракви, тут же порозовевший от стыда, осекся, однако писательница заметила в этом взгляде полную солидарность с мужем. Надо же. Она и не подозревала о том, насколько нечестную игру ведет Бикк в издательском бизнесе Отторна.

Позже речь зашла о финансировании. Писательница была готова рискнуть всем, что у нее было, но, как тут же выяснилось, не она одна. Госпожа Райа Шруттель изъявила желание выгодно (женщина выделила это слово особенно) вложить свои сбережения, однако ей пришлось отстаивать это право, поскольку Ульрих, Майер и Касс настаивали, что так же готовы предложить свои пенсии ради общего дела и это не обсуждается!

Таким образом, получалась очень даже неплохая сумма, покрывающая все расходы. Господин издатель немного успокоился, и когда он заговорил о рекламе, оформлении, бумаге и юридических вопросах, Агата тут же вспомнила фразу, которую ракви так часто повторял в тот удивительный вечер: «Адам Шруттель что-то в этом понимает!»

Завтрак плавно перетек в обед. Все так увлеклись, что опомнились лишь тогда, когда за окном уже сгустились сумерки. Обсудив детали, они расстались абсолютно счастливыми. Удивительно, но так бывает. Встретились — и сразу стали... родными.

— Госпожа Агата! Куда вы?

Ульрих, Майер и Касс... Они смотрели на нее, все трое, с немного раскрасневшимися лицами, горящими глазами. Ком подступил к горлу. Она не подведет! Она все преодолеет. Ради тех, кто не бросил в трудную минуту. Ради тех, кто ее любит.

— Я скоро вернусь. Это недолго. Мне надо... уладить кое-какие дела.

— Да как вы смее? Мой отец...

Канцлер фон Гиндельберг шел по коридору дворца, когда, подходя к кабинету, в котором обосновался следователь Майнц, услышал высокий девичий голос.

— Вы уж определитесь, — устало проговорил следователь, — вы борец за свободу, готовый идти на смерть, отстаивая политические интересы родной страны, или избалованная дочь высокопоставленного папеньки?

Канцлер усмехнулся — тонко подмечено. Постоял еще немного и бесшумно вошел.

Майнц вытянулся по стойке смирно. Девушка недовольно поджала губы.

— Перстень обнаружили? — спросил фон Гиндельберг.

— Так точно. В шкатулке. Среди других драгоценностей.

— Оригинально... И что, его даже не пытались спрятать?

— Никак нет.

— В самом деле? Что ж так, дорогая маркиза? — бросил барон задержанной. — Нам повезло, что эта зеленая с золотым отливом поросль оказалась совершенно неопытна в подобных делах. — Эту фразу канцлер пробормотал, уже обращаясь к Майнцу.

— Наша кровь прольется не просто так. Она прольется за свободу. И, напитанная ею, она придет на нашу многострадальную землю!

— О как... — Склонив голову набок и медленно сложив руки на груди, барон перевел взгляд на следователя. — Кто их так изумительно обработал?

— Отрабатываем связи.

— Мы вам ничего не расскажем! — попыталась обратить на себя внимание девушка, которую уже давно никто не слушал.

— Откуда они взяли яд?

— Все истории начинаются и заканчиваются с одного и того же, — вздохнул следователь, — где взяли яд...

— Именно. Его можно отследить?

— Я требую встречи с адвокатом, — занервничала маркиза. — Допрашивая меня в его отсутствие, вы нарушаете мои гражданские права!

Следователь и канцлер переглянулись. Оба с сожалением посмотрели на миловидную дурочку.

— Ваш отец, равно как и отцы оставшихся пяти «борцов за свободу», что принимали участие в этом нелепом заговоре, в данную минуту находится у короля. Вы об этом знаете?

В глазах маркизы блеснуло торжество.

— Понятно. Догадываетесь. А знаете, о чем все они молят сейчас его величество?

— Они требуют, — девушка выделила это слово, — чтобы нас отпустили. Немедленно!

— Ошибаетесь, — грустно улыбнулся канцлер. — Они умоляют, чтобы опала не коснулась их домов. Чтобы казнили только тех шестерых, что покусились на его величество, и сделали бы это не публично, на глазах у всех, а в камерах, не привлекая особого внимания.

— Это неправда! — послышалось у него за спиной, но канцлер уже направился к двери.

— Найдите того, кто все это затеял, — приказал он Майнцу, уже не оборачиваясь.

В дверях фон Гиндельберг столкнулся с незнакомым ему следователем. Видимо, помощником Майнца. У молодого человека глаза горели от возбуждения:

— Господин Майнц! Господин Майнц! Мы их нашли! Всех!

— Пауль! — рявкнул старший следователь. — Ты... что творишь? Приношу свои извинения, господин канцлер, — пробормотал Майнц, виновато взглянув на сжавшего зубы и слегка побледневшего канцлера. — Это мой...

— Охрана! — позвал господин барон, пока бывший стажер мучительно краснел.

Гвардейцы вошли, печатая шаг.

— Мы вернемся через несколько минут, — обратился к ним следователь Майнц, остро жалея, что во дворце нет нормальных конвойных, при которых задержанный ничего себе не сделает и никуда не исчезнет.

— Глаз не спускать! — добавил от себя канцлер, полностью разделяя опасения следователя.

Уже за дверью Майнц стал негромко отчитывать мальчишку. И совсем не за то, что стажер чуть было не сбил канцлера с ног:

— Сведения! При задержанном! Как можно?!

Они дошли до конца коридора — в остальных кабинетах допрашивали молодых людей — и зашли в пустую комнату.

— Рассказывайте, Пауль! — приказал следователь Майнц. — Только

спокойно.

— Граф проговорился! — возбужденно начал стажер, но, поймав холодный взгляд канцлера, тут же заговорил спокойно: — Молодой граф фон Лик сообщил, что он и его друзья встречались в клубе «Мечи и кубки».

— Закрытый клуб? Не слышал о таком. — Фон Гиндельберг поджал губы.

— Открылся совсем недавно.

— Кто хозяин, выясните! Распорядитесь, чтобы проверили все счета! Надо понять, с кем он связан — с Оклером или с Ганзой — те в последнее время активизировались.

— Думаете, будет след иностранных разведок?

— Уверен. Зачем нашим коллегам из-за рубежа сильный, процветающий Отторн? Правильно, незачем!

Эрик долго смотрел перед собой немигающим взглядом, так, как будто искал ответ на давно мучающий вопрос. Но вскоре, будто очнувшись, вновь повернулся к следователю и спросил:

— Как думаете, Майнц... Всех членов клуба и хозяина арестовывать сразу? Или сначала проследить?

— Если они знают об арестах, то следить бессмысленно. Успеть бы задержать до того, как границу пересекут.

— А если... — начал было стажер, но смутился и замолчал.

— Говорите, Пауль, — одобрительно кивнул барон.

— Если спугнуть и посмотреть, куда побегут?

— Действуйте, — приказал канцлер. — Использовать военных. Подключить разведку.

В коридоре послышались чьи-то шаги. Артефактор вдруг почувствовал холод. Липкий, он пробежал по позвоночнику, добрался до сердца.

— Где господин барон?

Услышав знакомый голос, барон вышел из кабинета. Предчувствие не обмануло. Канцлер посмотрел Фульду в глаза и сухо спросил:

— Кто?

— Адель. Самоубийство. Яд розовой ариньи — «нити счастья». Смертельная доза.

— Но... Как? Она же...

— Пока не знаю. Я еще не проводил экспертизы. Жду твоего решения. Думаю, ампула была вшита под кожу. Но чтобы точно сказать, где именно, мне надо...

— Не нужно.

— Я предполагал, что ты так скажешь, поэтому ничего не

предпринимал.

— Спасибо. — Эрик закрыл глаза и покачал головой.

— Не понимаю! Ты ведь договорился. И...

Барон взмахом руки приказал доктору замолчать:

— После...

Артефактор вышел из дворца и с силой вдохнул в легкие свежий ледяной воздух. На мгновение почувствовал запах ее духов. Закрыл глаза. Они попрощались. Магия, доступная лишь артефакторам.

— Прощай. Прощай и прости, я сделал все, что мог.

Холод едва коснулся щеки, отпустил сердце, вновь пробежался по позвоночнику и исчез. Теперь уже навсегда.

— Я счастлива. Не жалею...

Барон сгреб в перчатку горсть снега, хотел обтереть лицо, но так и застыл, сжимая мокрую ледышку в кулаке. Неизвестно, сколько бы он так простоял, если бы не услышал:

— Господин канцлер!

— В чем дело?

— Господин канцлер! Куда прикажете? — Молодой парень не сводил с него требовательного взгляда.

Знакомая многоугольная фуражка положенного по статусу сопровождения. Только этого не хватало!

Куда он прикажет? А никуда! Некуда ему деваться. Наверное, нормальный человек в его состоянии пошел бы и напился. Может быть, подрался. Но в его случае это совершенно бесполезно. Драться он не сможет — убьет. Пить тоже не сможет. Он бы сел в собственный мобиль — почувствовать кристаллы, выжать максимум по ночной дороге, но увы! У бедного канцлера, похоже, нет права даже на это.

Он с грустью посмотрел на шофера, с поклоном распахнувшего перед ним дверцу служебного мобиля. Тяжело вздохнул. Сел. Откинулся на спинку:

— В фамильный особняк фон Гиндельбергов.

А что? Самое место — в склепе. Холодном, неудобном, с тенью вечно недовольного отца, что до сих пор бродит по полутемным коридорам. Мама... Хорошо, что она вырвалась оттуда. На свободу. Вслед за ней упорхнула и Невидимка. А чем он, собственно, хуже? Жаль, лаборатория осталась в его доме. Надо было приказать ехать туда. Может, еще не поздно?

— Прибыли, господин канцлер!

Он вздрогнул и очнулся. Вышел, отпустил машину. Холод тут же

проник под плащ. Брррр...

Особняк встретил хозяина крошечной тьмой. Что за... Всеблагое! Барон споткнулся на неосвещенном крыльце и чуть не упал, так как входная дверь, за которую он схватился, была почему-то открыта...

Свет в доме так и не зажегся. Канцлер вытащил тонкую металлическую пластину, прошептал одними губами:

— Свет!

Несколько кристаллов отделились от плоской крышки и поплыли вверх, мгновенно осветив все пространство вокруг. Эрик подумал о том, что надо, наверное, вызывать подмогу, но тут же вновь обо что-то споткнулся. Что это? Присмотрелся. Наклонился. И поднял...

Свой собственный ботинок Вернее, то, что от него осталось. Парадный придворный мундир обнаружился тут же, на полу. Рядом — лента с орденом. И все это было...

— Эльза!!! Грон!!! Вы что себе позволяете?!!!

Канцлер был вне себя, но ответа так и не дождался. Тишина.

Слуги куда-то испарились. Интересно... Их тоже загрызли?

Хозяин отправился в глубь дома, с каждым шагом обнаруживая все новые и новые следы погрома. Разбитую драгоценную вазу из Чи-джо-ида. Снесенный со стены портрет его прадедушки. Обглоданный стул. Нет, это не низерцвейги... Это... Звери какие-то!

— Ну, погодите! Бунтари! — злился барон. — Немыслимо просто! Они такого в детстве не делали! Никогда не делали!

Канцлер замер на пороге гостиной. Эльза и Грон с самым невинным видом подняли на него глаза, вильнули хвостами. И вернулись к своему занятию: охранять главное сокровище. В кресле около почти погасшего камина спала Агата.

Эрик настолько не ожидал ее увидеть, что просто застыл. Мелькнула мысль, что она, наверное, замерзла — особняк нежилой, холодно.

«Холодно, холодно! Хорошая мысль — разжечь камин. Ну чего встал? Действуй!» — Эльза негромко рыкнула.

Барон со вздохом подошел к камину, присел на корточки и бросил укоризненный взгляд на Грона: «Ну... ладно Эльза. Женская солидарность и все такое. Но ты?! Ты?!»

Низерцвейг завилял хвостом: «Прости... Знаешь, сам не заметил, как втянулся!»

В полной тишине неожиданно громко звякнула кочерга. И... Агата проснулась.

— Наконец-то! — воинственно вскочила она с кресла. — Я вас ждала!

Он не мог на нее наглядеться. Глаз не мог оторвать. Так... соскучился. Клетчатое платье. То, которое он ей купил еще тогда.

— Я пришла сказать, что все поняла. Этот... мерзкий монолог про содержанку вы придумали нарочно! Но мне не нужны объяснения. Что бы ни подвигло вас на подобный отчаянный шаг, господин барон, ему нет оправдания в моих глазах. Это не вы меня бросили. Это я вас бросаю!

Она вздернула подбородок. И пошла прочь. А он смотрел ей вслед, думая о том, сколько способно не биться человеческое сердце? Надо будет спросить у Фульда. Его молчит. Затихло...

Возле самой двери женщина вдруг обернулась:

— Ах да. Еще. Выпустите слуг. Мы с Эльзой и Гроном заперли их в кладовке.

— Зачем? — отмер господин канцлер.

Сердце вспомнило, что надо идти, и понеслось догонять упущенное с такой силой, что пришлось прижаться спиной к каминной полке.

— Они меня не пускали. Уверяли, что вы не принимаете. И что женщине без сопровождения к вам нельзя!

— Вам — можно. — Он устало улыбнулся.

Она смотрела на него и с ужасом чувствовала, как ее злость куда-то уходит, как неотвратимо тает решимость высказать все в глаза... Глаза. В его глазах было столько любви к ней, и это было так явно, что она совсем запуталась. Совершенно не понимала, что ей делать. А еще почему-то по щекам катились слезы, что ну совершенно не входило в первоначальные планы...

— Я вас не прощу!

— Не надо. Просто... не уходи.

— Зачем? Еще не все сказали?

— Я думал, меня убьют. Но оказалось, в этом нет необходимости. Все очень просто. Я умер раньше. В тот самый момент, когда ушел от тебя. Это очень удобно — живой мертвец на службе короля.

— Что ж... Рада служить короне.

Скажите, пожалуйста! Короне она рада служить... Ни больше ни меньше. Конечно, он ее обидел. Но она пришла. В том самом платье. И... плачет. А женщина не должна плакать. Его женщина не будет плакать из-за него. Никогда. Все — хватит! Он подхватил ее на руки и понес наверх.

— Отпустите меня! — Она вскрикнула, но плакать от неожиданности перестала. — Что... что вы делаете?

— Кольцо.

— Какое кольцо?

— То самое, что я собирался подарить перед тем, как мне вручили это проклятое письмо из дворца.

— Я не собираюсь принимать никакого кольца!

— Значит, буду уговаривать...

— И я... Дапусти же! Все равно я тебя не прощу!

— Значит, буду вымаливать прощение до тех пор, пока ты меня не простишь.

— Что? Ты виноват! Пусти! Такое обращение просто недопустимо!

— Согласен.

Низерцвейги улыбались, слушая удаляющиеся голоса. Когда все стихло, Грон растянулся у пылающего камина и посмотрел в глаза Эльзе:

«Дорогая... Тебе не кажется, что с разгромом дома мы все же немного погорячились?»

«Так ему и надо! Думать, что в беде, — и оставить нас дома! И потом... было весело! Разве нет? Тебе понравилось, не отпирайся! Да и не так уж он сильно и расстроился».

«Это он еще кабинета не видел...» — вздохнул Грон.

«А кольцо в кабинете?! Об этом мы как-то не подумали... Но все равно. Им сейчас не до этого. А уж потом, когда он узнает...» — Эльза мечтательно прикрыла глаза.

«Узнает что?!»

«Не догадываешься? Совсем-совсем?» — Эльза склонила голову набок.

«Эльза! Ненавижу, когда ты так делаешь... Что за загадки?!» — нахмурился Грон.

«Все мужчины одинаковы, что люди, что собаки... Агата. У нее изменился запах. Неужели не учуял?»

«О! Потомство... Это прекрасная новость!» — Грон завилял хвостом.

«Вдвойне».

«В смысле? Что значит „вдвойне“?»

«Это значит, что я тоже беременна, тупица! — последнюю фразу Эльза сказала лишь самой себе. — Промолчу. Зачем портить такой чудесный вечер? Мужчины все одинаковы. Что люди. Что собаки. Не очень умные, требующие постоянного контроля, ухода, заботы, ласки и внимания. Вопрос — что делать, когда появятся еще и дети?!»

Эпилог

Три месяца спустя

— Касс! Сколько у нас времени?

— Не волнуйтесь, госпожа Агата, все успеем! Я уж и тесто поставил...

— Как поставил? Я же просила! Я все хочу сделать сама! Ты же обещал только помочь...

— Сделаете, госпожа Агата! Сейчас еще одну порцию поставим. Придут Шруттели, барон вернется, Эльза после родов равнодушна к сладкому. Все равно мы одним тортом не ограничимся. А вам нельзя себя так утруждать, вы...

— Я беременна, Касс. И слышу это по сто раз на дню! Но я всего лишь собираюсь испечь ореховый торт!

— Вы нервничаете. Не знаете, чем себя занять. Думаете только о том, что ваша книга поступила сегодня в продажу, и скоро будет понятен результат всех тех усилий, что были вложены в рекламу. Мой вам совет — заварите свой непревзойденный успокаивающий чай! Побольше... Я вот тоже не откажусь...

— Касс...

И они обнялись.

Эльза слушала этот разговор и кормила щенков. Трех неутомонных прожорливых сорванцов (двоих мальчиков и девочку). Из всего услышанного больше всего радовало, что Касс не забыл про нее. Кусок орехового торта будет кстати. Она ослабла за последнее время, и ей сладкое не повредит. Что же касается книги... Хозяйка нашла из-за чего переживать! Вот родит, тогда узнает. Подумаешь. И потом — все будет хорошо. С котом в конце перебор, на ее взгляд, а так... Ну? Чайку попили? Успокоились? Кто-то очень хотел испечь ореховый торт?!

* * *

— Результаты последних исследований в области психиатрии показали, — заметил доктор Фульд, приступая к десерту, — что сладкое оказывает благотворное воздействие не только на здоровых, подверженных постоянному стрессу людей, но и на больных, чье психическое состояние

оценивается профессионалами как крайне тяжелое.

— Барон, положить вам орехового варенья? — Его величество внимательно наблюдал за канцлером.

Господин канцлер, барон фон Гиндельберг, доверенное лицо короля, был мрачен. Они пили чай в Ореховой гостиной. Его величество, фон Гиндельберг и доктор Фульд. Канцлер мрачнел все более с каждой минутой, остальные же присутствующие, как могли, пытались разрядить обстановку.

— Успокоительного?

Фульд предложил барону лекарство скорее из вежливости и желания хоть как-то отвлечь его от грустных мыслей. Надежды на то, что друг согласится, не было никакой. Слишком хорошо он его знал. Однако, вопреки ожиданиям, Эрик послушно кивнул.

Король и придворный доктор переглянулись. Фон Гиндельберг добровольно соглашался принять лекарство. Это уже не просто настораживало. Это откровенно пугало!

— Ну, что вас так гнетет?! — не выдержал король. — В крайнем случае мы прикажем всем придворным читать книгу баронессы и давать самые что ни на есть восторженные отзывы везде, где только возможно. Есть еще столичный гарнизон. Командир прикажет — им тоже очень понравится. Организуем госзакупку в библиотеки страны. Наконец, просто купим весь тираж! Сколько его там?

— Не знаю.

Канцлер решительно взял микстуру, которую доктор вытащил из саквояжа. И... просто выпил. Залпом.

— Как называется книга? — продолжил допрашивать король, бросая все более обеспокоенные взгляды на Фульда.

— Книга? Название... Я... не знаю.

Барон вдруг осознал, что действительно не знает. Он читал. Правда, выборочно, когда Агате хотелось с ним что-то обсудить. Консультировал по некоторым моментам. Но... он ни разу не спрашивал, как она назовет свой роман! А она... не говорила...

— Хорошо. А под каким псевдонимом издалась ваша супруга?

— Под женским.

— А конкретно? Хотя... Женский псевдоним будет все равно один... Так Довольно! — принял решение его величество. — Вызовите моего секретаря! Я приказываю...

— Ваше величество! Нет, — склонил голову канцлер. — Я не могу. Я обещал не вмешиваться.

— Очень глупо с вашей стороны, Гиндельберг. Советую вам больше никогда не обещать жене ничего подобного. Но даже если и так. Вы совершили ошибку, но я-то ничего не обещал!

— Агата все равно узнает. И... нет. Не надо.

— То есть вы все эти три месяца... — Фульд с сочувствием посмотрел на барона.

— Не вмешиваюсь, — печально кивнул канцлер. — Это... тяжело. Особенно когда все окружающие принимают столь активное участие. Даже солдатам жена позволила вложить деньги в издание! Она все время что-то рассказывает Эльзе! Грон, как мне кажется, тоже в курсе. А я...

Доктор кивнул. Последнее время Фульд так часто ужинал у Гиндельбергов, что вполне понимал, о чем идет речь. Баронесса обладала очень сильным характером и, если принять во внимание тот факт, что муж души в ней не чаял, могла добиться практически всего. Ей удалось не только превратить неуютный, холодный фамильный особняк Гиндельбергов в теплый, гостеприимный дом, но и добиться тихой свадьбы в скромном семейном кругу в присутствии короля! Эта женщина делала невозможное одной лишь искренней улыбкой, и хотя Фульд соперничал барону, внутренне он почему-то был уверен в том, что писательницу ждет успех.

Доктор так задумался, что уронил десертную ложку. Испачкав белоснежную скатерть шоколадным кремом, она с громким звоном запрыгала по мрамору...

Грон, до этого момента сладко спящий возле камина, резко поднял голову. Пес смутился. Надо же — заснул. Немудрено. Под видом острой необходимости сопроводить хозяина во дворец, он просто сбежал из дома с одной лишь целью — подремать в Ореховой гостиной, пока будут пить чай. Еще бы! Никто не прыгал, не теребил за уши острыми нахальными зубками. И — тихо! Щенки — это, без сомнения, чудесно! И он — самый счастливый отец во всем Отторне. Но... как же хочется спать...

— Мне кажется, вы зря нагнетаете ситуацию. — Король шепнул что-то слуге и продолжил: — Если вы помните, мы приструнили этого... как его там...

— Фон Бикка, — прошелестел канцлер побелевшими губами.

Фульд и Карл снова переглянулись. Ситуация не улучшалась несмотря на то, что они оба прикладывали к этому все возможные усилия! Если их уговоры не помогают, то успокоительное должно же подействовать!

Принесли коньяк. Канцлер выпил.

— Я, между прочим, крайне благодарен баронессе, что она своей

деятельностью помогла вскрыть эту проблему. Малый издательский бизнес был задушен, что очень невыгодно экономически. Поэтому готов...

— Нет! — Канцлер выпил еще. — Нет, ваше величество! Мы ничего. Слышите? Ничего не будем делать! Я обещал...

Грон слушал вполуха. Сон уже не шел. Жаль. Такая прекрасная возможность подремать... Что касается книги, то тут хозяин нервничает совершенно напрасно! Она не может не понравиться, разве что с серым котом в финале — явный перебор, с его точки зрения. Нет, ну была бы собака — ладно. А это... шипящее недоразумение! И зачем?! Хорошо хоть в продолжении, которое уже пишет хозяйка, появилась новая героиня — валльская пастушья. Хотя опять же — почему не низерцвейг? Люди...

Вытянув лапы, пес уже собирался вновь прикрыть глаза, как вдруг король громко произнес:

— Все, господин канцлер! На вас невозможно смотреть без слез! Идите в магазин и лично во всем убедитесь. В конце концов, купить одну книгу вы право имеете?

— Конечно! — тут же оживился господин барон.

— В любом случае это надо отметить, — поддержал Фульд.

— Агата готовится, — вздохнул Эрик, — мы ждем вас вечером к себе.

— Все! Никакого уныния! Идите! — И его величество решительно зачерпнул варенья из вазочки (все-таки по последним исследованиям в области психиатрии...)

* * *

Барон фон Гиндельберг вышел из дворца и так выразительно посмотрел на парня в многоугольной фуражке, что тому пришлось-таки временно отказаться от исполнения своих обязанностей, дабы ни много ни мало сохранить себе жизнь...

Канцлер решил пройтись. С одной стороны — стояла прекрасная погода, с другой — он не хотел пугать окружающих королевским экипажем. Решил, что явится в книжный магазин инкогнито.

Конец марта. Лаутгард проснулся от зимней спячки, от снегопадов, что в этом году, казалось, никогда не закончатся. Синее небо, яркое солнце! А в душе — тревожный холодок...

Грон бросал на хозяина укоризненные взгляды.

«Хорошо Фульд влил в него успокоительного. А то не ровен час беднягу хватит инфаркт! А это еще что? — Пес принялся, чихнув от

солнца. — Коньяк? И когда успел? Пока я спал, наверное. Вот к чему такие терзания? Можно было еще поспать... Станешь отцом, я на тебя посмотрю. Будем вместе сбегать во дворец».

— Подожди здесь. Я ненадолго.

«В обморок только не упади». — Пес зевнул и улегся в тени.

— Мама! Смотри! Низерцвейг! Можно, я поглажу? — Маленький мальчик потянулся к собаке, но покрасневшая дама с силой дернула ребенка к себе.

— Йозеф, не сейчас! Скорее, пропустим запись!

— Простите, вы тоже записаны? На Эльзу Грон? — обогнала ее пожилая женщина, прижимая к себе литтл-херригана.

Песик хрипел и задыхался, таякая на дремлющего в тени низерцвейга. Эрику показалось, что дама произнесла что-то смутно знакомое, но решил, что ему послышалось. Грон сделал вид, что спит, пряча улыбку в черную бороду.

— Да! А у вас какой номер?

С трудом протиснувшись сквозь толпу, барон добрался до зала, где продавалась развлекательная остросюжетная литература. Маленькие кокетливые цилиндры с разноцветными нервно подрагивающими перышками, юбки, шуршащие так громко, что он совершенно забыл, ради чего, собственно, пришел, острый запах всевозможных духов... Удивительно, как любят дамы посещать книжные магазины. Раньше он этого как-то не замечал...

Толпа полностью заполнила самый центр зала. Ничего не было видно. Эрик огляделся. Взгляд упал на стеллаж, заставленный книгами фон Лингера. Новинка сезона: «Цена предательства».

Однако рядом... не было никого. Все присутствующие собрались в центре. Ничего не понимая, бормоча извинения за то, что в очередной раз наступил на чью-то юбку, канцлер двинулся сквозь толпу, состоящую в основном из прекрасной половины человечества.

Наконец он увидел то, ради чего собрались все эти люди. Пустые полки. И огромный плакат возле кассы, на котором была изображена молодая разведчица.

Решительный, бесстрашный взгляд. Изысканная, затянутая в перчатку кисть отчаянно сжимает маленький, дамский огнестрел. Точь-в-точь такой, какой он подарил Агате. Даже кристаллы в рукоять встроены те же. За спиной девушки цвели, будто старались задушить весь город, шоколадные деревья...

Несколько секунд он просто не мог оторвать взгляд. Над шапками

цветущих деревьев, там, где уже начиналось чистое весеннее небо, алыми буквами было выведено:

«ЭЛЬЗА ГРОН. НИ ВСПОМНИТЬ, НИ ЗАБЫТЬ».

Смех канцлера раздался настолько неожиданно, что дамы смолкли. Несколько мгновений они стояли, молча разглядывая весьма respectable мужчину, который... не мог остановиться.

Вдруг двери распахнулись, и в магазин зашел владелец, за которым мальчик-посыльный вез тележку, доверху загруженную новенькими экземплярами.

— Дамы! Не волнуйтесь! Всем хватит! Привезли новую партию, пожалуйста, подходите к кассам в порядке очереди! Вначале обслужим тех, кто по записи!

Что тут началось! Торнадо! Ураган!

Канцлер империи Отторн, вытирая влажные от смеха глаза, тихонько уселся в уголке книжного магазина. С совершенно счастливым видом он наблюдал, как оторванное от чьего-то цилиндра ярко-зеленое перышко медленно опускалось на уже успевший запылиться корешок нового романа фон Лингера...

Когда к нему подбежала девушка с толстой тетрадкой и предложила записаться в очередь, он отказался.

— Вы уверены? Подумайте! Вашей жене наверняка понравится.

— А знаете... Мне действительно хотелось бы подарить книгу жене. Но... совершенно нет времени. Может быть... — И канцлер с загадочным видом сунул девушке несколько крупных купюр.

— Берите, — быстро шепнула та, сунув книгу из-за спины так, чтобы этого никто не заметил. — Только никому не говорите!

— Я ваш должник!

И канцлер, с равнодушным видом приподняв цилиндр, тихонько вышел из магазина.

— И чья была идея? — Барон посмотрел на виляющего хвостом низерцвейга.

«Моя! Только Эльзе не говори. Она думает — что ее. И у жены не спрашивай! Эти женщины... такие... фантазерки!»